

ВЕСТНИК БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Учредитель:

Образовательное учреждение профсоюзов высшего профессионального образования «Академия труда и социальных отношений»

ISSN 2078-9025

№ 2 (18) июнь 2013

Серия «ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»

Научный журнал

Издается с 2009 г. Выходит ежеквартально.
ПИ № ФС77-34653 от 02 декабря 2008 г.

Редакционный совет журнала:

Председатель

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна, канд. ист. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Заместитель председателя

ВЕЛЬЦ Рахиль Яковлевна, канд. филол. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Члены редакционного совета:

БЕЗЗУБКО Лариса Владимировна, д-р наук по государственному управлению, профессор (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, Украина)

БУРХАНОВА Флюра Булатовна, д-р. социол. наук, профессор (Башкирский государственный университет)

ВАЛЕЕВ Хайдар Арсланович, д-р полит. наук, канд. юрид. наук, доцент (Центральная избирательная комиссия Республики Башкортостан)

ГАЙДУК Вадим Витальевич, д-р полит. наук, канд. юрид. наук (Башкирский институт социальных технологий)

ЗУЛЬКАРНАЙ Ильдар Узбекович, д-р экон. наук, профессор (Уфимский государственный университет экономики и сервиса)

ИСМАГИЛОВ Наиль Амирханович, д-р экон. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

КЕРИМОВ Александр Джангирович, д-р юрид. наук, профессор (Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова)

КУРМАНОВ Альберт Сафуатович, д-р юрид. наук (ОАО «Социнвестбанк»)

ЛЯНЧЕ Маргарита Леонидовна, д-р полит. наук, профессор (Научно-исследовательский институт проектменеджмента и инвестиций, Ганновер, Германия)

МАЛИКОВ Борис Зуфарович, д-р юрид. наук, профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

МАТВЕЕВА Любовь Дмитриевна, д-р ист. наук, профессор (Уфимский государственный университет экономики и сервиса)

МАХМУТОВ Анас Хусаинович, д-р экон. наук, профессор, академик АН РБ (Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан)

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович, д-р полит. наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

МИХАЙЛОВА Наталья Вячеславовна, д-р полит. наук, доцент (Российский университет дружбы народов)

МУРАТШИН Фларит Рашитович, д-р юрид. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

РАХМАТУЛЛИНА Зугура Ягануровна, д-р филос. наук, профессор (Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации)

САМИРХАНОВ Амирхан Миркадамович (Федерация профсоюзов Республики Башкортостан)

САМРАИЛОВА Татьяна Константиновна, д-р полит. наук, профессор (Академия труда и социальных отношений, Москва)

ТЕРНОВАЯ Людмила Олеговна, д-р ист. наук, профессор (Московский автомобильно-дорожный институт)

ТЮРИН Сергей Борисович, д-р экон. наук, профессор (Ярославский филиал Академии труда и социальных отношений)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Закирович, д-р юрид. наук (Евразийский научно-исследовательский институт проблем права)

ШАЯХМЕТОВ Ульфат Шайхизаманович, д-р техн. наук, профессор (Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы)

Редакционная коллегия

Главный редактор

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна, канд. ист. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Члены редакционной коллегии:

БЕЛЯЕВ Максим Анатольевич, руководитель Агентства примирительных технологий (Башкирский институт социальных технологий)

БИКТАГИРОВА Алсу Рашитовна, канд. психол. наук (Башкирский институт социальных технологий)

БОЧАРОВА Татьяна Евгеньевна, ответственный секретарь (Башкирский институт социальных технологий)

БЫСТРОВ Александр Ильич, канд. техн. наук, ст. научный сотрудник (Башкирский институт социальных технологий)

ГАЛИЕВА Гульназ Физратовна, канд. экон. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

КУЗНЕЦОВ Игорь Александрович, канд. юрид. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

СУЛЕЙМАНОВ Артур Рамилевич, канд. полит. наук (Башкирский институт социальных технологий)

ХОРОШАВЦЕВА Ольга Петровна, канд. культурол. (Башкирский институт социальных технологий)

Адрес редакции: 450054, г. Уфа, проспект Октября, 74/2

E-mail: vestnikBIST@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ 7

Самирханов А.М.

Работающим женщинам — достойные условия 7

Полстовалов О.В.

Поражение в правах несовершеннолетних при трудоустройстве
в связи с судимостью близких родственников 11

Нигматуллина Т.А.

Занятость российских волонтеров как приоритетное направление
государственной молодежной политики. 14

Миннигулова Д.Б.

Пределы применения норм трудового права
в регулировании государственной гражданской службы 21

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО 27

Афанасьев А.А.

Способы и направления совершенствования муниципально-правового режима
сельской жизни: правовое обеспечение устойчивого комплексного
социально-экономического развития территории сельских поселений 27

Бучинский В.В.

Особенности конституционно-правового регулирования разграничения
федерального и регионального законодательства в регламентации вопросов
организации местного самоуправления 33

Насыров Р.Р.

Легитимация государственной власти в Федеративной России 40

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ 44

Курманов А.С.

К вопросу о заглавии главы 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав
и свобод человека и гражданина» 44

Хачатрян А.С.

Проблемы предупреждения преступности в сфере здравоохранения 48

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС 54

Ананичева Н.А.

Приватизация жилых помещений, находящихся в государственном
и муниципальном жилищном фонде 54

Горелов М.В. Третьи лица в гражданском судопроизводстве.	57
Мифтахова А.М., Искужин И.Р. Корпоративные формы акционерного контроля: зарубежный опыт	61
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА	68
Сулейманов А.Р. Примордиализм и конструктивизм в теории национальной безопасности	68
Сулейманов Т.Ф., Кашапов У.А. Когерентность права и нравственности в философско-правовых системах В.С. Соловьева и Е.Н. Трубецкого.	72
ЛИЧНОСТЬ. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО	81
Рахматуллина З.Я. Законодательное пространство современной России: актуализация проблемы экологии духовности молодежи	81
Галиев Ф.Х. Современная молодежь и правовая культура.	84
Солодкая И.Н., Баскаков А.Т. Перспективы создания службы пробации в Российской Федерации	91
Сулейманов Т.Ф., Кашапов У.А. Политическая культура как один из основных элементов духовного потенциала общества.	94
ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ	103
Кудрявцева О.Г., Кудрявцев А.В. Ювенальные технологии в современной России	103
CONTENTS	107
АВТОРАМ	117

CONTENTS

LABOR LAW AND SOCIAL SECURITY LAW	7
Samirkhanov A.M.	
Merited conditions to working women	7
Polstovalov O.V.	
Defeat in the right of minors seeking employment in connection with convictions of their relatives	11
Nigmatullina T.A.	
Employment of russian volunteers as priority guidelines of public youth policy.	14
Minnigulova D.B.	
The limits of application of norms of labor law in the regulation of public civil service.	21
CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW	27
Afanasyev A.A.	
Ways and directions of improvement of municipal and legal regime of rural life: legal support of stable complex social and economical development of the rural area	27
Buchinsky V.V.	
Peculiarities of constitutional and legal regulation of differentiation of federal and regional legislation in the regulation of the questions of organization of the local self-government	33
Nasyrov R.R.	
Legitimation of government in the Federative Russia	40
CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY	44
Kurmanov A.S.	
To the question about the title of chapter 19 of the criminal code of the Russian Federation «Crimes against the constitutional rights and freedoms of man and citizen»	44
Khachatryan A.S.	
Problems of crime prevention in the sphere of health protection	48
CIVIL LAW AND PROCESS	54
Ananicheva N.A.	
Privatization of the living quarters belonging to state and municipal housing resources	54
Gorelov M.V.	
Third party in the civil legal procedure	57

Miftakhova A.M., Iskuzhin I.R. Corporate forms of joint-stock control: foreign experience	61
THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE	68
Suleymanov A.R. Primordiolism and constructivism in the theory of national security	68
Suleymanov T.F., Kashapov U.A. Coherence of law and morality in philosophical and legal systems developed by Solovyov V.S. and Trubetsky Y.N.	72
PERSON. CULTURE. SOCIETY	81
Rakhmatullina Z.Y. Legislative space of modern Russia: actualization of the environmental problem of spirituality of youth	81
Galiev F.K. Modern youth and legal culture	84
Solodkaya I.N., Baskakov A.T. Prospects of creation of probation service in the Russian Federation.	91
Suleymanov T.F., Kashapov U.A. Political culture as one of the basic elements of spiritual potential of the society	94
JUVENILE JUSTICE	103
Kudryavtseva O.G., Kudryavtsev A.V. Juvenile technologies in modern Russia	103
CONTENTS	107
FOR AUTHORS	117

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

УДК 349

САМИРХАНОВ Амирхан Миркадамович,

Председатель Федерации профсоюзов Республики Башкортостан

e-mail: ru@fprb.ru

РАБОТАЮЩИМ ЖЕНЩИНАМ — ДОСТОЙНЫЕ УСЛОВИЯ

В статье рассматриваются вопросы содействия занятости женщин, воспитывающих детей, и лиц с семейными обязанностями. Освещаются российское законодательство по защите материнства, детства и семьи, достижения Республики Башкортостан в области региональной семейной политики, а также предложения по улучшению мер социальной защиты работающих женщин, имеющих детей в возрасте до 14 лет.

Ключевые слова: профессиональная занятость, демографическая политика, профессиональная подготовка и переподготовка, социальная поддержка, условия труда.

Работа — важнейшее средство «социальной страховки» как для женщины, так и ее семьи. Современная женщина вынуждена совмещать несколько социальных функций — матери, жены, работника и ряд других. Успех в реализации данных ролей зависит не только от ее желания, но и от того, какие условия созданы в обществе. В социально-экономических условиях работающие российские мамы пытаются найти оптимальный баланс между профессиональной занятостью и семейными обязанностями.

Соблюсти этот баланс призваны нормативно-правовые акты. Национальное законодательство не только закрепляет защиту государством материнства, детства и семьи в Конституции России, федеральных законах и подзаконных актах, но стремится создать все условия и разработать механизмы для реализации такой защиты. Россией ратифицирован ряд конвенций Международной организации труда, в частности «Конвенция о равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности» (№ 100), «Конвенция об охране материнства» (№ 103), «Конвенция о дискрими-

нации в области труда и занятости» (№ 111), «Конвенция о работниках с семейными обязанностями» (№ 156), к которым присоединилось большинство развитых стран мира¹.

В Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 09.10.2007 № 1351, одной из главных задач по достижению целей демографической политики является содействие занятости женщин, имеющих малолетних детей в возрасте до 3 лет, чтобы они могли совмещать родительские и семейные обязанности с профессиональной деятельностью. Для этого требуется создавать для женщин, выходящих из отпуска по уходу за ребенком, условия, способствующие их возвращению к трудовой деятельности посредством организации их профессиональной подготовки и переподготовки. В настоящее время в РФ число женщин, состоящих в трудовых отношениях и находящихся в отпуске по уходу за ребенком в возрасте до 3 лет, составляет порядка 2513 тыс., из них в отпусках по уходу за ребенком в возрасте до 1,5 лет находятся 1993 тыс. женщин,

¹ URL: <http://www.ilo.org/ilolex/english/docs/declworld.htm>

в отпусках по уходу за ребенком в возрасте от 1,5 до 3 лет — порядка 580 тыс. женщин.

В соответствии с действующим законодательством безработные граждане, зарегистрированные в органах службы занятости, имеют право бесплатно пройти профессиональное обучение по направлению органов службы занятости. В этой связи, при необходимости, безработные женщины, осуществляющие уход за ребенком в возрасте до 3 лет, имеют право бесплатно пройти профессиональное обучение и таким образом повысить конкурентоспособность на рынке труда.

Мы считаем, что одним из действенных механизмов, позволяющих решать рассматриваемую проблему, является социальное партнерство, в процессе которого проводится мониторинг социально-экономической ситуации в сфере труда, заключаются коллективные договоры и соглашения, включающие специальные разделы и положения, касающиеся труда женщин и лиц с семейными обязанностями, реализуются региональные программы занятости.

Республика Башкортостан является одним из благополучных регионов Российской Федерации, где ведется целенаправленная работа в региональной семейной политике, имеются достижения в области правового обеспечения семей, разработки и реализации мер поддержки ряда категорий семей (многодетные семьи, молодые семьи, сельские семьи), мер по пропаганде семьи и семейного образа жизни. Рождаемость в РБ по итогам последних двух лет опережает смертность, демографический индекс составляет +0,3.

Органами Государственной власти принято более 400 законов и подзаконных актов в защиту материнства и женщин. В Республике Башкортостан был принят Закон «Об охране материнства, отцовства и детства», который успешно реализуется.

В Башкортостане трудовой деятельностью занято 1 917 800 человек. Из них 913 400 женщин. По данным статистики, средний возраст работающих в регионе составляет 40 лет. Женщины, кроме выполнения материнских функций, работают во всех сферах экономики, где их доля составляет около 30%. Преимущественно женщины работают там, где большая ответственность, тяжелый труд (в строительной

индустрии — это штукатуры-маляры; в животноводстве — операторы машинного доения, телятницы, свиноводы, птичницы; в тепличных хозяйствах — тепличницы и т. д.), низкая заработная плата привела к матриархальности социальной сферы, по этой же причине наблюдается феминизация отраслей образования, воспитания, здравоохранения, которые считаются традиционно «женскими».

Проведенный Федерацией профсоюзов Республики Башкортостан мониторинг ситуации по созданию в регионе условий для совмещения женщинами обязанностей по воспитанию детей с трудовой деятельностью позволяет констатировать, что в отраслях такой опыт созданию условий имеется. Целенаправленная работа по социальной поддержке работающих женщин ведется в системе образования.

Так, женщинам, работающим в сельской местности на работах, где по условиям труда рабочий день разделен на части (с перерывом рабочего времени более 2 часов), устанавливается повышенная на 30% оплата труда; работающим во вредных условиях труда — на 15%.

Женщины, работающие в учреждениях образования сельской местности, имеют сокращенную 36-часовую рабочую неделю.

Женщинам, имеющим детей-инвалидов в возрасте до 18 лет, предоставляются 4 дополнительных оплачиваемых Фондом социального страхования выходных дня в месяц, предусмотренных законодательством (не в счет свободного дня работника). Оплата замещения этого работника осуществляется за счет фонда оплаты труда учреждения.

Семьи, в которых имеются дети с недостатками психического и (или) физического развития, а также больные туберкулезом, освобождаются от платы за содержание детей в дошкольных образовательных учреждениях. Многодетным и малообеспеченным семьям предоставляются льготы по оплате за содержание детей в дошкольных образовательных учреждениях.

В соответствии с Республиканским соглашением женщинам после нахождения в отпусках по беременности и родам, уходу за ребенком, оплата труда сохраняется в случае истечения действия квалификационной категории. Женщины, аттестуемые во время нахождения

в таких отпусках, освобождаются от экспертной оценки продуктивности (результативности) профессиональной деятельности.

Особое внимание уделяется охране здоровья женщин, созданию для них безопасных условий труда.

Женщины, работающие в образовательных учреждениях, за счет средств работодателя проходят обязательные предварительные (при поступлении на работу) и регулярные медицинские осмотры с сохранением среднего заработка во время их прохождения. Во многих учреждениях созданы комнаты психологической разгрузки.

По программе «Педагогические кадры Республики Башкортостан» в санаториях республики в 2012 году оздоровлено 607 педагогических работников, на эти цели из бюджета республики выделено 7 млн рублей. Кроме того, в соответствии с Постановлением Правительства РБ от 25.12.2009 № 489 «Об утверждении порядка предоставления социальной услуги по обеспечению санаторно-курортным лечением специалистов государственных учреждений Республики Башкортостан» 139 специалистов государственных образовательных учреждений получили возможность поправить свое здоровье в санаториях республики по различным профилям заболеваний. На эти цели из бюджета республики было выделено 2,2 млн рублей. Программы по оздоровлению работников, в том числе в рамках территориальных отраслевых соглашений, также реализуются в городах Уфе, Белорецке, Стерлитамаке, Туймазинском, Хайбуллинском районах. Всего в 2012 году (помимо средств республиканского бюджета) за счет средств муниципальных бюджетов, спонсорских, профсоюзных средств оздоровлено 334 работника образования.

В коллективных договорах отрасли здравоохранения включены пункты, согласно которым сотрудницы, имеющие малолетних детей, не привлекаются к дополнительным сменам и работе в праздничные дни. Сотрудницам, имеющим трех и более детей в возрасте до 14 лет, предоставляется очередной оплачиваемый отпуск в летнее или другое удобное для них время.

В коллективных договорах предприятий авиационной промышленности предусмотрены меры социальной защиты женщин, в том числе

применение гибких графиков работы, сокращенной рабочей недели женщинам, имеющим детей до 14 лет; профессиональное обучение и переобучение женщин, имеющих перерывы в трудовой деятельности в связи с рождением и воспитанием детей; обеспечение тендерного равенства в вопросах оплаты труда мужчин и женщин; организация условий труда и быта женщин с учетом их физиологических особенностей; системы мер по переводу женщин с работ с тяжелыми условиями труда, сокращению занятости женщин в ночное время; предоставление очередного оплачиваемого отпуска женщинам, имеющим трех и более детей в возрасте до 14 лет, в летнее или другое удобное для них время года; предоставление для женщин, имеющих ребенка-первоклассника, дополнительного нерабочего дня в первый учебный день сентября с оплатой в размере дневного заработка и другие льготы и гарантии.

В коллективные договоры отдельных предприятий включены дополнительные, по сравнению с законодательством, льготы для работающих женщин. Например, в ОАО НИИТ продолжительность рабочего времени для женщин сокращена на 1 час в неделю с сохранением заработка. В ОАО НИИ «Солитон» предоставляется 2 дополнительных часа отдыха в месяц с сохранением заработной платы женщинам, имеющим двух и более детей в возрасте до 14 лет.

В организациях связи осуществляется подготовка и переподготовка, повышение квалификации женских кадров, а также предоставляется возможность повышения квалификации в связи с внедрением новых технологий. Оплата труда в период подготовки кадров и переобучения, сдачи экзаменов при заочном обучении производится в размере 100% среднемесячной заработной платы по месту работы.

В рамках реализации концепции гендерной политики профсоюзов по инициативе Федерации профсоюзов в Республиканское соглашение между Федерацией профсоюзов Республики Башкортостан, объединениями работодателей Республики Башкортостан и Правительством Республики Башкортостан на 2011–2013 годы включен отдельный раздел «Социально-экономическая защита работающих женщин». В первичных профсоюзных организациях комиссиями профкомов по ра-

боте с женщинами проводится большая работа по закреплению в коллективных договорах соответствующих пунктов. Это мероприятия по улучшению условий труда и быта женщин, питания, медицинского обеспечения, оздоровления и отдыха работающих женщин и их детей. Коллективные договоры в республике заключены в свыше шести тысячах предприятий и организаций, и в каждом из них, в зависимости от экономических условий, определены те или иные социальные гарантии работающим женщинам.

В рамках социального партнерства в республике четвертый год (с 2010 г.) Федерацией профсоюзов совместно с Министерством труда и социальной защиты населения, Торгово-промышленной палатой Республики Башкортостан проводится республиканский конкурс «Лучшее предприятие для работающих мам». Конкурс актуализирует проблему социальной защиты работающей женщины-матери, привлекает внимание работодателей к вопросам улучшения условий и охраны труда, способствует созданию для них в организациях безопасных и благоприятных условий труда и быта.

Государственными инспекциями труда и профсоюзными организациями проводятся совместные проверки за соблюдением законодательства о труде.

Ряд положительных примеров можно продолжить. Несмотря на принимаемые меры, жизненный уровень работающих мам остается низким. Низкая эффективность принимаемых мер связана также с отсутствием единого федерального органа по формированию и реализации государственной семейной политики. На морально-психологическое самочувствие

и результаты работы женщин негативно влияют следующие проблемы:

1. Проблема бедности в семье, особенно в семьях с детьми, которая обусловлена низким уровнем заработной платы и занятости населения.

Предложение: пересмотреть систему пособий для семей с детьми и довести размер пособия до величины прожиточного минимума, установленного в Республике Башкортостан.

2. Жилищная проблема и неприемлемые условия приобретения жилья, обусловленные низким уровнем заработной платы.

Предложение: разработка и внедрение жилищных программ, доступных населению.

3. Проблема очередей в дошкольных образовательных учреждениях (в том числе ясельных группах), которая препятствует женщине своевременно приступить к работе. (По состоянию на 1 января 2013 г. охват детей составляет 62,2%).

Предложение: расширить сеть ДОУ путем государственного кредитования частной системы ДОУ.

4. Проблема доступности для детей центров дополнительного образования, спортивных секций и др.

Также сегодня необходимо предусмотреть в коллективных договорах (с учетом производственных условий) меры социальной защиты женщин, в том числе применение гибких графиков работы, сокращенной рабочей недели женщинам, имеющим детей до 14 лет. В свою очередь, разработать и принять механизмы поддержки социально-ответственных руководителей предприятий, организаций, учреждений путем предоставления налоговых льгот, введения специальных налоговых режимов и др.

УДК 349.2:347.157

ПОЛСТОВАЛОВ Олег Владимирович,

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан»
e-mail: bagsu@rb.ru

ПОРАЖЕНИЕ В ПРАВАХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРИ ТРУДОУСТРОЙСТВЕ В СВЯЗИ С СУДИМОСТЬЮ БЛИЗКИХ РОДСТВЕННИКОВ

В статье рассматривается проблема защиты прав несовершеннолетних, чьи близкие родственники привлечены к уголовной ответственности, в свете их поражения в правах при трудоустройстве на государственную и гражданскую службы, а также правоохранительные органы.

Ключевые слова: право на труд, трудоустройство, судимость, защита прав несовершеннолетних, уголовная ответственность.

Забота о детях становится во главу угла современной российской государственной политики, поэтому защита несовершеннолетних от преступных посягательств со стороны их близких родственников находится в числе приоритетных направлений деятельности органов уголовного преследования и судов. Вместе с тем, сам факт привлечения к уголовной ответственности близких родственников этих самых несовершеннолетних может перечеркнуть их дальнейшую карьеру по целым направлениям дальнейшей возможной профессиональной деятельности. Как справедливо было отмечено исследователями, «ни в бывшем Советском Союзе, ни в современной России не было и нет официальной статистики по насилию в семье. Статистика о потерпевших ведется в отношении всего массива потерпевших от всех видов преступлений, не выделяя при этом количество жертв от насильственных преступлений вообще и от насильственных преступлений, совершаемых в семье» [1]. Поэтому сложно дать объективную качественно-количественную характеристику этой проблемы.

Поражение в правах при трудоустройстве в связи с самим фактом привлечения к уголовной ответственности близкого родствен-

ника в российской современной проекции на реальную действительность очень напоминает широко известную антифразу лицемерной формулы «сын за отца не отвечает» все более набирающего в последние годы популярность И.В. Сталина. В тоже время, неоднократно озвученный И.В. Сталиным лозунг о том, что «кадры решают все», как правило, вырывают из контекста сказанного им на выступлении: «Если бы на наших первоклассных заводах и фабриках, в наших колхозах и совхозах, в нашей Красной Армии имелось достаточное количество кадров, способных оседлать эту технику, страна наша получила бы эффекта втрое и вчетверо больше, чем она теперь имеет. Вот почему упор должен быть сделан теперь на людях, на кадрах, на работниках, овладевших техникой. Вот почему старый лозунг «техника решает все», являющийся отражением уже пройденного периода, когда у нас был голод в области техники, должен быть теперь заменен новым лозунгом, лозунгом о том, что «кадры решают все». В этом теперь главное» [2]. Вынужден сослаться на популярный в настоящее время авторитет еще и потому, что двойные стандарты на стыке расхождения слов и реальных действий сегодня даже не всегда ретуши-

руются заботой о кадрах. Вместе с тем, лейтмотив борьбы за чистоту рядов государственных гражданских служащих, сотрудников правоохранительных органов и судей остается определяющим, в том числе, по принципу «сын в ответе за отца». При этом, наличие непогашенной и неснятой судимости подменяется (!) самим фактом привлечения к уголовной ответственности, даже если состав преступления декриминализован или пресловутая судимость снята или погашена в установленном законом порядке.

Благая забота о недопустимости поступления на государственную службу лиц, прямо или даже косвенно связанных с криминалом, превратилась во вполне свойственную российской традиции практику двойных стандартов. Впрочем, всякие замечания в адрес тех, кто так и не был привлечен к уголовной ответственности за совершенные ими некриминальные, по оценке уголовного преследования и суда, деяния, в нашем «правовом государстве» автоматически превращаются в клевету.

Оставив политику, обратимся к правовой составляющей вопроса на примере поступления на службу в органы внутренних дел. В соответствии с п. 14 Приказа МВД РФ от 19.05.2009 № 386 «О порядке отбора граждан на службу (работу) в органы внутренних дел Российской Федерации»: «Подразделение по работе с личным составом, получив указание начальника органа внутренних дел, имеющего право назначения на должность, о продолжении изучения кандидата на службу, направляет его на медицинское освидетельствование, психофизиологическое обследование, организует проверку в целях выявления ограничений в приеме на службу в органы внутренних дел, проверку общей и физической подготовленности, проверку по учетам» [3]. Особый интерес вы-

зывает в контексте затронутой проблемы проверка в целях выявления ограничений в приеме на службу в органы внутренних и по учетам. При этом даже неполная проверка проводится как в отношении кандидата, так и его жены (мужа) и близких родственников, проживающих совместно с кандидатом. Она включает в себя проверку по учетам органов внутренних дел и проверку по месту жительства кандидата и в этом отличается от полной проверки лишь тем, что в последнем случае также получают подтверждение данных через соответствующие органы внутренних дел, органы записи актов гражданского состояния, иные органы, да и то только в необходимых случаях. Кроме того, сфера неполной проверки не много уже, поскольку ограничена кругом близких родственников, совместно проживающих с поступающим на службу (п.п. 23, 24 Приказа МВД РФ от 19.05.2009 № 386 «О порядке отбора граждан на службу (работу) в органы внутренних дел Российской Федерации»). Сотрудник полиции не может находиться на службе в полиции, если он осужден за преступление по приговору суда, вступившему в законную силу, а равно при наличии судимости, в том числе снятой или погашенной, а также в случае представления подложных документов или заведомо ложных сведений при поступлении на службу в полицию (п.п. 3 и 9 ст. 29 Федерального закона «О полиции»^{*}). Из текста закона следует, что судимость близких родственников, и уж тем более снятая и погашенная, не является обстоятельством, исключающим службу в органах внутренних дел. Однако в случае сообщения поступающим на службу недостоверных данных об этом может быть признано представлением заведомо ложных сведений. По факту, судимость близких родственников, даже снятая и погашенная, становится обстоя-

^{*} Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант». В этой части современный закон куда как более либерален, поскольку в соответствии с ч. 2 ст. 19 ранее действовавшего Закона Российской Федерации «О милиции» не могли быть приняты на службу в милицию граждане, имеющие либо имевшие судимость, а также граждане, уголовное преследование в отношении которых прекращено за истечением срока давности, в связи с примирением сторон, за исключением уголовных дел частного обвинения, вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием (см.: Закон РФ от 18.04.1991 № 1026-1 «О милиции» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант»). К слову, приведенный выше Приказ МВД РФ от 19.05.2009 № 386 в действующей на сегодняшний день редакции по-прежнему (уже два года как) отсылает к старому недействующему закону(!). Возникает риторический вопрос: подразделения по работе с личным составом МВД РФ работают по старинке или опираются в своей деятельности на новый закон?

тельством, существенно осложняющим поступление на службу в органы внутренних дел. Из личного опыта по трудоустройству выпускников юридического вуза знакомы ситуации, когда поступающий на службу просто не мог знать о судимости своего отца, поскольку тот бросил семью, когда ребенок еще находился в утробе матери, да и к тому же к моменту его устройства на работу в МВД РФ уже много лет как скончался. Тем не менее, данное обстоятельство подразделениями по работе с личным составом органов внутренних дел трактовалось как препятствующее прохождению службы в ведомстве. Еще более лицемерным данное положение выглядит, когда уголовный закон встает на защиту прав несовершеннолетнего от насилия в семье со стороны близких родственников: факт привлечения к уголовной ответственности отца-дебошира, с одной стороны, ограждает несовершеннолетнего от насильственных посягательств со стороны его близких родственников, а с другой, полностью и необратимо поражает его в правах. Ситуация с органами государственной безопасности куда как менее прозрачна, поскольку допуск к основным видам деятельности ведомства (контрразведка и разведка, борьба с терроризмом и преступностью, пограничная деятельность и обеспечение информационной безопасности) полностью находится в сфере компетенции руководителя федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности (ч. 4 ст. 7 Федерального закона от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» [4]). В этом смысле конституционное положение о праве граждан на труд в части данных направлений деятельности не опосредовано в должной мере федеральным законом, а полностью определено ведомственными нормативными правовыми актами.

Среди коррупционеров от правоохранительных органов и судов подавляющее боль-

шинство занимают лица с «неотягощенной криминалом генетикой», в тоже время талантливые, принципиальные и способные молодые люди по-прежнему отвечают за ошибки своих близких родственников, а несущественные послабления в сфере кадрового отбора не решают проблему в целом. Система имеет массу условностей и в общем виде непрозрачна. В тоже время, защита прав и интересов нашей молодежи в вопросах трудоустройства должна стать приоритетом не на бумаге, а в реальной деятельности кадровых служб. В завершение сказанного, стоит сослаться на очень точное и емкое высказывание И.В. Сталина по кадровой проблеме: «Лозунг “кадры решают все” требует, чтобы наши руководители проявляли самое заботливое отношение к нашим работникам, к “малым” и “большим”, в какой бы области они ни работали, выращивали их заботливо, помогали им, когда они нуждаются в поддержке, поощряли их, когда они показывают первые успехи, выдвигали их вперед и т.д. А между тем на деле мы имеем в целом ряде случаев факты бездушно-бюрократического и прямо безобразного отношения к работникам» [2]. Увы, но даже сегодня эти слова остаются актуальными.

Литература:

[1] *Гаврилова Т.В.* Социальные аспекты распространения насилия в отношении несовершеннолетних / *Т.В. Гаврилова, Д.С. Диденко-Чинтимур* // Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права. — 2012. — № 3. — С. 73.

[2] *Сталин И.В.* Речь в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии // Сочинения. — Т. 14. — М.: Писатель, 1997. — С. 61.

[3] Приказ МВД РФ от 19.05.2009 № 386 «О порядке отбора граждан на службу (работу) в органы внутренних дел Российской Федерации» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. — 2009. — 3 авг. — № 31.

[4] Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» // СЗ РФ. — 1995. — № 15. — Ст. 1269.

УДК 349.2:329.78(470)

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна,
директор Башкирского института социальных технологий (филиала)
Образовательного учреждения профсоюзов высшего профессионального
образования «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа),
докторант РАНХ и ГС при Президенте РФ, кандидат исторических наук
e-mail: vova-velc@yandex.ru

ЗАНЯТОСТЬ РОССИЙСКИХ ВОЛОНТЕРОВ КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассмотрены вопросы содействия развитию практики благотворительной деятельности граждан и организаций, а также распространению в России добровольческой деятельности — волонтерства. Дано обоснование, что это привлечение дополнительных человеческих ресурсов позволит перейти на новый качественный уровень решения социальных проблем, реализации национальных проектов, что, в свою очередь, обеспечит значительный экономический эффект и окажет влияние на дальнейшее развитие общества.

Ключевые слова: волонтерство, добровольческая деятельность, неоплачиваемая занятость, международное сотрудничество, рекрутинговые центры.

В качестве стратегической задачи на ближайшее десятилетие Россия провозгласила курс на системную модернизацию и инновационное развитие, однако при его реализации столкнулась с целым рядом проблем. В числе ключевых следует назвать формирование системы эффективной занятости населения, а также изменение социально-трудовых отношений под влиянием новых потребностей и ценностей, в первую очередь, распространение новых форм занятости.

Вместе с тем современное инновационное и социально ориентированное государство немислимо без зрелого гражданского общества. Не случайно одним из пунктов «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» значится развитие социальных институтов и социальная политика, в том числе, «содействие развитию практики благотворительной деятельности граждан и организаций, а также распространению добровольческой деятельности (волонтерства)» [1].

Следует отметить, что Россия входит в число стран, где затруднена оценка трудового потен-

циала и экономических эффектов волонтерства, так как этот вид деятельности привлек внимание государства лишь в последние годы. Заметно отставание нашей страны по этому вопросу также и в научном контексте, законодательном и институциональном плане: отсутствует целостная научная и прикладная концепция позиционирования волонтеров в России, не определен их экономический статус, отсутствует система институтов, регулирующих данный вид деятельности. Фактически добровольческое движение в нашей стране формировалось стихийно, и при этом часть волонтеров действует вне правового поля, что в полной мере проявилось во время ликвидации последствий наводнения в г. Крымске в июле 2012 года.

Как справедливо отмечает Г.П. Бодренко, «лишь в течение последнего десятилетия в результате предпринимаемых совместных общественно-политических усилий в Российской Федерации постепенно создаются предпосылки формирования институциональных механизмов содействия развитию добровольчества» [2].

На наш взгляд, периодом становления института добровольчества в Российской Федерации следует считать 2006 год. Поскольку именно в 2006 году в России формируются правовые основы государственной молодежной политики по содействию развитию и поддержке добровольчества, и добровольчество приобретает системно-политический характер. Именно в 2006 году Правительством Российской Федерации утверждается и с тех пор действует Стратегия государственной молодежной политики Российской Федерации, предусматривающая ее реализацию до 2016 года [3].

Стоит особо подчеркнуть, что сам термин «добровольчество» несколько чужд истории российской государственности. В досоветской России этот термин вообще не употреблялся. Вместо него использовались понятия: «благотворительность», «попечение», «призрение».

В современном понимании термин «добровольчество» стал использоваться лишь в 90-х годах XX столетия, в период кардинальных политических трансформаций и становления новой государственности. В толковом словаре В.И. Даля «добровольный» означает «произвольный, не принужденный, сделанный кем-то по своей воле, по своей свободе». Доброволец — «охотник в рекруты по найму», «наймит», «бродяга» [4]. В Советском Союзе под термином «добровольчество» понимался «способ комплектования вооруженных сил путем зачисления на военную службу добровольцев» [5].

Добровольческая деятельность (в общем виде) — это безвозмездная (индивидуальная или коллективная) общественно-полезная деятельность, осуществляемая кем-либо на основе своей доброй воли и свободного выбора в пользу третьих лиц или общества в целом [2].

В сегодняшней России такие дефиниции, как «добровольчество», «волонтерство», «добровольческая деятельность» чаще всего употребляются как тождественные. Более того, используются с некой привязкой к конкретной общественной некоммерческой организации, и, к сожалению, не воспринимаются как государственно значимые социально-политические институты. Иначе говоря, в общественном сознании до сих пор сохраняется восприятие добровольчества как некой «бесплатной

рабочей силы», что, естественно, не может позитивно сказываться на развитии волонтерского движения в стране.

В то же время во всем мире добровольчество, или волонтерство, уже получило широкое распространение, и его роль в социально-политическом и экономическом развитии государств оценена на международном уровне. По данным Американского университета им. Дж. Хопкинса, в 2010 году в волонтерской деятельности по всему миру приняли участие 971 млн человек, а вклад их деятельности в мировую экономику оценивается в 1,348 трлн дол. США [6]. Это означает, что если бы добровольцы составили население одной страны, то у нее было бы второе по величине взрослое население в мире, уступая только Китаю, и это была бы седьмая крупнейшая экономика на планете. Поэтому волонтерство, с одной стороны, отражает уровень развития общества, а с другой — представляет собой особую форму эффективной общественной деятельности.

Хотя определенный интерес добровольчество вызывает и у современной молодежи. Согласно результатам инициативного всероссийского опроса ВЦИОМ, который был проведен 18–19 июня 2011 г. в 46 субъектах Российской Федерации, «Добровольно и бесплатно на пользу обществу в течение последних трех лет хотя бы однажды трудился каждый второй россиянин (53%). Лидирующий мотив участия в добровольческой деятельности — желание быть полезным, помогать нуждающимся (58%). Наиболее популярный вид добровольческой деятельности для россиян — посадка цветов, деревьев, газонов, благоустройство, в этом готовы участвовать 27% опрошенных. Среди молодежи наименее распространено стремление к добровольческой деятельности из благородных мотивов» [7].

Тем не менее хотелось бы подчеркнуть, что политико-правовая база института добровольчества в Российской Федерации постепенно формируется. В 2008 году в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р, содействие развитию и распространению добровольческой деятель-

ности (волонтерства), отнесено к числу приоритетных направлений социальной и молодежной политики [8].

В 2009 году существенный толчок в развитии молодежного добровольчества дал учрежденный Президентом Российской Федерации 2009 год — Год Молодежи, целью проведения которого являлось «развитие творческого, научного и профессионального потенциала молодежи, ее активное привлечение к проведению социально-экономических преобразований в стране, воспитание чувства патриотизма и гражданской ответственности у молодых людей» [9].

В 2009 году по результатам совместных усилий Минэкономразвития России, Общественной палаты Российской Федерации, экспертного добровольческого и благотворительного сообщества Правительством Российской Федерации утверждена (от 30.07.2009 № 1054-р) «Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации» [10].

В Концепции были выделены следующие задачи:

- обеспечение роста поддержки в обществе и расширения участия граждан в добровольческой деятельности;
- содействие повышению эффективности и профессионализма деятельности благотворительных организаций;
- развитие инфраструктуры информационно-консультационной и образовательной поддержки добровольческой деятельности;
- формирование условий для эффективного использования потенциала добровольческой деятельности на этапах планирования и реализации социальных программ государства и бизнеса в деятельности государственных и муниципальных учреждений и некоммерческих организаций [10].

Основными принципами реализации задач содействия развитию добровольчества определены партнерское взаимодействие государства, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества на федеральном уровне и в регионах. Приоритетным направлением является содействие институциональному развитию добровольчества, что может обеспечить расширение масштабов

добровольческой деятельности и повышение ее результативности [10].

Таким образом, очевидно, что государственная молодежная политика, реализуемая соответствующими федеральными, региональными и муниципальными органами власти и управления, должна играть значительную и приоритетную роль в формировании благоприятной среды, способствующей эволюционному развитию российского добровольчества и волонтерства.

Вовлечение молодежи в добровольческую деятельность и обучение навыкам социального служения наиболее эффективно с использованием принципов «равный — равному», «самореализация в местном сообществе», «общественное признание». Для формирования канала реализации инновационного потенциала молодежи посредством добровольческой деятельности необходимы координация действий органов государственной и муниципальной власти, их тесное взаимодействие со структурами гражданского общества, бизнесом и образовательными учреждениями [11].

Е.Е. Строкова в одной из своих работ выделяет проблемы, наиболее характерные для современного этапа развития российского добровольчества:

- достаточно широкий спектр различных общественных движений и организаций представлен объединениями, инициированными волей граждан (реальными, или естественными), и инициированными государственными органами (формальными, или искусственными), а также полустественными (конгломератами), при этом соотношение этих типов структур нуждается в тщательном изучении и дальнейшей оценке;
- социальные проекты государства не могут решить большинства существующих общественных проблем, так как не соответствуют актуальным запросам общественности, на что, собственно, и указывает низкий уровень жизни большинства граждан и расслоение общественной структуры;
- обратная связь между реальными гражданскими инициативами и политическими структурами развита слабо, необходимо совершенствовать существующую правовую, социальную, коммуникационную базу;

– постперестроечные процессы изменили ценностно-нормативные ориентации многих социальных групп, особенно молодежи, в том числе студенческой, в сторону предпочтения индивидуализма и материальных ценностей;

– при имеющемся потенциале гражданская активность достаточно низкая (что выявлялось неоднократно в социально-политических исследованиях) [12].

Л.А. Кудринская предлагает ряд практических рекомендаций по привлечению молодежи к добровольческой деятельности:

– информирование сообщества о заслугах добровольца, о результатах его труда, накопление памяти об этом в трудовой биографии, истории коллектива, семье, что повышает статус и престиж человека в социуме;

– одобрение со стороны членов референтной группы, в которой значима волонтерская работа или для защиты их интересов;

– предоставление возможности общения в рамках добровольческого проекта с новыми значимыми людьми, доступ к новым социальным группам;

– стимул нового и значимого — приобщение к новым видам деятельности, или приобщение к важному международному, межрегиональному, региональному мероприятию, проекту, акции (например, к Олимпиаде);

– доступ к разнообразным ресурсам в рамках проектов, программ — информационным, натуральным, финансовым и др., которые можно направить на доброе дело;

– приобщение к новым знаниям в процессе обучения и получения опыта новой работы, значимого для волонтера в будущем;

– предоставление возможностей для самореализации волонтера — чаще всего через конкурс грантов, дающих возможность придумать и реализовать свой проект;

– участие в управлении важным интересным проектом, получение организационного опыта;

– предоставление возможности увеличить трудовой стаж (в развитых странах) за период волонтерства по принципу «неоплачиваемая занятость» [13].

Кроме того, существует объективная необходимость развивать инфраструктуру и механизмы поддержки волонтерства в России, ко-

торые включают следующие основные положения:

– законодательное закрепление функций регулирования волонтерской деятельности за одним государственным органом во избежание текущей несогласованности в действиях различных федеральных и региональных институтов;

– создание единой концепции развития волонтерства в России с формулировкой конкретных шагов и показателей эффективности, контроль за реализацией концепции поручить государственному органу;

– формирование сети местных и региональных волонтерских центров, создающих условия и возможности реализации потребности людей участвовать в добровольной общественно-полезной деятельности, например, на основе вузов, местных органов социальной защиты и т. д.;

– развитие российского волонтерства с помощью международного сотрудничества, совершенствования механизмов обмена информацией в регионах, в масштабах страны и мирового сообщества [14].

На уровне организаций необходимо развивать волонтерскую активность в некоммерческих организациях, частных компаниях и государственных учреждениях:

– поддерживать и стимулировать участие работников в добровольческой деятельности в целях повышения социальной ответственности российского бизнеса;

– организовать систему обучения и тренингов для кураторов волонтерской деятельности в организации по вопросам планирования и управления волонтерскими проектами, развитием человеческих ресурсов;

– наладить взаимоотношения между организациями и местными волонтерскими центрами для оперативного обмена информацией по потребностям в волонтерах и возможным проектам [15].

На уровне отдельных волонтеров необходимо вовлекать и мотивировать представителей всех социальных слоев общества и возрастных категорий для участия в общественно полезной деятельности с помощью:

– социальной рекламы для поднятия престижа волонтерства и информирования насе-

ления о потенциальных возможностях участия в этом движении;

– разработки системы государственных стимулов и наград за активное участие в волонтерской деятельности;

– организации «Фестивалей волонтеров» или «Ярмарок добровольческих вакансий» для адресного информирования населения о возможностях волонтерской занятости [15].

Очевидно, что политическое состояние российского добровольчества в некоторой степени обусловлено концентрацией молодежи на личных проблемах, индивидуализацией сознания и образом жизни, когда личное участие переосмысливается с учетом собственных интересов (возможно, отчасти и меркантильных) и новых потребностей личности. И в этом нет ничего плохого.

Молодежный индивидуализм ассоциируется с такими качествами, как прагматизм, самостоятельность, нацеленность на личный успех. Данная характеристика вызвана возрастными особенностями молодых людей, спецификой ее социального положения в трансформирующемся обществе, переоценкой традиционных норм жизни и модификацией политических ценностей со стороны институтов гражданского общества и государства [16].

Сравнительно невысокий интерес молодежи к добровольчеству объясняется и тем, что спектр жизненных интересов, особенно подростков и юношества, сфокусирован на проблеме вхождения во взрослую жизнь, а социально-политический опыт ограничивается пока межличностными и внутрисемейными коммуникациями.

Таким образом, институализация российского добровольчества должна происходить не только на государственном официальном уровне, но и в первую очередь, на наш взгляд, должна пройти ценностную апробацию молодежью, т.е. стать общепризнанной ценностью, как, к примеру, физическая культура и спорт.

Физическая культура и спорт являются общепризнанными материальными и духовными ценностями общества в целом и каждого человека в отдельности. Они все больше становятся решающими элементами общенациональной идеи. Одной из основополагающих задач

государства является создание условий для сохранения и улучшения физического и духовного здоровья граждан. Стране необходимы здоровые граждане, которые считают спорт естественным дополнением к своей личной и профессиональной жизни. Состояние здоровья населения и привлечение широких масс населения к занятиям физической культурой являются показателем жизнеспособности нации, важной составляющей ее экономической жизни, поскольку здоровая нация — основа процветания государства.

Стоит отметить, что уже сегодня ни одно крупное спортивное мероприятие не обходится без труда добровольных помощников — волонтеров. Они выполняют общественную безвозмездную деятельность. Принято считать, что основы современного спортивного волонтерства были заложены в 80-х годах прошлого века, начиная с Зимних Олимпийских игр в Лейк-Плэсиде.

Динамика участия волонтеров на последних Универсиадах:

- Измир 2005 — 8676 чел.;
- Бангкок 2007 — 9759 чел.;
- Белград 2009 — 573 чел.;
- Шэньчжень 2011 — 26 000 чел. (по работе со спортсменами), 25 000 (по работе с гостями) [17].

XXVII Всемирная Универсиада в Казани объединила в своем составе 20 тыс. волонтеров. 15 тыс. из них представляли различные учебные учреждения Татарстана, остальные — высшие и средние специальные учебные заведения России и зарубежных стран. Три рекрутинговых центра вели свою работу на территории Казани, тридцать — в субъектах Российской Федерации.

Волонтеры приняли участие в более чем четырех десятках видов деятельности: заселении делегаций в отелях городах и деревне Универсиады, аккредитации участников, организации их передвижения и т. д.

Молодые люди, став в ряды волонтеров, приобрели дополнительные навыки в области межкультурной коммуникации, ведения документации, организации безопасности.

Благодаря опыту общения с людьми, волонтеры могут в дальнейшем найти хорошую работу, и это служит дополнительным стимулом для

них. Помимо этого, они становятся активными членами общественной жизни своей страны.

В Российской Федерации действующее законодательство способствует развитию волонтерского движения. 20 сентября 2011 г. стартовала кампания по набору кандидатов в волонтеры Всемирной Универсиады 2013. Чуть более чем за год более 50 000 чел. из 45 стран выразили желание взять на себя бремя волонтерства.

Пяти представителям удалось отработать на Олимпиаде в Лондоне. Направления их деятельности были самыми разными: работа в пресс-центре и пресс-службах, аэропортах, обеспечение МИДа России и многое другое.

В июле 2012 г. был запущен проект дистанционного обучения кандидатов в помощники организаторов Универсиады. Будущие волонтеры изучали историю развития спортивного движения студентов, места проведения прежних соревнований. Большое значение уделялось изучению английского языка.

Таким образом, на современном этапе в России движение волонтеров является одним из востребованных форм участия молодежи в общественной жизни государства. Данное движение имеет новые формы социализации студентов, вовлечения молодых людей в процессы организации важнейших мероприятий страны. Эта деятельность дает положительный эффект в получении практического опыта, творческой реализации, мотивирует молодежь к овладению устойчивыми навыками общения, получению новых видов профессиональных знаний.

Российской Федерации еще предстоит предпринять значительные целенаправленные усилия, чтобы теоретически и практически обогатить теорию российского добровольчества, ввести ее в практику повседневной жизни людей, как важнейший элемент государственной молодежной политики, включая разработку и создание правовой, научной и практической базы. Верно воспринятая и поддержанная на государственном уровне, идея добровольчества как национальный приоритет позволит государству более эффективно решать многие проблемы страны с участием самих граждан. Ведь только задействовав максимально возможное число граждан в обще-

ственный процесс, социальное развитие, мы сможем построить процветающее и эффективное государство, вывести на качественно новый уровень доверия, сотрудничества и партнерства взаимоотношения между гражданином, обществом и государством [2].

В заключение хотелось бы отметить, что необходимость поддержки развития волонтерства обусловлена рядом существенных причин, среди которых, на наш взгляд, принципиальными являются следующие. Волонтерство — это дополнительные человеческие ресурсы, привлечение которых позволит перейти на новый качественный уровень решения социальных проблем, реализации национальных проектов, что, в свою очередь, обеспечит значительный экономический эффект и окажет влияние на дальнейшее развитие общества. Формирование эффективной технологии добровольчества приводит к снижению уровня социально-политической напряженности, уменьшает риск асоциального и аполитического поведения, выступает в качестве силы, консолидирующей общество, что особенно важно в текущей ситуации, когда разрыв в уровне жизни разных слоев населения подрывает основы государственности. Имеющийся отечественный опыт ярко демонстрирует потенциальные возможности волонтерства. Россия нацелена на построение социального государства и воспитание гражданского общества, и добровольчество — один из обязательных атрибутов в его системе ценностей.

Литература

[1] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: [утверждена распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р] [Электронный ресурс]. — URL: http://www.economy.gov.ru/minrec/activity/sections/strategicplanning/concept/doc20081117_01

[2] *Бодренкова Г.П.* Системное развитие добровольчества в России: от теории к практике: учеб.-метод. пособие. — М., 2012.

[3] Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации на период до 2016 года: [утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 18.12.2006 № 1760-р] (в ред. распоряжений Правительства Российской Федерации от 12.03.2008 № 301-р, от 28.02.2009 № 251-р, от 16.07.2009 № 997-р) //

Сайт Минспорттуризма России. — URL: <http://www.minsport.gov.ru>

[4] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — Т. 1. — СПб.: Диамант, 1996.

[5] Советский энциклопедический словарь. — М.: Сов. энцикл., 1980.

[6] *Salamon L.M.* Measuring the Economic Value of Volunteer Work Globally: Concepts, Estimates, and a Roadmap to the Future / *L.M. Salamon, S.W. Sokolowski, M.A. Haddock* // *Annals of Public and Cooperative Economics*. — Vol. 82. — Issue 3. — Pp. 217–252, 2011. [Электронный ресурс]. — URL: <http://ccss.jhu.edu/wp-content/uploads/downloads/2011/10/Annals-Septmeber-2011.pdf>

[7] URL: <http://dobro.mopss.ru/index.php?id=6#>

[8] URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=law;n=90601>

[9] URL: <http://www.fadm.gov.ru/2009year/decree/>

[10] URL: <http://base.garant.ru/6726429/>

[11] *Самаркина И.В.* Добровольчество как способ реализации инновационного потенциала моло-

дежи // Социальные технологии, исследования. — 2010. — № 7.

[12] *Строкова Е.Е.* Добровольческие инициативы в контексте становления общественности: проблемы и перспективы развития современного российского добровольчества // Социальные технологии, исследования. — 2010. — № 7.

[13] *Кудринская Л.А.* Добровольческий труд в современной России. — Омск: Изд-во ОмГТУ, 2005.

[14] *Колосова Р.П.* Занятость волонтеров: возможности и ограничения / *Р.П. Колосова, А.В. Красновид.* — М.: Экон. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова; ТЕИС, 2010.

[15] *Трохина А.В.* Волонтерство как особая форма занятости // Уровень жизни населения регионов России. — 2012. — № 12.

[16] *Старцева С.Г.* Проблемы формирования и реализации региональной молодежной политики (на примере Вологодской области) // Управленческое консультирование. — 2011. — № 2.

[17] Доклад о подготовке и проведении XXVII Всемирной летней универсиады 2013 года в Казани. — Казань, 2013.

УДК 349.2:342.9(470)

МИННИГУЛОВА Динара Борисовна,

кандидат юридических наук, доцент,

заведующая кафедрой предпринимательского и финансового права
Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего
профессионального образования «Башкирская академия государственной
службы и управления при Президенте Республики Башкортостан» (г. Уфа)

minnidinara@mail.ru

ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ТРУДОВОГО ПРАВА В РЕГУЛИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ

В статье освещаются вопросы, связанные с конкуренцией норм трудового и административно-го (служебного) права при регулировании статуса государственных гражданских служащих. Автор предлагает свое видение определения пределов применения указанных отраслей права в регулировании государственной гражданской службы Российской Федерации.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, правовой статус государственных гражданских служащих, применение трудового законодательства к отношениям, возникающим на государственной гражданской службе.

Согласно ст. 73 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [1, ст. 73] федеральные законы, иные нормативные правовые акты Российской Федерации, законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, содержащие нормы трудового права, применяются к отношениям, связанным с гражданской службой, в части, не урегулированной названным законом.

При рассмотрении вопроса о формах, направлениях и способах применения норм трудового права в регулировании правового статуса гражданских служащих и государственной гражданской службы возникают два проблемных вопроса, имеющих концептуальное значение: во-первых, имеют ли место пределы применения норм трудового законодательства в регулировании гражданской службы? Во-вторых, имеет ли законодательство о гражданской службе приоритет в отношении трудового законодательства, в том случае, когда регулируется труд гражданских служащих, когда возникает коллизия между нормами трудового и служебного права?

Если первый вопрос почти не затрагивается в специальных исследованиях и решается «явочным» порядком, т. е. в зависимости от практических потребностей и фактически сложившихся служебных отношений, то второй достаточно широко обсуждается в литературе и по нему даются различные варианты ответов. Возможность приоритета одной отрасли законодательства над другой имеет теоретическое и практическое значение для регулирования государственной гражданской службы.

Большинство авторов утверждает, что законодательство о труде может применяться к государственно-служебным отношениям лишь в тех случаях, когда они не урегулированы специальными административно-правовыми нормами [2–3]. Вместе с тем, высказываются противоположные мнения. В частности, А.Ф. Ноздрачев утверждает, что «закон о госслужбе не устанавливает приоритет законодательства о госслужбе перед трудовым законодательством, а лишь упоминает об особенностях трудовых отношений в госслужбе» [4, с. 124–125].

Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации», как справедливо отмечается в литературе, устанавливает однозначный приоритет специального законодательства о государственной службе над нормами трудового права, определяя, что последние могут применяться и применяются к отношениям, связанным с гражданской службой, лишь в части, не урегулированной Федеральным законом «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Отсюда делается вывод, с которым следует согласиться: «Если один и тот же аспект организации труда гражданских служащих урегулирован и в трудовом, и в административном законодательстве, должны применяться нормы последнего; нормы же трудового права применяются, только если законодательство о государственной гражданской службе вообще не регулирует данный вопрос» [5].

Попытку отстоять приоритет норм трудового права по отношению к отраслевым и комплексным федеральным законам, в том числе к законодательству о гражданской службе, в настоящее время предпринимает профессор Ю.П. Орловский. Известный ученый в области трудового права обосновано утверждает, что одной из проблем дальнейшего совершенствования трудового законодательства является проблема единства законодательства [6]. При этом его доводы о приоритете норм трудового права над законодательством о гражданской службе (нормами служебного права) сводятся к следующему.

По мнению указанного автора, «статья 5 Трудового кодекса Российской Федерации предусматривает, что нормы трудового права, содержащиеся в иных законах, должны соответствовать Трудовому кодексу, а в случае противоречий между Трудовым кодексом Российской Федерации и иными федеральными законами, содержащими нормы трудового права, применяются положения Трудового кодекса. Если вновь принятый федеральный закон противоречит Трудовому кодексу Российской Федерации, то это федеральный закон применяется при условии внесения соответствующих изменений и дополнений в Трудовой кодекс».

Однако, сомневаясь в таком категоричном выводе, указанный автор пишет, что эти по-

ложения не бесспорны, если рассматривать особенности правового регулирования труда отдельных категорий работников. В качестве примера приводится ст. 21 Федерального закона от 14.11.2002 № 161 — «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» [7], которая предусматривает, что руководитель унитарного предприятия не вправе занимать должность или заниматься другой оплачиваемой деятельностью в государственных органах, органах местного самоуправления, коммерческих и некоммерческих организациях, кроме преподавательской, научной и иной творческой деятельности». Отсюда делается заключение, что по существу, это запрет на совместительство.

Статья 276 Трудового кодекса Российской Федерации устанавливает иное правило: руководитель организации может занимать оплачиваемые должности в других организациях, но только с разрешения уполномоченного органа юридического лица либо собственника имущества организации, либо уполномоченного собственником лица (органа) [8, ст. 276]. Таким образом, если исходить из правила, установленного ст. 5 Трудовым кодексом Российской Федерации [8, ст. 5], то ст. 21 Федерального закона «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» применяться не должна.

Аналогичное утверждение дается по отношению к законодательству о гражданской службе. Ю.П. Орловский, в частности, утверждает, что «небезупречна по тем же соображениям и юридическая сила многих правовых норм, касающихся трудового законодательства, содержащихся в Федеральном законе от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [1], поскольку они устанавливают иные правила по сравнению с Трудовым кодексом Российской Федерации. Так, в соответствии со ст. 27 указанного закона в акте государственного органа о назначении на должность гражданской службы и служебном контракте сторонами может быть предусмотрено испытание гражданского служащего продолжительностью от трех месяцев до одного года. Максимальный срок испытания по Трудовому кодексу России — шесть месяцев.

По мнению Ю.П. Орловского, если имеются не совпадающие по содержанию правовые нормы в Трудовом кодексе Российской Федерации и иных федеральных законах, устанавливающие особенности правового регулирования отдельных категорий работников, то такие несовпадения нельзя считать коллизией. При решении данного вопроса следует учитывать ст. 11 Трудового кодекса, предусматривающую, что особенности правового регулирования труда отдельных категорий работников (руководителей организаций, лиц, работающих по совместительству, женщин, лиц с семейными обязанностями, молодежи государственных служащих и других) устанавливаются федеральными законами. В связи с этим можно говорить о равнозначной юридической силе Трудового кодекса Российской Федерации и иных федеральных законов, если предмет регулирования — особенности труда отдельных категорий работников. Данный вывод целесообразно более четко отразить в Трудовом кодексе России [6].

Следует согласиться, что согласование отдельных федеральных законов, содержащих специальные нормы о труде отдельных категорий работников требует более тщательного подхода с целью устранения противоречий с Трудовым кодексом России и придания им объективной системности. Однако с выводом о приоритете Трудового кодекса Российской Федерации над другими федеральными законами, в частности, Федеральным законом от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» согласиться достаточно трудно, доводов и обоснований для этого недостаточно.

Во-первых, не учитывается, что нормы трудового права, при «переходе» в другую отрасль права приобретают относительную самостоятельность. Нормы отраслевого или межотраслевого, точнее, комплексного нормативного акта (чаще всего закона), изменяют свое содержание («окраску») настолько, что становятся служебными, т.е. нормами законодательства о гражданской службе.

Во-вторых, по времени принятия действует более поздний (последний) федеральный закон (*lex posterior derogat priori*). Федеральный закон о гражданской службе Российской Фе-

дерации введен (приобрел юридическую силу) после введения в силу Трудового кодекса Российской Федерации [8].

В-третьих, может иметь место такая специфика труда определенной категорий работников, которая требует принятия специального нормативного правового акта, ориентированного на данную категорию работников, отражая «профессионализм» этих работников.

В-четвертых, отраслевое деление норм права не дает преимущества какому-либо блоку (системе) законодательства по отношению к любой другой отрасли права (законодательства).

В-пятых, отсутствуют четкие процедуры внесения изменений и согласования, вновь принимаемых нормативных правовых актов, которые «наслаиваются» друг на друга. Это относится и к Федеральному закону «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Наконец, следует учитывать прямое предписание ст. 74 Федерального закона о гражданской службе [1, ст. 74], о порядке применения законов и иных нормативных правовых актов о государственной службе в связи с вступлением в силу Федерального закона о гражданской службе.

Указанная статья гласит: «Впредь до приведения федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации о государственной службе в соответствие с настоящим Федеральным законом федеральные законы, иные нормативные правовые акты Российской Федерации, законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации о государственной службе применяются постольку, поскольку они не противоречат настоящему Федеральному закону».

В тоже время, если рассматривать государственную гражданскую службу как вид наемного труда (в действительности она таковой и является), то, исходя из норм трудового законодательства, следует прийти к выводу, что отдельные нормативные положения Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» противоречат предъявляемым требованиям. В названном законе имеются установления, которые вступают

в явные противоречия с методами, формами и организацией любого труда, в том числе труда гражданских служащих.

Статья 4 Трудового кодекса РФ запрещает принудительный труд. Однако формула этого запрещения не всегда носит универсальный характер. Трудовой кодекс гласит, что принудительный труд — это выполнение работы под угрозой применения какого-либо наказания (насильственного воздействия), в том числе: в целях поддержания трудовой дисциплины; в качестве меры ответственности за участие в забастовке; в качестве средства мобилизации и использования рабочей силы для нужд экономического развития; в качестве меры наказания за наличие или выражение политических взглядов или идеологических убеждений, противоположных установленной политической, социальной или экономической системе; в качестве меры дискриминации по признакам расовой, социальной, национальной или религиозной принадлежности.

К принудительному труду также относится работа, которую работник вынужден выполнять под угрозой применения какого-либо наказания (насильственного воздействия), в то время как в соответствии с Трудовым кодексом или иными федеральными законами он имеет право отказаться от ее выполнения, в том числе в связи с: нарушением установленных сроков выплаты заработной платы или выплатой ее не в полном размере; возникновением непосредственной угрозы для жизни и здоровья работника вследствие нарушения требований охраны труда, в частности, необеспечения его средствами коллективной или индивидуальной защиты в соответствии с установленными нормами.

В соответствии с Трудовым кодексом РФ и иными актами [9–11] принудительный труд не включает в себя: работу, выполнение которой обусловлено законодательством о воинской обязанности и военной службе или заменяющей ее альтернативной гражданской службе; работу, выполнение которой обусловлено введением чрезвычайного или военного положения в порядке, установленном федеральными конституционными законами; работу, выполняемую в условиях чрезвычайных обстоятельств, то есть в случае бедствия

или угрозы бедствия (пожары, наводнения, голод, землетрясения, эпидемии или эпизоотии) и в иных случаях, ставящих под угрозу жизнь или нормальные жизненные условия всего населения или его части; работу, выполняемую вследствие вступившего в законную силу приговора суда под надзором государственных органов, ответственных за соблюдение законодательства при исполнении судебных приговоров.

В приведенной ст. 4 Трудового кодекса РФ отсутствует положение, в соответствии с которым запрещено заключение трудового или иного вида договора, предусматривающих обязательность труда на определенный период (заключение срочного трудового договора, с обязательством его выполнения срока). Это означает, что формально-юридически такие виды договоров не несут признаков принудительности труда, т. к. в случае включения условия об обязательной «отработке» в связи с заключением особого или срочного вида договора, такое условие не имеет юридической силы. Оно устраняется (делается ничтожным) другим положением трудового законодательства, предусматривающего свободное расторжение любого вида трудового договора (срочного или бессрочного) по инициативе работника. Имеются в виду положения ст. 80 ТК РФ, регулирующей расторжение трудового договора по волеизъявлению работника, которое осуществляется без согласия работодателя и никаких санкций (отрицательного воздействия) и запретов, как это было ранее (КЗоТ РФ 1976 г. [12]), не устанавливает.

Коллизия между двумя нормами (статьями), одна из которых устанавливает принудительность труда, а другая свободу выбора вида деятельности, без сомнения должна быть решена в пользу свободы труда, свободы выбора организации (работодателя), в которой предстоит работать. Аналогичное положение должно иметь место к государственной гражданской службе, прохождение которой должно осуществляться не независимо от источников получения образования и вида образовательного договора, а также условий служебного контракта, который заключает потенциальный государственный гражданский служащий. В связи с этим дополнитель-

ное условие об обязательности гражданской службы, предусмотренное служебным законодательством, по нашему убеждению, должно быть дополнено альтернативным положением о возврате (взыскании) затраченных государством (государственным органом) денежных средств, если выпускник вуза (ссуза) не выполняет условия заключенного договора и служебного контракта.

Литература

- [1] О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ // Рос. газета. — 2004. — 31 июля.
- [2] Бахрах Д.Н. Административное право России: учеб. для вузов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: НОРМА, 2007. — 816 с.
- [3] Гришковец А.А. Проблемы соотношения норм административного и трудового права при регулировании отношений в сфере государственной службы // Государство и право. — 2002. — № 12. — С. 11–24.
- [4] Государственная служба (комплексный подход): учеб. пособие. — 2-е изд. / под ред. А.В. Оболонского. — М.: Дело, 2000. — 440 с.
- [5] Пресняков М.В. Соотношение административного и трудового законодательства в регулировании государственной гражданской службы / М.В. Пресняков, С.Е. Чаннов // Трудовое право. — 2005. — № 3. — С. 32–37.
- [6] Орловский Ю.П. Проблемы совершенствования трудового законодательства // Журнал российского права. — 2005. — № 9. — С. 40–51.
- [7] О государственных и муниципальных унитарных предприятиях: Федеральный закон Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 161 // Рос. газета. — 2002. — 3 дек.
- [8] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ // Рос. газета. — 2001. — 31 дек.
- [9] Об упразднении принудительного труда: Конвенция № 105 Международной организации труда: [принята в г. Женеве 25.06.1957 г. на 40-й сессии Генер. конф. МОТ] // Бюл. междунар. договоров. — 2002. — № 2. — С. 3–5.
- [10] Относительно принудительного или обязательного труда: Конвенция № 29 Международной организации труда: [принята в г. Женеве 28 июня 1930 г. на 14-й сессии Генер. конф. МОТ] // Ведомости Верхов. Совета СССР. — 1956. — № 13. — Ст. 279.
- [11] Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.: публикуется с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ и от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ] // СЗ РФ. — 2009. — № 4. — Ст. 445.
- [12] Кодекс законов о труде Российской Федерации: Закон Российской Федерации: [утв. Верхов. Советом РСФСР 09.12.1971 г. (утратил силу с 01.02.2002 г.)] // Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1971. — № 50. — Ст. 1007.

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342:631(470)

АФАНАСЬЕВ Александр Александрович,
кандидат юридических наук, доцент Омского
государственного университета им. Ф.М. Достоевского
niipr@mail.ru

СПОСОБЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ: ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УСТОЙЧИВОГО КОМПЛЕКСНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Общественные отношения, связанные с осуществлением местного самоуправления сельских поселений, являются важнейшей составляющей сельской жизни как предмета правового регулирования. В статье на основе анализа законодательства Российской Федерации и научной литературы предлагаются способы совершенствования правового регулирования сельской жизни при реализации приоритетного направления государственной социально-экономической политики по устойчивому комплексному развитию сельских территорий.

Ключевые слова: общественные отношения, законодательство, Российская Федерация, научная литература, правовое регулирование, сельское поселение, сельская жизнь, местное самоуправление, экономические основы, устойчивое развитие.

Главной целью правовой системы государства является обеспечение устойчивого комплексного социально-экономического развития всей территории страны с целью постоянного повышения уровня жизни и создания достойных условий для жизни граждан в любом населенном пункте, в том числе в сельских поселениях. Такой вывод основывается на анализе ст. 64 Конституции РФ, закрепляющей положение об обеспечении государством на всей территории страны правового статуса личности. Президент Российской Федерации В.В. Путин еще в 2007 году отметил, что Россия от этапа политики стабилизации и накопления перешла к политике развития [1]. Разрабатываемые законы и различные концепции перехода к устойчивому развитию государства и его отдельных территорий требуют обеспечения соответствующим правовым механизмом

достижения обозначенной выше цели. Однако законодательство о местном самоуправлении, на наш взгляд, сегодня в большей степени регламентирует основы построения системы органов местного самоуправления, процедурные вопросы организации его деятельности, а потому нуждается в совершенствовании.

Российская Федерация связывает с Сибирским регионом перспективу ускорения темпов своего развития, и решаться эта задача будет путем принятия важнейших нормативных актов, в том числе по вопросам комплексного социально-экономического развития сельских территорий. Местное население выражало надежду, что с избранием органов власти сельского поселения начнут, наконец, решаться самые насущные вопросы жизнеобеспечения территорий муниципальных образований. Однако, к примеру, на

основе действующего законодательства ни одно из 13 сельских поселений Большереченского муниципального района Омской области не смогло выделить финансовые средства в 2006 году на содержание и строительство дорог в границах населенных пунктов. Не запланированы были расходы на эти цели и в бюджете на 2007 год, хотя этот вопрос находился в ряду приоритетных по значимости для местного населения из-за больших Сибирских расстояний до жизненно необходимых объектов социальной инфраструктуры. Даже более мощные в финансовом плане пригородные сельские поселения, к примеру, такие как Дружинское сельское поселение Омского муниципального района Омской области, расположенное в нескольких километрах от границы областного центра, не имели возможности и не планировали в бюджете на 2007 год выделение средств на строительство или содержание дорог. За пять лет ситуация не изменилась. Строительство, содержание и ремонт дорог в сельской местности в настоящее время является настолько финансово емким вопросом, что без поддержки федерального бюджета эта проблема не может быть решена на качественно новом уровне. Это понимают органы федеральной власти. Вместе с тем провозглашенное в п. 9 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 29.12.2006 № 264 «О развитии сельского хозяйства» в качестве одного из основных направлений государственной поддержки в сфере развития сельского хозяйства строительство и содержание в надлежащем порядке автомобильных дорог, связывающих населенные пункты, является декларацией о намерениях, так как не содержит реального механизма реализации данного положения. На основе общения с главами и депутатами обозначенных выше и многих других сельских поселений Омской области можно сделать однозначный вывод, что при действующем законодательстве у сельских поселений нет возможности выделить достаточные средства для решения задачи по улучшению качества жизни населения (для этого муниципальным образованиям, кроме дорог, необходимо решать еще и проблемы водоснабжения, уличного освещения, газификации, поддержки сельскохозяйственных организаций и фермеров, очист-

ки от снега дорог, находящихся в собственности сельских поселений, в зимний период и многие др.).

Для устойчивого развития территории необходимо, на наш взгляд, совершенствовать механизм оказания финансово-экономической и материально-технической помощи сельским поселениям со стороны государства. В настоящее время выравнивание уровня бюджетной обеспеченности сельских поселений осуществляется в соответствии со ст. 60 Федерального закона № 131-ФЗ 2003 года путем предоставления дотаций из образуемого в составе расходов бюджета субъекта РФ регионального фонда финансовой поддержки поселений и образуемых в составе расходов бюджетов муниципальных районов районных фондов финансовой поддержки поселений (дотации предоставляются в порядке, устанавливаемом субъектом РФ в соответствии с требованиями БК РФ). Распределение дотаций из районного фонда финансовой поддержки поселений утверждается решением представительного органа муниципального района о бюджете муниципального района на очередной финансовый год. Этот процесс, на наш взгляд, во многом носит субъективный характер: главным критерием методики расчета размеров дотаций является норматив на одного жителя либо потребителя бюджетных услуг поселения. У каждого сельского поселения затраты на исполнение одних и тех же полномочий по решению вопросов местного значения находятся в зависимости от множества других факторов: природно-климатических условий, экономического состояния территории, удаленности от административных центров муниципального района, в состав которого входит сельское поселение, и субъекта РФ и так далее. К примеру, даже в пределах одного Большеуковского муниципального района Омской области Белогривское и Листвяговское сельские поселения разнятся значительно: второе не имеет ни устойчивого дорожного сообщения в предтаежной зоне, ни хозяйствующих субъектов (производственных организаций) на своей территории. Ситуацию спасало во многом то, что в переходный период осуществления реформы местного самоуправления законодательством было разрешено при формировании и утверждении

проектов бюджетов муниципальных районов на 2006, 2007 и 2008 годы средства районных фондов финансовой поддержки поселений распределять с использованием показателей фактических доходов и расходов за отчетный период или прогнозируемый на плановый период доходов и расходов бюджетов поселений (ч. 4 ст. 60 Федерального закона № 131-ФЗ 2003 года).

Правовая неопределенность в вопросах, какие важнейшие услуги обеспечения жизнедеятельности местного населения положены местному населению, и каким образом они должны предоставляться, а также в какие сроки должны устраняться проблемы, мешающие их предоставлению, приводят к субъективизму в оказании конкретной материально-финансовой поддержки сельским поселениям, правовому нигилизму в деятельности органов местного самоуправления, нарушению ряда конституционных прав и свобод человека и гражданина населения многих сельских поселений. К примеру, сегодня в большинстве сельских поселений не обеспечено право каждого на доступ к культурным ценностям в соответствии с ч. 2 ст. 44 Конституции РФ. Сегодня в Сибирском федеральном округе вопросы такой помощи со стороны государства пытаются решить через призму разрабатываемых каждым поселением программ социально-экономического развития муниципального образования, для чего ученые и практики предлагают интересные методические материалы для их составления, которые, однако, можно учитывать только в форме рекомендаций.

Территория сельского поселения как подсистема государства относится к особому классу материальных живых систем. Она живет по социальным законам и является материальным отражением уровня развития цивилизации в целом. Поэтому в основу правового регулирования финансово-экономической помощи сельскому поселению в современных условиях, на наш взгляд, должен быть положен подход, в комплексе учитывающий состояние основных жизненных благ (медицина, образование, культура, трудовая занятость в сельском хозяйстве, автомобильное либо иное сообщение и другое) и потребность в них у населения. Иначе существование депрессивных террито-

рий (с нерешенными демографическими проблемами, не освоенными землями, получающими большую часть бюджета в виде дотаций и субвенций муниципальными образованиями и т. п.) будет сопровождать Россию еще очень долго. На основе законов социологии с использованием методологии этой науки можно определить социально-экономическое состояние территории сельского поселения. При этом должна обеспечиваться правовыми нормами единая методика исследования и расчетов в масштабах всей страны. Для принятия обоснованных правовых решений с целью точного определения базовых показателей финансово-экономической поддержки территории по каждому сельскому поселению необходимо организовать соответствующую работу государственной и муниципальной статистической службы.

Федеральный закон от 29.12.2006 № 264 «О развитии сельского хозяйства» — безусловно своевременный и необходимый правовой акт по обеспечению приоритета вопросам развития сельских территорий в деятельности органов государственной власти. Однако он не содержит конкретных мер по решению социально-бытовых вопросов сельских территорий, так как устанавливает только правовые основы реализации государственной социально-экономической политики в сфере развития сельского хозяйства как экономической деятельности по производству сельскохозяйственной продукции, оказанию услуг в целях обеспечения населения российскими продовольственными товарами, промышленности — сельскохозяйственным сырьем и содействия устойчивому развитию территорий сельских поселений и соответствующих межселенных территорий (ст. 1). Конкретные меры поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей, предусмотренные в ст.ст. 12–14 данного закона — важнейшее условие для реализации задачи повышения качества жизни, занятости сельского населения. Но только эти меры при существующих системе межбюджетных отношений и налоговом законодательстве, отсутствии рычагов влияния местной власти на стратегические управленческие решения сельскохозяйственных товаропроизводителей, действующих на территории сельско-

го поселения, не решают обозначенной выше цели государственной политики, что доказывает опыт деятельности государства и местного самоуправления в девяностые годы прошлого века.

На наш взгляд, для перехода от декларирования в законодательстве задач и целей по повышению качества жизни сельского населения соответственно к их практической реализации и достижению необходимо законодательное закрепление для сельского поселения гарантированной финансово-экономической либо материально-технической помощи особого рода тем муниципальным образованиям, в которых не достигнут минимальный уровень предоставления жизненно важных для населения определенных услуг или не осуществляются определенные виды деятельности. Это может быть установленный в виде минимальных стандартов перечень услуг или конкретных материальных благ (услуг медицины, образования, культуры и связи, строительство и поддержание дорог с твердым покрытием между населенными пунктами, организация банковских услуг, межпоселенческое автобусное сообщение, предоставление животных для ведения личного подсобного хозяйства, организация деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей и другое), финансирование которых ежегодно в установленном порядке и объемах включается в бюджеты сельских поселений с исполнением под гарантию государства в целях поступательного решения проблем. К примеру, для обеспечения дорожного сообщения (дороги с твердым покрытием) между населенными пунктами при недостаточности средств в местном бюджете дополнительные расходы должны обеспечиваться государством в установленном законодательством порядке и в определенные сроки при предоставлении органами местного самоуправления сельских поселений соответствующих документов (смет, обоснований и т. п.).

Внутренний потенциал любой государственности определяло и будет определять отношение местного населения к своей власти и территории. Чтобы местное самоуправление выполнило свою конституционно-правовую функцию, необходимо создать у местного населения уверенность в том, что на территории, где

живет гражданин, обеспечивается и гарантируется государством минимальный уровень социально-бытовых условий жизни (социальный стандарт) и, следовательно, с этой территорией можно связывать свою судьбу. Сельское местное самоуправление — это тот случай, где социально-экономический прогресс в решении основных вопросов жизнедеятельности местного населения может быть достигнут на основе объединения усилий муниципальных образований, а также государства и муниципальных образований, муниципальных образований и частных организаций. Для этого требуется инициирование внесения соответствующих изменений в гражданско-правовое законодательство, БК РФ и НК РФ. Одно из главных направлений повышения авторитета местного самоуправления сельского поселения, на наш взгляд, — правовое обеспечение проведения им на местном уровне самостоятельной социально-экономической политики в интересах населения. Когда население сельского поселения почувствует, что местная власть непосредственно занимается обеспечением повышения качества жизни, тогда оно будет социально активно во всех вопросах, в т. ч. проявлять большую заинтересованность при выборах местной власти, чем на общегосударственных выборах.

Важным фактором для решения проблемы устойчивого развития территории сельского поселения в современных условиях и создания авторитетной местной власти является обеспечение правовых оснований для влияния муниципальных органов власти на основные управленческие решения организаций, осуществляющих свою деятельность на подведомственной территории, являющихся основными налогоплательщиками муниципального образования, обеспечивающих занятость основной части населения (муниципально-частное партнерство). Если таких организаций на территории муниципального образования нет, то совместными усилиями местного населения и государства они должны быть учреждены. На уровне государства такая позиция признана и не вызывает сомнения в отношении органов государственной власти (государство владеет, к примеру, контрольным пакетом акций таких акционерных обществ как Газпром,

Сбербанк и некоторых других). Отсутствие в законодательстве права органов местного самоуправления контролировать и влиять на деятельность агропредприятий в сельских поселениях во многих случаях привели к развалу их работы в начале 90-х годов прошлого века. В этом направлении заслуживает внимания и поддержки разработанная по заданию Правительства РФ известными учеными и политиками Концепция перехода к устойчивому развитию сельских территорий в РФ и осуществляемый в Тамбовской области проект «Поселения XXI века — Тамбов», в которых данная задача решается комплексно на основе государственно-частного партнерства, повышения значения местного самоуправления и широком вовлечении местного населения в принятие решений [2]. Это не только проведение мероприятий по поддержке сельского хозяйства и содействие развитию кооперативного движения, предпринимательства, привлечение инвестиций, но также развитие социально-бытовой сферы сельских поселений, агротуризма и другое. Одним из самых ценных достоинств указанной концепции развития сельской местности является то, что авторам удалось предложить меры по развитию сел РФ без нарушения их культурно-исторической самобытности.

Обозначенная выше позиция автора настоящего исследования по законодательному закреплению обязанности государства обеспечить минимальный уровень комплексного развития территории для деятельности местного самоуправления сельских поселений основана на том, что государство в важнейших вопросах непосредственного обеспечения жизнедеятельности местного самоуправления признает субсидиарную ответственность и финансирует муниципальные расходы. Так, согласно ч. 5 ст. 22 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в случае, если местный референдум не назначен представительным органом местного самоуправления, то проведение назначенного судом местного референдума осуществляется исполнительным органом государственной власти субъекта РФ или иным органом, на который судом возложено обеспечение проведения местного референдума. В соответствии

с ч. 5 ст. 34 данного Федерального закона органы государственной власти обеспечивают проведение референдума или схода граждан по вопросу определения структуры органов местного самоуправления вновь образованного муниципального образования (при наличии соответствующей инициативы жителей вновь образованного муниципального образования). Обеспечение экономических основ жизнедеятельности сельских поселений, забота со стороны государства о нации и ее территории является прямым вкладом и в обеспечение национальной безопасности.

В России в этом направлении имеется свой опыт решения вопросов местного значения сельским местным самоуправлением — крестьянскими общинами и земствами, сельскими советами — при мощной поддержке государства по всему спектру социально-экономических проблем сельских территорий. На наш взгляд, его нужно учесть государству в современных условиях и, особенно, в части правового регулирования финансово-хозяйственной деятельности местного самоуправления сельских поселений. Вместе с тем, в решении задачи комплексного укрепления финансово-экономического и социально-бытового состояния сельских поселений необходимо использовать также опыт экономически развитых стран. В этих странах возрастает значение государственных финансов в экономике (особенно на этапе реформ), на основе Европейской Хартии местного самоуправления все больше регулируются государством и финансируются напрямую важнейшие направления деятельности местного самоуправления [3]. В последние 40–50 лет в промышленно развитых странах заметно расширился объем выполняемых государством социальных функций за счет государственных программ поддержки и создания необходимых жизненных условий с установлением общегосударственных стандартов как для отдельных категорий населения, так и регионов, на основе важнейшего принципа организации социального порядка в обществе — субсидиарной ответственности государства по обеспечению равных условий жизни для всего населения государства. Участники международной конференции в Архангельске по итогам трехлетней работы в рамках русско-

шведского проекта «Развитие местного самоуправления и малого предпринимательства в сельской местности» отмечают, что когда-то Швеция столкнулась с теми же проблемами огромного оттока сельского населения в города, безработицей, низкой рождаемостью, которые сейчас являются самыми злободневными в России. Но общими усилиями государства и местного населения страна добилась колоссальных результатов [4]. Приоритетность развития сельских территорий на уровне Европейского Сообщества доказывает тот факт, что на поддержку относительно слабо развитых регионов, большинство из которых сельские, ежегодно тратится 30–35% бюджета данной организации (свыше 30 млрд евро) [5]. Трудно не согласиться с В.Д. Роиком, который объективно доказывает, что РФ пока в этом отношении стоит на «обочине» общецивилизационного развития и не обеспечивает выполнение требований Конвенции Международной организации труда от 22.06.1962 № 117 «Об основных целях и нормах социальной политики», где основополагающая функция государства определяется следующим образом: «...принимать все меры для обеспечения такого жизненного уровня, включая пищу, одежду, жилище, медицинское обслуживание и социальное обеспечение, а также образование, которое необходимо для поддержания здоровья и благосостояния» [6].

В настоящем исследовании находят подтверждение выводы С.С. Алексеева о том, что в российском законодательстве чувствуется влияние «византийского права» [7]. Законодатель зачастую пытается установить правила поведения, которые на практике в деятельности органов местного самоуправления не соответствуют их материальным, финансовым и кадровым возможностям. Так, к примеру, ст. 215 БК РФ установлена казначейская система исполнения бюджетов. Администрация сельского поселения Старокарасукского сельского поселения Большереченского муниципального района Омской области практически ежедневно вынуждена направлять с документами бухгалтера на единственном автомобиле в органы казначейства, расположенные в 50 км от села, ежемесячно расходуя на эти цели только на бензин внушительные для бюджета сель-

ского поселения средства. А как выполнить качественно положения п. 20 ч. 1 ст. 14 Федерального закона № 131-ФЗ 2003 года, обязывающие сельские поселения решать вопросы утверждения правил землепользования и застройки, выдавать документы на строительство, контролировать вопросы землепользования, что предполагает наличие в штате каждой администрации сельского поселения (их, к примеру, в Омской области более трехсот) квалифицированного специалиста-землеустроителя, архитектора? Таких специалистов даже в штате администрации муниципальных районов буквально единицы.

Отмечая важность экономических преобразований в стране, необходимо видеть тесную взаимосвязь экономики с культурой в широком понимании этого социального явления: чем богаче и разнообразнее духовная жизнь населения, тем выше экономический потенциал территории. К примеру, даже серьезные обещания улучшения качества жизни со стороны правительства Федеративной Республики Германии не смогли повлиять на традиционные интересы граждан немецкой национальности в некоторых населенных пунктах Роднолинского сельского поселения Москаленского муниципального района Омской области. Эти люди, хранящие и развивающие в современных условиях уникальную многонациональную российскую культуру, во многом способствуют достижению высоких показателей в производственной деятельности сельскохозяйственного производственного кооператива, осуществляющего свою деятельность на территории муниципального образования, в социально-бытовом обустройстве населенных пунктов. То же самое можно сказать о ряде сельских поселений Омской области. На их территории находит подтверждение вывод многих авторов о том, что в сельской местности России сложилась система, в которой сельскохозяйственные предприятия имеют функции, далеко уходящие за их первичные задачи: они все больше вовлекаются в выполнение несельскохозяйственных функций в интересах местного населения [5].

Таким образом, при решении вопросов правового обеспечения устойчивого социально-экономического развития территории сель-

ского поселения, учитывающего состояние основных жизненных благ и потребность в них у жителей сельского поселения, необходимо использовать комплексный (программный) подход, основанный на муниципально- и государственно-частном партнерстве, повышении значения местного самоуправления, широком вовлечении местного населения в принятие решений и предоставлении финансово-экономической или материально-технической помощи сельскому поселению особого рода — на достижение минимального уровня предоставления определенных услуг или осуществление определенного вида деятельности — под гарантию исполнения государством.

Литература

- [1] Пресс-конференция Владимира Путина 1 февраля 2007 года [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.vesti.ru>
- [2] Материалы совещания в администрации Тамбовской области по вопросам реализации проекта «Поселения XXI века — Тамбов» от 14 марта 2006 года [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.news.tambov.org/i/FrontShowNewsItem/rubric20/id3284>
- [3] *Воронин Ю.М.* Государственный финансовый контроль: вопросы теории и практики. — М., 2005.
- [4] Материалы конференции по итогам трехлетней работы в рамках русско-шведского проекта «Развитие местного самоуправления и малого предпринимательства в сельской местности», Архангельск, 20–21 июня 2006 года [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.management.pomorsu.ru/news/210606.htm>
- [5] *Артамонов А.Д.* Политика развития сельских территорий России: поселения XXI века / *А.Д. Артамонов, О.И. Бетин, И.Я. Богданов* [и др.]. — Тамбов, 2005.
- [6] *Роик В.Д.* Социальная модель государства: опыт стран Европы и выбор современной России // Государственная власть и местное самоуправление. — 2006. — № 10. — С. 32–33.
- [7] *Алексеев С.С.* Восхождение к праву. Поиски и решения. — М., 2001. — С. 174, 189–191.

УДК 342(470)

БУЧИНСКИЙ Владимир Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
и процесса Башкирского института социальных технологий (филиала)
Образовательного учреждения профсоюзов высшего профессионального
образования «Академия труда и социальных отношений (г. Уфа)
e-mail: By4inckii@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕГЛАМЕНТАЦИИ ВОПРОСОВ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В статье рассматриваются вопросы организации местного самоуправления в Российской Федерации, становления региональной правовой системы. Особое внимание обращается на необходимость привести общие принципы организации местного самоуправления, устанавливаемые федеральным законодательством, в соответствие международно-правовым нормам.

Ключевые слова: конституционный закон, субъект Российской Федерации, федеральное законодательство, региональное законодательство, конституционные нормы, местное самоуправление.

В соответствии с принципами федерализма Конституция Российской Федерации закрепила разделение предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами, установив сферы исключительного ведения Российской Федерации (ст. 71), совместного ведения Федерации и ее субъектов (ст. 72) и всю полноту государственной власти субъектов Федерации вне указанных предметов ведения (ст. 73). В согласии с этими предметами ведения установлены и сферы законодательства: по исключительным предметам ведения Российской Федерации, включающее федеральные конституционные законы и федеральные законы (ч. 1 ст. 76); по предметам совместного ведения «рамочные» федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации (ч. 2 ст. 76); собственное правовое регулирование субъектов Российской Федерации, включая законы и иные нормативные правовые акты (ч. 4 ст. 76).

Принятие Конституции 1993 года потребовало приведения в соответствие с ней и с уче-

том изданных указов Президента Российской Федерации о реформе местного самоуправления федерального законодательства. На федеральном уровне был принят базовый для организации местного самоуправления Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а также ряд федеральных законов в его развитие. Это, в свою очередь, предопределило планомерный нормотворческий процесс становления региональной правовой системы, регламентирующий вопросы организации местного самоуправления. По мнению ряда авторов, принятие специализированного Федерального закона о местном самоуправлении «дало новый импульс развитию регионального законодательства о местном самоуправлении. Во-первых, он определил сферу соответствующего нормотворчества субъектов Федерации, назвал те законы, которые им надлежало принять. Во-вторых, он оставил субъектам Федерации возможность в ряде вопросов развивать и дополнять федеральное регулирование» [1].

В связи с чем встал вопрос о степени закрепления в Конституции России разграничительных норм для каждого уровня государственной власти в регулировании вопросов местного самоуправления.

Органы местного самоуправления обособлены от органов государственной власти, и российская Конституция не содержит положений, указывающих на отнесение местного самоуправления к предметам ведения Российской Федерации ни по одной из указанных процедур. Однако в п. «н» ч. 1 ст. 72 установлено, к предмету совместного ведения относится «установления общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления».

В то же время в Конституции Российской Федерации не раскрывается понятие «общие принципы». «В российской государственно-правовой теории до сих пор нет ясности по вопросу о том, что понимать под общими принципами и где их граница» [2]. Ответ на этот вопрос пытался ответить судья Конституционного Суда РФ Э.М. Аметистов, определяя содержание и пределы понятия «общие принципы организации системы органов местного самоуправления» [3]. По его мнению, такое понятие должно охватывать по крайней мере две группы норм. Первая из них призвана гарантировать реализацию закрепленных в российской Конституции основ самоуправления и соответствующих прав граждан на самоуправление: самостоятельность местного самоуправления в пределах предоставленных ему полномочий (ст. 12); самостоятельное решение населением вопросов местного значения путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные органы местного самоуправления (ст. 130); осуществление местного самоуправления с учетом исторических и иных местных традиций (ст. 131); запрет на ограничение прав местного самоуправления, установленных Конституцией (ст. 133); осуществление субъектами Российской Федерации собственного правового регулирования, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов, вне пределов ведения Российской Федерации, совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (ч. 4 ст. 76).

Вторая группа норм должна обеспечить осуществление ряда положений Конституции, составляющих основы конституционного строя и гарантирующих права и свободы человека и гражданина. К ней относятся конституционные положения об обязанности государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2); о праве народа осуществлять свою власть через органы местного самоуправления (ч. 2 ст. 3); о запрете кому бы то ни было присваивать власть в Российской Федерации (ч. 4 ст. 3); о праве граждан Российской Федерации участвовать в управлении государством как непосредственно, так и через своих представителей (ч. 1 ст. 32); о праве граждан избирать и быть избранными в органы местного самоуправления (ч. 2 ст. 32).

Кроме того, общие принципы организации местного самоуправления, устанавливаемые федеральным законодательством, также должны соответствовать международно-правовым нормам по данному вопросу согласно требованиям ч. 4 ст. 15 Конституции. Так, из содержания ч. 3 ст. 21 Всеобщей декларации прав человека вытекает, что воля народа должна находить себе выражение в периодических выборах; из ст. 25 Международного пакта о гражданских и политических правах — что каждый гражданин должен иметь без какой бы то ни было дискриминации и без необоснованных ограничений право и возможность голосовать и быть избранным на подлинных периодических выборах, обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей, нетрудно заметить, что указанные группы конституционных и международно-правовых норм являются (в смысле содержания и разграничения норм между субъектами правоотношений для правового регулирования) общими принципами любой организации, а не исключительно общих принципов организации системы органов самоуправления.

По мнению одного из авторов, различные подходы прочтения конституционной нормы п. «н» ч. 1 ст. 72 предлагают Российская Федерация и субъекты Российской Федерации, чтобы выделить то, что относится к государственной власти, и то, что относится к местному самоуправлению:

1) в совместном ведении находится «установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления» — установление местного самоуправления, т.е. закрепление местного самоуправления как неприкосновенного демократического института;

2) в совместном ведении находится «установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления» — установление системы органов местного самоуправления, т.е. устанавливаются общие подходы к формированию органов местного самоуправления;

3) в совместном ведении находится «установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления» — установление общих принципов организации местного самоуправления, т.е. закрепляются общие подходы к правовому регулированию становления местного самоуправления [4].

Резюмируя вышеприведенную интерпретацию п. «н» ч. 1 ст. 72, необходимо обратить внимание на то, что «эта неоднозначность прочтения субъектами Российской Федерации конституционной нормы привела, в частности, к невозможности в ряде регионов реализовать местное самоуправление в полном объеме» [4]. Федеральный же законодатель, приняв Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», дал свою точку зрения, которую изложил в названии закона, а именно: Российская Федерация должна устанавливать общие принципы организации местного самоуправления в Российской Федерации.

Изменяющиеся условия развития общества вызывают необходимость совершенствования правового регулирования его институтов в соответствии с теми обстоятельствами, которые определяют эффективность разрабатываемых законов в той или иной области общественных отношений. Поэтому на определенном этапе реформирования государственного устройства и управления общественными процессами возникли сложности как концептуального характера, так и в самой практике становления местного самоуправления. Содержание поня-

тия «общих принципов организации местного самоуправления» по утверждению В.И. Васильева, требует нового наполнения, что предполагает существенные изменения Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и ряда других федеральных законов. Главная задача изменений — более подробное и четкое раскрытие конституционной модели местного самоуправления и создание более полной системы федеральных правовых гарантий повсеместной реализации этого закона с целью эффективного решения местной властью вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения [5]. В части ролевого участия субъектов РФ в данном процессе, к сожалению, можно констатировать, что «большинство субъектов Федерации не выполнило задачу по развитию правового регулирования системы местного самоуправления, хотя формально правовая база местного самоуправления на уровне большинства субъектов Федерации в основном сформирована» [6].

Специалисты в области местного самоуправления неоднократно обсуждали вопрос о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства о местном самоуправлении, внесения изменений и дополнений в действующие отраслевые законы [5, 7–11]. В частности, отмечалось, что в процессе становления местного самоуправления в Российской Федерации выявился ряд общих проблем, среди которых необходимо выделить следующие:

1) расхождение между правовым подходом к местному самоуправлению и реальностью;

2) несогласованность и несистематизированность законодательства Российской Федерации о местном самоуправлении;

3) неполное и непоследовательное законодательное регулирование вопросов организации и деятельности местного самоуправления;

4) несоблюдение законодательства Российской Федерации о местном самоуправлении, в том числе:

– принятие законодательных актов субъектов Российской Федерации, противоречащих Конституции РФ и федеральному законодательству;

– принятие нормативных правовых актов органов местного самоуправления, противоречащих Конституции Российской Федерации, федеральному законодательству и законодательству соответствующего субъекта Российской Федерации;

– невыполнение норм муниципального права должностными лицами органов государственной власти и органов местного самоуправления;

5) бездействие органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, отсутствие нормативного регулирования на соответствующем уровне вопросов, связанных с осуществлением местного самоуправления;

6) отсутствие четкого правового разграничения полномочий между органами государственной власти (федеральными и субъектов Российской Федерации) и органами местного самоуправления;

7) недостаточное обеспечение финансово-экономической самостоятельности муниципальных образований;

8) несовершенство механизмов судебной защиты местного самоуправления, недостаточная урегулированность вопроса обеспечения исполнения судебных решений, а также несовершенство системы подготовки судебных кадров и повышения квалификации судей в сфере муниципального права;

9) нехватка квалифицированных муниципальных кадров. Общероссийская система кадрового обеспечения муниципальных образований, обучения выборных лиц местного самоуправления и муниципальных служащих до настоящего времени не сложилась;

10) отсутствие права органов местного самоуправления на защиту посредством судебного производства конституционного;

11) доминирование в местном самоуправлении исполнительных структур;

12) необеспеченность полной и повсеместной реализации установленной Конституцией и законами Российской Федерации системы гарантий местного самоуправления, таких, как запрет на ограничение прав местного самоуправления, обязательность решений, принятых гражданами путем прямого волеизъявления, органами и должностными лицами мест-

ного самоуправления, а также судебная защита местного самоуправления [10].

Эти и ряд других обстоятельств создали предпосылки для принятия осенью 2003 г. новой редакции Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», внесшей существенные изменения в правовой статус местного самоуправления. «Именно точное разграничение предметов ведения и полномочий между уровнями публичной власти, — по утверждению И.В. Бабичева, — стало одним из краеугольных камней концепции нового Федерального закона. Достижение соответствия расходных полномочий местного самоуправления доходным источникам местных бюджетов и оптимизация межбюджетного регулирования для достижения этой цели — второй важнейший принцип концепции» [6].

Нормы новой редакции Федерального закона весьма подробно регламентируют организацию системы местного самоуправления, и может показаться, что субъектам Российской Федерации не остается поля для правового регулирования в этой области правоотношений. По данному поводу один из ведущих теоретиков по муниципальному праву В.И. Васильев отмечал, что «существенная характерная черта нового правового документа состоит в том, что он централизовал нормативное регулирование ряда вопросов местного самоуправления, переведя его с регионального на федеральный уровень» [12].

Согласно Федеральному закону от 28.08.1995 г. к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации относилось принятие и изменение законов субъектов Российской Федерации о местном самоуправлении; разграничение предметов ведения между муниципальными образованиями при многоуровневой организации муниципальных образований; определение условий и порядка контроля за осуществлением органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий субъекта РФ; установление порядка регистрации уставов муниципальных образований; определение порядка установления территорий муниципальных образований и другие.

Новая же редакция одноименного Федерального закона существенно изменяет ме-

сто и роль органов государственной власти субъектов Российской Федерации в процессе праворегулирования вопросов организации местного самоуправления. В частности, осуществление контрольных полномочий органами государственной власти субъекта РФ допускается только в случаях и порядке, установленных федеральными законами (п. 2 ст. 6), а в части регулирования вопросов организации местного самоуправления прямо устанавливается только «в случаях и порядке, установленных Федеральным законом» (п. 1 ст. 6), без каких-либо оговорок на обстоятельства, которые могут возникнуть, например, в части пробельности урегулирования общественных отношений по вопросу регулирования правовой сферы местного самоуправления, относящегося как к предмету ведения субъекта РФ, так и предмету совместного ведения Российской Федерации и субъекта РФ.

Такой подход, как представляется, не совсем отвечает принципу федерализма, отраженно в правовой позиции Конституционного Суда РФ [13] по вопросу регулирования правовой сферы местного самоуправления органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов: «Вопросы местного самоуправления, согласно ст. 72 (п. «н» ч. 1) Конституции Российской Федерации, относятся именно к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, поэтому их решение не может находиться ни в исключительной компетенции Российской Федерации (осуществляемой на основании статей 71 и 76 (ч. 1) Конституции Российской Федерации), ни в исключительной компетенции ее субъектов (реализуемой в соответствии со статьями 73 и 76 (ч. 4 и 6) Конституции Российской Федерации). В данном случае совместное ведение, которое предполагает разделение полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов в порядке ст. 76 (ч. 2) Конституции Российской Федерации, означает, что при отсутствии федерального закона субъект Российской Федерации вправе самостоятельно урегулировать соответствующий вопрос».

В указанном случае усматривается присвоение органами федеральной власти «исключительной компетенции Российской Федерации» в распределении компетенции по предметам

совместного ведения. Как было указано в п. 1 ст. 6 Федерального закона, к полномочиям органов государственной власти субъектов РФ относится «правовое регулирование вопросов организации местного самоуправления в субъектах Российской Федерации в случаях и порядке, установленных настоящим Федеральным законом». Как видно из контекста Закона, собственное праворегулирование по вопросам организации местного самоуправления субъект РФ может осуществлять только при наличии специального указания на это действие от федерального законодателя, и никак иначе. Тем самым нарушается принцип опережающего праворегулирования, допускаемого практикой конституционного судопроизводства, и смысл единообразного применения конституционных норм, вырабатываемых высшей судебной властью, и которые становятся обязательными, в том числе и для федерального законодателя. Именно так указывалось на применение статей Конституции РФ, устанавливающих общие положения в праворегулировании по вопросам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 01.02.1996 № 3-П: «По смыслу статей 72, 76 (ч. 2) и 77 (ч. 1) Конституции Российской Федерации отсутствие соответствующего федерального закона по вопросам совместного ведения само по себе не препятствует областной Думе (орган государственной власти субъекта Российской Федерации — *прим. авт.*) принять собственный нормативный акт, что вытекает из природы совместной компетенции» [14].

Таким образом, обобщая вышесказанное, можно сделать вывод и выразить его позицией В.И. Васильева о том, что «содержание общих принципов организации местного самоуправления, находящихся согласно Конституции РФ в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов, в новом Законе выглядит иначе, чем в прежнем. Их «федеральная составляющая» в большей степени, чем прежде, перевешивает «региональную» [12].

Другими словами, можно сказать, что по смыслу текста п. «н» ст. 72 российской Конституции, согласно которому предметом совместного ведения Российской Федерации и ее субъ-

ектов является определение общих принципов организации местного самоуправления, федеральный законодатель не наделен правом регулировать все вопросы организации местного самоуправления.

В то же время согласно ч. 2 ст. 76 Конституции Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации. Таким образом, Конституция Российской Федерации не устанавливает ограничений в содержании федерального законодательного регулирования по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов.

В части усиления в настоящее время роли федерального законодательства в регулировании вопросов местного самоуправления в известной мере ограничиваются возможности субъектов Российской Федерации в законодательном решении вопросов организации муниципальной власти, однако это не должно привести к полному исключению законодательных возможностей регионов в данной области. Поэтому соотношение федерального и регионального законодательства по регулированию вопросов организации местного самоуправления должно быть динамичным и складываться в зависимости от обстоятельств объективного и субъективного характера, экономических, политических и социальных условий данного периода государственного строительства. Прослеживаемая тенденция централизации федерального законодательства в регулировании ряда вопросов организации местного самоуправления указывает не только на собственно область местного самоуправления, но и на установление порядка осуществления субъектами Российской Федерации их полномочий, регламентирование прав и обязанностей региональных органов государственной власти в решении вопросов местной власти.

При всех прочих условиях определение общих принципов организации местного самоуправления должно давать возможность субъектам Российской Федерации конкретизировать федеральное регулирование в данной области, так как Конститу-

ция Российской Федерации этому не препятствует, а также осуществлять самостоятельное региональное регулирование вопросов местного самоуправления в пределах собственной компетенции субъектов Российской Федерации.

Литература

[1] *Сергеев А.А.* Законы субъектов Российской Федерации в системе правовых основ местного самоуправления / *А.А. Сергеев, Б.М. Скрынников* // Журнал российского права. — 1999. — № 9. — С. 69–77.

[2] *Гриценко Е.В.* Местное самоуправление в системе публичного управления федеративного государства: Значение опыта ФРГ для России. — Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2001. — С. 299.

[3] Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Э.М. Аметистова по делу о проверке конституционности п. 1 ст. 58 и п. 2 ст. 59 Федерального закона от 28.08.1995 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. от 22.04.1996 г.) // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. — 1996. — № 3.

[4] *Шугрина Е.С.* Муниципальное право Российской Федерации: учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ТК Велби, Проспект, 2007. — С. 64.

[5] *Васильев В.И.* Местное самоуправление: центр и регионы // Журнал российского права. — 2003. — № 3.

[6] *Бабичев И.В.* Местное самоуправление в постсоветской России: некоторые итоги и прогнозы // Конституционные и законодательные основы местного самоуправления в Российской Федерации: сб. науч. трудов / под ред. А.В. Иванченко. — М.: Юриспруденция, 2004. — С. 186.

[7] *Васильев В.И.* Местное самоуправление: закон и практика // Журнал российского права. — 2001. — № 8.

[8] *Васильев В.И.* Каким быть главному закону о местном самоуправлении? // Журнал российского права. — 2001. — № 12;

[9] *Мокрый В.С.* Местное самоуправление: пути становления и развития // Журнал российского права. — 2002. — № 10;

[10] *Васецкий Н.А.* Российское законодательство на современном этапе. Государственная Дума в формировании правового пространства России (1994–2003) / *Н.А. Васецкий, Ю.К. Краснов* — М., 2003.

[11] *Савранская О.Л.* Благими намерениями выстлана дорога в ад (о готовящейся реформе местного самоуправления) // Проблемы местного самоуправления. — 2002. — № 4.

[12] *Васильев В.И.* Местное самоуправление: закон четвертый // Журнал российского права. — 2004. — № 1.

[13] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 03.11.1997 № 15-П по делу о проверке конституционности п. 1 ст. 2 Федерального закона от 26.11.1996 «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации из-

бирать и быть избранными в органы местного самоуправления» в связи с запросом Тульского областного суда // СЗ РФ. — 1997. — № 45. — Ст. 5241.

[14] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 01.02.1996 № 3-П по делу о проверке конституционности ряда положений Устава — Основного закона Читинской области // СЗ РФ. — 1996. — № 7. — Ст. 700.

УДК 342.5(470)

НАСЫРОВ Радмир Римович,
младший научный сотрудник Центра политико-правовых исследований
Евразийского научно-исследовательского института проблем права
e-mail: niipr@mail.ru

ЛЕГИТИМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ФЕДЕРАТИВНОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются политические механизмы легитимации государственной власти в Российской Федерации, выявляются политико-правовые конструкции легитимности власти, раскрывается сущность понятий «легитимность» и «легитимация».

Ключевые слова: власть, политическая власть, государственная власть, легитимация, легитимность, законность, справедливость, политические механизмы, органы государственной власти.

В современных условиях развития российского государства становится очевидной необходимость проведения комплексных преобразований, целью которых является «демократическое развитие России, становление цивилизованного рынка и правового государства», «эффективная организация государства, развитие гражданского общества» [1–2].

Условием качественного функционирования государственной власти, от которой и зависит успешность проводимых реформ, является признание и поддержка населением страны этой власти, что обеспечивает ее легитимность.

При этом легитимность следует рассматривать как комплексную нравственно-политическую характеристику государственной власти, в которой сочетаются моральные и политические аспекты.

Государственная власть, пользующаяся авторитетом и одобрением большинства граждан, обладает в силу этого своеобразным «кредитом доверия». Это доверие является гарантией стабильности власти и рассматривается в качестве необходимого условия эффективной реализации основных направлений деятельности государства [3].

Функционирование механизма легитимации государственной власти, который служит своеобразным индикатором развития гражданского общества и государства в целом, является важнейшим вопросом теории и практики развития демократии, строительства правового государства.

В условиях экономической и социальной нестабильности декларируемые политической властью ценности либерально-демократического характера, не подкрепленные системой действенных гарантий, утрачивают свою популярность в глазах широких народных масс, что в свою очередь обуславливает усиление нигилистических тенденций, «утрату доверия» в государственную власть и институты, которые ею представлены.

Легитимность государственной власти представляет собой вполне логичное и закономерное свойство государственной власти, характеризующееся способностью двух систем политической коммуникации — субъекта и объекта власти (государства и общества) — находить и устанавливать в качестве обязательных критерии эффективности власти и оценивать ее конкретные действия как отвечающие либо не отвечающие данным критериям [4].

Однако, легитимность, на наш взгляд, следует понимать более шире — как категорию, сформированную не только внутренними политическими центрами, — обществом, политической системой, государством — но и внешними — иностранными государствами, международными организациями, что позволяет говорить о двух уровнях легитимности — внутреннем и внешнем. Именно на основании такого понимания можно выделить следующие основания (источники) легитимности: общество, государство, внешнеполитические структуры.

В связи с этим, под легитимацией государственной власти понимается процесс, посредством которого государственная власть приобретает свойство легитимности, то есть состояние, выражающее правильность, оправданность, целесообразность, законность и другие стороны соответствия конкретной государственной власти установкам, ожиданиям личности, коллективов и общества в целом как внутри страны, так и за ее пределами. При этом легитимация является двухсторонним процессом и отражает не только признание власти, но и осознание носителем власти своего права на власть и, самое главное, — способность осуществлять эту власть. Таким образом, понятие легитимации является более широким по отношению к легализации и включает (может включать) ее в себя.

Рассматривая понятия «легитимность» и «легитимация», можно сделать вывод о взаимосвязи и взаимозависимости данных категорий в процессе конституирования государственной власти. Исходя из этого, целесообразно рассматривать легитимность как свойство государственной власти, легитимацию — как процесс признания и узаконения государственной власти, а две данные категории в системе установления власти — как механизм легитимации государственной власти.

Легитимность и легитимация, выступая фундаментальными качествами государственности, сосуществуя и развиваясь на всех этапах вместе с государством, характеризуются целым рядом функций. Так, легитимности присущи идеологическая, политико-правовая и презентационная функции [5].

В научной литературе так же не получило своего сущностного отображения понятие «механизм легитимации». К сожалению, исследования по разработке данной научной дефиниции носят зачастую фрагментарный, несистематизированный характер.

Под механизмом легитимации государственной власти нами понимается комплексная система воспроизводства публичного политического властвования, включающая в себя совокупность элементов (субъекта, объекта, методов, условий, средств и принципов), при помощи которых осуществляется процесс признания и узаконения государственной власти [6].

Ориентируясь на определение легитимации, данное выше, все виды механизмов легитимации государственной власти предлагается рассматривать с политической точки зрения.

Значимая роль в легитимации власти Декларации 1990 года выражена в политическом аспекте, поскольку является первоосновой, закладывающей весь спектр дальнейшего развития российской государственности, и на этом этапе не позволяет с определенной степенью достоверности делать выводы о восприятии данного документа российским народом, и уж тем более оценки содержащихся в нем положений [7].

Аналогична роль и Конституционного совещания 1993 года, выполнявшего роль совещательно-согласовательного органа по подготовке проекта основного закона страны. Легитимность данной структуры оценивается преимущественно с точки зрения властно-политического основания для ее создания и деятельности, исключая вопрос о политической силе самой Конституции Российской Федерации. В условиях неустойчивого и нестабильного положения страны в целом легитимность с точки зрения политического восприятия статуса Конституционного совещания гражданами, организациями является также неоднозначной, как и при рассмотрении роли Декларации.

Институт посланий главы государства как разновидность актов программно-политического характера занимает особое место в системе построения демократического правового государства и представляет собой одну из важнейших форм коммуникации между главой государства и общенациональным представительным органом.

Учитывая даже нормативный характер легитимации российской власти, сам собой напрашивается вывод о том, что политический аспект доктринального механизма легитимации государственной власти является основным по отношению к юридическому аспекту (не в обиду юристам), и позволяет оценивать уровни поддержки и доверия граждан к деятельности Президента России, а также вырабатывать соответствующие меры, направленные на преодоление (минимизацию проявления) кризиса легитимности.

Выборы как легитимный способ реформирования системы власти, ее конституирования являются обязательным атрибутом реального народовластия, они обеспечивают фактическое активное и постоянное политическое участие граждан в решении всех важнейших вопросов жизни государства.

В большей мере легитимность политической власти в современной России приобретена благодаря легальному способу формирования властных институтов. Таковыми стали президентские выборы 1991, 1996, 2000, 2004, 2008, 2012 гг., парламентские выборы 1993, 1995, 1999, 2003, 2007 и 2011 гг., в ходе которых в известной мере произошло дистанцирование должности от ее носителя, личного авторитета от авторитета должности, ибо в сохранении должности Президента многим россиянам видится гарантия успешной реформации России. Государственная власть, нашедшая поддержку у населения страны, имеет шанс быть эффективной в своей политической, экономической и социальной деятельности, поскольку она пользуется поддержкой, авторитетом и не встречает противодействия в своем функционировании.

Политический аспект легитимности присутствует вне зависимости от легальности каких-либо законодательно установленных и должным образом реализуемых процедур, поскольку легитимность государственной власти не может носить всеобщего характера и в обществе всегда есть социальные группы, которые поддерживают политику и инициативы избранного на государственную должность лица и (или) принятые на референдуме решения (или непосредственно процедуры организации и проведения выборов, референдумов, что впоследствии отражается и на отношении таких социальных групп к результатам выборов, референдумов) [8].

Особое значение в становлении и укреплении политических механизмов легитимации власти занимает Конституция Российской Федерации 1993 года. Как следует из Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 30 марта 1999 года, Конституция 1993 года создала легитимную основу российской государственности, построенную на демократических принципах.

Конституция как Основной закон страны выступает формой легализации государственной власти, ибо демократичный способ подготовки и принятия конституции, ее гуманистическое содержание, соответствие деятельности государственных органов ее нормам рассматриваются как главные доказательства процедуры легализации государственной власти.

Легитимность конституции проявляется в том, что она принимается либо законно избранным государством, либо учредительным собранием, созданным специально для принятия конституции, либо непосредственно самим народом путем референдума (последний вариант реализован в России). Легитимность конституции связана с ее учредительным характером.

Учитывая, что легитимация государственной власти связана не только с изданием закона, но и с комплексом представлений общества о соблюдении государственной властью политико-правовых норм и норм морали, роль юридического и политического аспектов легитимации государственной власти особенно значима. При этом между данными аспектами существует тесная взаимосвязь и взаимозависимость: чем выше уровень легитимации, тем шире возможности управления обществом.

Политико-правовой аспект механизма легитимации государственной власти в отношении функционирования института Конституционного Собрания в России в настоящее время отсутствует. При этом не исключается сама значимость восприятия данного факта среди граждан — политического аспекта механизма легитимации государственной власти.

Изучение данного вопроса позволяет практически однозначно определить, что роль политического аспекта механизма легитимации государственной власти преимущественно значима для представителей властвующих субъектов как наиболее заинтересованных в возможном изменении своего конституционного статуса. При этом восприятие иными гражданами всей проблематики вопроса не стоит так остро, что, пожалуй, можно объяснить отсутствием широкого обсуждения соответствующих вопросов в средствах массовой информации и дестабилизацией государственной власти в целом.

Но в то же время следует учитывать, что политический аспект механизма легитимации государственной власти выражается в восприятии гражданами деятельности высшего законодательного (представительного) органа государственной власти — Федерального Собрания Российской Федерации — как государственного органа, уполномоченного на осуществление нормативно-правового регулирования наиболее значимых сфер общественной жизни.

Задачу по восстановлению и поддержанию легитимности государственной власти в России целесообразно реализовывать при помощи реформистских методов, направленных на преобразование различных сторон соответствия конкретной государственной власти установкам, ожиданиям личности, коллективов и общества, проводимого законодательным путем.

Легитимация посредством административной, экономической, военной, образовательной и тому подобной деятельности власти сводится к научному и техническому обеспечению политического курса страны (в законах, инфраструктуре, налоговой системе и т. д.). В этом случае легитимность власти находится в прямой зависимости от эффективности такой деятельности, конечным результатом которой являются стабильность в обществе и успешное развитие всех сторон общественной жизни. Череда экономических неудач при проведении реформ или при выходе страны из кризиса ослабляет легитимность власти и может привести к краху политической системы.

Можно с уверенностью сказать, что легитимность власти в России ведет в большей степени определяться тем, насколько успешно она преодолет экономический кризис и обеспечит развитие экономики.

Главной целью функционирования политического механизма легитимации государственной власти является поддержание должного уровня доверия граждан, что в конечном итоге обеспечивает стабильность и эффек-

тивность государственной власти; его задачами — грамотное и рациональное применение подходов к путям его совершенствования в современных условиях развития российского государства. Движущей силой механизма легитимации государственной власти выступают интересы и общественно полезные потребности человека.

Основополагающими началами механизма легитимации государственной власти в современной России, обуславливающими его как важнейший вопрос теории и практики строительства правового государства, должны быть законность, доступность, равенство, целостность, участие граждан, гласность, обеспечение права на защиту.

Литература

[1] Послание Президента Российской Федерации В.В.Путина Федеральному Собранию Российской Федерации «России надо быть сильной и конкурентоспособной» // Рос. газета. — 2002. — 19 апр.

[2] Послание Президента Российской Федерации В.В.Путина Федеральному Собранию Российской Федерации // Рос. газета. — 2006. — 11 мая.

[3] *Парфентьев А.А.* Некоторые аспекты легитимации политической власти в современной России: Что делает власть легитимной? Как поддержать высокую легитимность? Эти вопросы интересуют не только власть, но и общество, конкретного человека, в чьих интересах власть и должна существовать. — Б.м.: ЮжУралЭкспо: Экспо Рекпол, 2008.

[4] *Вебер М.* Избранные произведения. — М., 1990.

[5] *Скиперских А.В.* Легитимация и делегитимация постсоветских политических режимов. — Елец, 2006.

[6] *Реутов Е.В.* Легитимация региональной власти в Российской Федерации: структура и практики. — Белгород: Белгор. гос. ун-т, 2007.

[7] *Постриганова А.В.* Выборы как механизм легитимации государственной власти в современной России: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2005.

[8] *Ачкасов В.А.* Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе / В.А. Ачкасов, С.М. Елисеев, С.А. Ланцов; Ин-т «Открытое общество». — М.: Аспект-Пресс, 1996.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.4(470)

КУРМАНОВ Альберт Сафуатович

*доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права
и процесса Башкирского института социальных технологий (филиала)
Образовательного учреждения профсоюзов высшего профессионального
образования «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа)
e-mail: uristbist@yandex.ru*

К ВОПРОСУ О ЗАГЛАВИИ ГЛАВЫ 19 УК РФ «ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА»

В статье рассматриваются дискуссионные аспекты внесения изменений в заглавие главы 19 УК РФ. В основу авторской редакции «Преступления против личных, политических, социальных и интеллектуальных прав и свобод человека» положено рассмотрение видового объекта, указанных преступлений и определение на его основе группы тех общественных отношений, которые подлежат реальной охране нормами главы 19 УК РФ.

Ключевые слова: уголовно-правовая охрана конституционных прав и свобод человека и гражданина, личные, политические, социальные, интеллектуальные права и свободы.

Глава 19 УК РФ содержит нормы, предусматривающие ответственность за посягательства на отдельные права и свободы человека, закрепленные в главе 2 Конституции Российской Федерации. В связи с чем обращает на себя внимание вопрос о ее заглавии, соответствует ли оно по объему, охраняемым правам и свободам, включенным в данную главу. Из заголовка следует, что видовым объектом этой группы преступлений являются все общественные отношения, составляющие предмет правового регулирования главы 2 Конституции Российской Федерации. Однако это далеко не так, поскольку нормы, которые в нее входят, не осуществляют охрану всех конституционных прав и свобод человека.

Большинство специалистов в области уголовного права остановились на следующей классификации преступлений, предусмотренных главой 19 УК РФ: 1) против личных (гражданских) прав, 2) против политических прав, 3) против трудовых прав (социально-экономических). Представляется, что предложенные формулировки, а именно: преступления про-

тив личных (гражданских), трудовых прав, как равно и социально-экономических, в нашем случае не являются безупречными для уголовного права с точки зрения толкования охранительных функций, включенных в каждую из них уголовно-правовых норм. Например, использование формулировки «личные (гражданские) права» объясняется тем, что указанное название подраздела было заимствовано напрямую из конституционного права. Однако, если применительно к Конституции РФ, где перечисленные права носят полный перечень, предложенное название полностью отражает суть включенных в группу прав, то уголовный закон в главе 19 охраняет только часть из них, наряду с нормами, расположенными в других разделах и главах. Так, Т.Н. Нуркаева к числу личных (гражданских) прав относит: право на жизнь и здоровье, право на достоинство личности, на честь и доброе имя; право на свободу и личную неприкосновенность и др. [1, с. 8]. С таким подходом никто не будет спорить, что указанные права — это тоже личные права каждого человека. Тогда возникает вопрос,

а насколько обоснованно называть подобным образом объединенные в группу нормы, предусмотренные одной главой 19 УК РФ, если она не претендует охватить своим действием все личные права, охраняемые УК РФ.

Сложность этого вопроса заключается в том, что нам не удалось ни встретить в литературе, ни подобрать какой-либо другой правовой термин, который смог бы с точностью охарактеризовать включенную в главу 19 УК РФ группу преступлений против ограниченного круга личных прав, гарантированных Конституцией РФ. Видимо, этот вопрос еще долго будет предметом дискуссии специалистов российской уголовно-правовой науки. Вместе с тем, нельзя согласиться с теми учеными, которые указанную подгруппу называют: «Преступления против гражданских прав и свобод». Дело в том, что гражданские права принадлежат только гражданам государства, и они значительно уже по своему объему личных прав и свобод, принадлежащих любому человеку [2, с. 356]. В то время, как глава 19 УК РФ в равной мере охраняет наряду с правами граждан РФ, также права иностранных граждан и лиц без гражданства.

Требует корректировки и используемая формулировка «Преступления против трудовых прав». Дело в том, что в указанную группу включается ст. 145.1 УК РФ, и если с невыплатой заработной платы все ясно, — это, безусловно, посягательство на трудовые права, то невыплата пенсий, стипендий, пособий и ряда иных выплат к трудовым отношениям не относится, т.к. потерпевшие не являются работниками учреждений, которые производят им выплату денежных средств (напр., пенсионеры, студенты, неработающие женщины, получающие пособие на новорожденных и пр.). Следовательно, название подгруппы не отражает в полной мере объем интересов, охраняемых указанной нормой.

В конституционном праве трудовые права включены в более широкий подраздел — «Социально-экономические права». Ряд специалистов использует именно такое название в уголовном праве [3, с. 343; 4, с. 10]. На наш взгляд, выделять группу с таким названием в гл. 19 УК РФ представляется неверным, поскольку многочисленные нормы уголовного закона, объектом которых являются экономи-

ческие права, расположены в разделе 8 УК РФ «Преступления в сфере экономики». Подобное название не соответствовало бы охраняемым правам, включенным в указанную подгруппу, делало бы его существенно шире реального объекта уголовно-правовой охраны.

Решение данного спорного вопроса, думается, состоит в изменении названия группы: «преступления против трудовых прав» на «преступления против социальных прав». А.Х. Саидов обоснованно пишет: «Социальная политика государства заключается в том, чтобы создать условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека. Это охрана труда, установление размера заработной платы, обеспечивающего прожиточный минимум, поддержка наименее защищенных в социальном плане слоев населения, семьи, материнства, отцовства и детства (сказанное имеет прямое отношение, например, к ст. 145 УК РФ — прим. авт.), инвалидов и пожилых граждан. Именно в сфере социального обеспечения Конституция Российской Федерации предусматривает развитие системы специальных служб, установление государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты» [5, с. 124]. Итак, можно сделать вывод, что правонарушитель при совершении указанных деяний посягает на более широкий круг социальных прав, с которыми трудовые права соотносятся как часть и целое.

Не менее спорным моментом является присоединение преступлений, предусмотренных ст. 146 и 147 УК РФ большинством правоведов к группе общественно опасных деяний против трудовых прав [6, с. 147], равно как и к преступлениям против социально-экономических прав [7, с. 120; 4, с. 10], поскольку указанные деяния ровным счетом к ним никакого отношения не имеют. Например, о каких трудовых и даже социально-экономических отношениях может идти речь в связи с созданием произведений науки, литературы и искусства, в тех случаях, когда уголовный закон охраняет нематериальные права авторов и изобретателей. Более того, использование формулировки «экономические права», как нами обосновывалось выше, в названии главы 19 УК РФ представляется само по себе не верным. Единственно правильным выходом является выделение указан-

ных деяний в самостоятельную группу преступлений. Учитывая, что диспозиции ст.ст. 146 и 147 УК РФ имеют бланкетный характер, предлагаем данную подгруппу озаглавить: «Преступления против интеллектуальных прав».

Таким образом, преступления, включенные в главу 19 УК РФ, следует разделить на следующие группы: 1) преступления против личных прав и свобод (ст. 136–140, 148 УК РФ); 2) преступления против политических прав и свобод (ст. 141–142.1, 144, 149 УК РФ); 3) преступления против социальных прав и свобод (ст. 143, 145, 145.1 УК РФ); 4) преступления против интеллектуальных прав (ст. 146–147 УК РФ). Однако, проведенной работы по вычленению внутренней группировки норм главы 19 УК РФ не достаточно, чтобы высказать предложения по ее названию. Для этого необходимо ответить на вопросы, обсуждаемые на страницах научных изданий, насколько обоснованы в заголовке словосочетания: «права и свободы», «человека и гражданина».

В общепризнанном понимании права и свободы человека составляют центральный институт конституционного права, который содержит нормы, определяющие взаимоотношения государства и личности, ее правовой статус. Д. Воеводин усматривает в них и сходства, и различия. Сходство он определяет через правовую возможность. Что касается различий, то права свидетельствуют о возможности получения каких-либо социальных благ, а свободы — о возможности избежать определенных ограничений со стороны государства [8, с. 133]. С ним соглашаются А.Н. Головистикова и Л.Ю. Грудцина, добавляя, что разграничение понятий «права» и «свободы» имеет практический смысл. Если государство в Конституции Российской Федерации закрепило право, значит, оно берет на себя ответственность за его обеспечение. В случае предоставления субъектам свободы, государство берет на себя функции контроля, чтобы эту свободу индивид не мог использовать во вред другим лицам и самому государству [9, с. 49]. Другие исследователи полагают, что и права и свободы — категории однопорядковые, различающиеся лишь определенным смысловым акцентом, а их юридическая природа и система гарантий идентична. Говоря иными словами, эти

понятия тождественны, термин «свобода» призван лишь подчеркнуть более широкие возможности индивидуального выбора [10, с. 39]. Так, «свобода» означает возможность индивидуального выбора, не обрисовывая конкретного его результата — «свобода совести», «свобода мысли и слова». В то время, как термин «права» определяет конкретные действия человека «право выбирать место жительства», «право создавать профессиональные союзы» и т.д. Например, Е.Н. Рахманова, раскрывая данный вопрос, отмечает, что в международном гуманитарном и в конституционном праве права человека анализируются в тесной взаимосвязи со свободами человека, а словосочетание «права и свободы» является устойчивой научной и правовой категорией. В тоже время, осознавая объективно существующие отличия между правами и свободами, она так же считает возможным в своей работе использовать термин «права человека» в качестве обобщающего, поскольку различия прав и свобод в криминологическом отношении, по ее мнению, являются малосущественными [11, с. 3].

Обратим внимание, что в целом ряде международных и российских правовых актов употребляется выражение «право на свободу» (мысли, слова, религии), т.е. иными словами «свобода» вытекает из «права» и гарантируется им. Например, согласно ст. 30 Конституции РФ: «Каждый имеет право на объединения... Свобода деятельности объединений гарантируется». Статья 1 Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы, гласит: «Каждый имеет право... осуществлять права и основные свободы на национальном и международном уровнях» [12, с. 38].

Основываясь на вышеизложенном, представляется, что выражение «права и свободы» носит декларативный характер. Однако для конституционного права данная формулировка является традиционной, поэтому она используется при характеристике правового статуса индивида в Конституции РФ. Можно допустить, что с правом чаще связывают юридически фиксируемые правомочия, а со свободой — некую абстракцию вариантов поведения, в отношении которых имеются лишь

общие правовые гарантии. Кроме этого, в некоторых случаях, на наш взгляд, более логично и стилистически правильно употребление слова «свобода», а не «право». Например, свобода слова, свобода массовой информации, свобода вероисповедания и т. д. В связи с этим, считаем целесообразным оставить указанное словосочетание в действующей редакции в заглавии гл. 19 УК РФ.

Аналогичный вопрос встает и со словосочетанием «человека и гражданина». Как нам кажется, ответ на него надо искать в самой Конституции Российской Федерации, в ч. 3 ст. 62 которой закреплено положение, что иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации. Аналогичное положение закреплено в ст. 4 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [13]. Следовательно, в уголовно-правовой терминологии следует исключить слово «гражданина» из заголовка гл. 19 УК РФ, поскольку речь идет о защите интересов всех лиц, в том числе иностранцев и апатридов. Например, уголовная ответственность будет наступать независимо от гражданской принадлежности работника организации при причинении ему тяжкого вреда здоровью, вследствие нарушения правил охраны труда. В тех же случаях, когда потерпевшим может быть исключительно гражданин России, то этот фактор будет установлен при исследовании правовых предписаний ввиду бланкетности диспозиции анализируемых норм.

С учетом изложенного, предлагаем гл. 19 УК РФ озаглавить: «Преступления против личных, политических, социальных и интеллектуальных прав и свобод человека». На наш взгляд, именно такая формулировка позволит наиболее

точно охватить те общественные отношения, которые составляют ее видовой объект.

Литература

[1] *Нуркаева Т.Н.* Уголовно-правовая охрана личных (гражданских) прав и свобод человека (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2006.

[2] Краткий политический словарь. — М., 2002.

[3] Курс уголовного права: В 5 т. — Т. 3. Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М., 2001.

[4] *Серебренникова А.В.* Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2008.

[5] *Саидов А.Х.* Общепризнанные права человека. — М., 2004.

[6] Уголовное право России: учебник для вузов. В 2 т. — Т. 2. Особенная часть / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. — М., 2000.

[7] *Мачковский Л.Г.* Преступления против конституционных прав человека и гражданина: проблемы теории и практики правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2005.

[8] *Воеводин Л.Д.* Юридический статус личности в России: учеб. пособие. — М., 1997.

[9] *Головистикова А.Н.* Права человека / *А.Н. Головистикова, Л.Ю. Грудцина.* — М., 2006. — С. 49.

[10] *Тасаков С.В.* Нравственные основы уголовно-правовых норм, направленных на охрану личности, ее прав, свобод и законных интересов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2010.

[11] *Рахманова Е.Н.* Защита прав человека от преступности в условиях глобализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 2010.

[12] Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы: [принята резолюцией 53/144 Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1998] // Права человека: сб. документов. — М., 2001.

[13] Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2002. — 29 июля. — № 30. — Ст. 3032.

УДК 343:614

ХАЧАТРЯН Артак Симакович,

младший научный сотрудник

Центра политико-правовых исследований

Евразийского научно-исследовательского института проблем права

e-mail: niipr@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Рассмотрение проблемы предупреждения преступлений, совершаемых в сфере медицины, тесно связано с особенностями субъектов и существенной спецификой совершаемых ими деяний. Достижение эффективных результатов в устранении причин совершения посягательств со стороны медицинских работников возможно лишь при сочетании мер общего и специального предупреждения.

Ключевые слова: *судебно-медицинская преступность; коммерциализация трансплантанционной деятельности; незаконный оборот органов и тканей; уголовно правовая защита эмбрионов.*

Несмотря на то, что преступность является одним из неотъемлемых элементов современной организации общественной жизни, государство и общество располагают возможностями для того, чтобы сдерживать неблагоприятные тенденции преступности, обеспечить постепенное снижение ее уровня и смягчение последствий. Борьба с преступностью предполагает устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений, чтобы в последующем предупредить проявления преступных намерений у отдельных лиц [1–3].

Еще Цезаре Бекариа писал: «Лучше предупредить преступление, чем наказать» [4]. В том же ключе рассуждал выдающийся французский мыслитель Шарль Луи Монтескье. Его принцип «экономичности» предупредительных мер — «хороший законодатель не столько заботится о наказаниях за преступления, сколько о предупреждении преступлений» [5] — остается актуальным и сегодня.

Особый интерес к предупреждению преступлений в последние годы вызван, в основном, двумя обстоятельствами: *во-первых*, практической потребностью в том, чтобы весь механизм профилактики преступлений работал эффективнее, а предупредительные меры использовались в полной мере; *во-вторых*, расширением возможности научных исследований в данной сфере. Наряду с этим усилива-

ется стремление науки и практики к изучению предупреждения преступлений «в действии», когда оно выступает не просто в качестве тех или иных теоретических положений, но и как конкретный, специфический вид деятельности. Речь идет о двух направлениях предупреждения преступлений: теоретическом и практическом, когда такое предупреждение рассматривается как вид теории и как вид практики [6–7].

Предупреждение преступлений, совершаемых в сфере медицины, — это сложный и многогранный процесс, предполагающий осуществление системы экономических, социально-политических, организационных, правовых, воспитательных и других мер, направленных на нейтрализацию или снижение действия обстоятельств, обуславливающих совершение соответствующих противоправных деяний, а также коррекцию личности правонарушителя [8–10]. При выработке и принятии решений по вопросам уголовной политики в сфере регулирования медицины, требуется не только выявлять, устранять или нейтрализовать причины и условия, способствующие совершению преступлений, но и компенсировать их причинами и условиями нормативного, правомерного поведения.

Сущность противодействия рассматриваемым преступлениям, заключается в воздей-

ствии на факторы, определяющие наличие данного вида преступности и способствующие их проявлению вовне, путем нейтрализации влияния этих факторов или их устранения. При этом предупреждение может быть успешным только при комплексном воздействии на причины служебно-медицинской преступности и условия, ее порождающие и детерминирующие [11]. Интересам профилактики криминализации отношений, складывающихся в сфере медицины, должны отвечать как общие, так и специальные меры защиты от противоправных посягательств [12–15].

Вместе с тем, рассмотрение проблемы предупреждения преступлений, совершаемых в сфере медицины, тесно связано с особенностями субъектов и существенной спецификой совершаемых ими деяний. Противостоять этим негативным явлениям с помощью стандартов, апробированных для иных видов преступности методов противодействия практически невозможно.

Достижение эффективных результатов в устранении причин совершения посягательств со стороны медицинских работников возможно лишь при сочетании мер общего и специального предупреждения. Меры общего предупреждения находятся во взаимосвязи с социально-экономическими причинами совершения преступлений. Они требуют: совершенствования нормативно-правовой базы в сфере здравоохранения, финансового реформирования здравоохранения, четкого структурирования системы здравоохранения, усиления надзорной деятельности органов прокуратуры за соблюдением законодательства в области медицины, совершенствования контроля качества деятельности лечебно-профилактических учреждений, отдельных специалистов, повышения профессиональной квалификации, юридической грамотности врачей и медицинского персонала, повышения заработной платы, существенного улучшения социально-бытовых условий медицинских работников и предоставления им возможности удовлетворять свои материальные потребности законными средствами.

Свою значимую роль в предупреждении преступлений в сфере здравоохранения могут сыграть правоохранные органы. Для по-

вышения эффективности их деятельности следует обобщить судебно-следственную практику и на основании этого выработать конкретные рекомендации правоприменительным органам в соответствующих постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Необходимо совершенствование форм отчетности и статистического учета преступлений, совершаемых в сфере трансплантации медицинскими работниками. Для расследования таких дел нужна специальная структура правоохранительных органов, обладающая соответствующими знаниями, прошедшая специальную подготовку и обучение по вопросам квалификации медицинских преступлений. Необходимо тесное сотрудничество правоохранительных органов с судебными медиками, поскольку следственным работникам сложно без знаний специалиста определить были нарушены установленные правила оказания медицинской помощи или нет.

Значительная роль в предупреждении и борьбе с преступлениями, совершаемыми специальными субъектами в сфере медицины, безусловно, принадлежит уголовно-правовым средствам. Нормы уголовного законодательства, предусматривающие ответственность за эти преступления, призваны служить охране интересов пациентов, их жизни и здоровья.

Между тем, правоприменительная практика и научный анализ соответствующих нормативных установлений выявили присущие им многочисленные недостатки и законодательские погрешности. Остановимся на наиболее очевидных, относящихся к такому направлению медицины, как трансплантация органов и тканей.

В УК РФ специальные преступления в сфере трансплантации представлены лишь одной нормой — ст. 120 УК РФ «Принуждение к изъятию органов и тканей человека для трансплантации».

Однако, эта норма криминализирует лишь один вариант нарушения порядка трансплантации органов и тканей, иные нарушения остаются без внимания законодателя. В то же время законодательство о трансплантации содержит значительное число условий, которые должны быть соблюдены для обеспечения безопасности участников этого процесса в случаях, ког-

да речь идет о прижизненном донорстве. Рассматриваемая норма охраняет исключительно интересы донора, в то же время реципиент, его здоровье и жизнь не имеют уголовно-правовой защиты. Отраслевое законодательство в свою очередь делает акцент на поддержку прав реципиента.

Сфера действия ст. 120 УК РФ ограничена исключительно трансплантацией органов и тканей человека. В то же время на современном этапе широкое распространение получили исследования иных видов трансплантации, связанных с клеточными технологиями, трансплантацией искусственных органов, ксенотрансплантации, позволяющих найти замену пересадке органов и тканей человека. Многие их варианты уже вышли из стадии эксперимента и начали использоваться в клинической медицине. Как и трансплантация органов и тканей, эти методы лечения требуют строгого соблюдения установленного порядка и правил их проведения, игнорирование которых может негативно отразиться на здоровье пациента. Подобные научные изыскания в сфере медицины следует регулировать не только нормами отраслевого законодательства, но и уголовного закона.

Следует отметить, что российское уголовное законодательство, несмотря на многочисленные его изменения, чрезвычайно статично, отражает лишь отдельные научные факты и достижения, признаваемые законодателем угрожающими для охраняемых благ и ценностей. Конкретизированность законодательного запрета имеет положительные черты, когда способствует применению закона. Однако в тех случаях, когда положение закона не применяется, именно из-за его однобокости, целесообразно провести его корректировку.

Трансплантация как метод лечения находит все более широкое применение в российской медицине, все больше людей становятся донорами и реципиентами. В такой ситуации уголовный закон должен создать заградительный кордон опасным для человека нарушениям. Применяя положения Закона РФ о трансплантации органов и (или) тканей человека, можно сделать вывод, что принуждать можно только живого донора, однако, как быть, если заинтересованные лица принуждали врачей к совершению действий по трансплантации в нарушение

правил, или родственников, чтобы они согласились на трансплантацию органов у человека, который сам не в состоянии это решить.

В Законе Российской Федерации от 22.12.1992 № 4180-1 (ред. от 29.11.2007 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (ст. 1) закрепляется ряд важнейших положений, согласно которым органы и (или) ткани человека не могут быть предметом купли, продажи и коммерческих сделок. Лица, участвующие в указанных коммерческих сделках, купле и продаже органов и (или) тканей человека, несут уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации. Вместе с тем, в уголовном законодательстве России ответственность за указанные действия не предусматривается.

В то же время, с одной стороны, государство запрещает коммерциализацию донорских материалов и компонентов, а с другой стороны — разрешает. Например, в Федеральном законе Российской Федерации от 20.07.2012 № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов» среди указанных в ст. 4 принципов содержится пятый принцип — поощрение и поддержка безвозмездного донорства крови и (или) ее компонентов, допускается возмездное обращение донорской крови на территории Российской Федерации. Таким образом, запрет носит декларативный характер, и фактически происходит оплата, что стимулирует к совершению разного рода нарушений; коммерциализация трансплантационной деятельности создает предпосылки для торговли частями человеческого тела.

Незаконный оборот органов, тканей, иных биоматериалов должен быть запрещен, поскольку в противном случае ежегодное увеличение потребности в этих материалах, отражающееся на объеме криминального рынка, приведет к резкому росту числа связанных с этим тяжких преступлений.

Органы и ткани человека обладают неопределенным статусом, позволяющим осуществлять с ними любые сделки и не только донору, если при этом к последнему не было применено принуждение. В торговле частями человека медицинским работникам принадлежит решающая роль, поскольку только профессионалы высокой квалификации имеют возмож-

ность изъять донорский орган так, чтобы он не потерял своей ценности, не стал причиной осложнений для реципиента, и правильно его законсервировать. Конечно, такие операции производятся в специально оборудованных помещениях, чаще всего в государственных по известной рыночной формуле «товар-деньги» или «деньги-товар». Но иногда торговля донорским материалом выступает в специфических формах, реализация которых доступна лишь медицинским работникам, например, осуществляется в виде внесения изменений в лист ожидания, что ставит жизнь реципиента по угрозу причинения вреда.

Некоторые авторы предлагают действия по купле-продаже органов и (или) тканей человека квалифицировать по ст. 175 УК РФ — реализация имущества, добытого преступным путем [16]. Однако, на наш взгляд, это неприемлемо, т.к. приравнивать человеческие органы и ткани к имуществу нельзя. Поэтому представляется целесообразным дополнить УК РФ положениями об ответственности за торговлю донорским материалом, как это уже сделано, например, законодателями Украины и Республики Беларусь.

Клеточные технологии поставили вопрос о допустимости применения эмбриональных материалов для трансплантации как с правовых, так и с этических позиций, и тем более торговли ими, поскольку этот бизнес на не рожденных младенцах является фактором роста числа незаконных аборт, принуждения к ним будущих матерей. Уголовно-правовая защита эмбрионов в России не предусмотрена, поэтому необходимо закрепить правовой статус эмбриона и запретить его использование в иных целях, кроме имплантации. Получение фетального материала предполагает проведение абортов на позднем сроке беременности. Но такие аборты представляют серьезную опасность для здоровья женщины. Поэтому представляется целесообразным предусмотреть квалифицированный вид рассматриваемого преступления — незаконное производство аборта на позднем сроке беременности. Это позволило бы не только отграничить друг от друга преступления, отличающиеся различной степенью общественной опасности, но и дифференцировать и индивидуализировать

ответственность лиц, совершивших соответствующие деяния.

В заявлении Всемирной медицинской ассоциации «О трансплантации эмбриональных тканей» (1989 г.) отмечается, что увеличение спроса на зародышевую ткань может повлиять на принятие женщиной решения о прерывании беременности. Некоторые из них могут пожелать забеременеть с целью передачи abortивной зародышевой ткани нуждающемуся близкому человеку или продать постороннему. Во избежание конфликта медицинский персонал, участвующий в прерывании беременности, не должен получать прямой или косвенной выгоды от использования тканей, получаемых в результате аборта.

Принимая во внимание отмеченные выше обстоятельства, предлагается формулировку статьи 123 УК РФ изложить в следующей редакции:

Ст. 123 УК РФ

1. Незаконное производство аборта – преступление средней тяжести.
2. Принуждение к производству аборта, а равно незаконное производство аборта в целях использования эмбрионального материала или совершенное с корыстной целью – преступление средней тяжести.
3. Незаконное производство аборта на поздних сроках беременности – тяжкое преступление.
4. Незаконное производство аборта, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть потерпевшей – тяжкое преступление.

Следующим шагом в совершенствовании законодательства о предупреждении посягательств в медицине явилось бы обязательное применение за совершение медицинских преступлений в качестве наказания лишения права заниматься определенным видом деятельности, в данном случае — медицинской. Применение повсеместно указанной в санкции дисквалификации заставит врачей удерживаться от соблазнов и нарушений, поскольку этот вид уголовно правового воздействия лишит их возможности на определенный период работать по специальности.

Особого внимания в целях предупреждения преступлений требует и само законодатель-

ство в сфере здравоохранения, которое должно развиваться, на наш взгляд, по следующим направлениям: проведение комплексной оценки нормативно-правовых актов в сфере здравоохранения, выявление противоречий и несоответствия их друг другу, кодификация всех законных и подзаконных актов о здравоохранении, объединение их в единый Медицинский Кодекс, как это сделано в ряде европейских стран, включение в него имеющихся на сегодня законов в сфере здравоохранения. В этом случае увеличится число законоположений прямого действия, а не подзаконных актов, как имеет место в настоящее время.

Действительно, на данном этапе Министерство здравоохранения определяет такие важные аспекты организации деятельности по осуществлению, в частности, трансплантации, как требования, предъявляемые к организациям здравоохранения, имеющим лицензию на проведение лечения методом трансплантации, Перечень учреждений здравоохранения, осуществляющих трансплантацию органов и (или) тканей человека, утвержденный приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации и Российской академией медицинских наук от 25.05.2007 №357/40 «Об утверждении перечня органов и (или) тканей человека — объектов трансплантации, перечня учреждений здравоохранения, осуществляющих трансплантацию органов и (или) тканей человека, и перечня учреждений здравоохранения, осуществляющих забор и заготовку органов и (или) тканей человека» (зарегистрирован Минюстом России 19.06.2007, регистрационный № 9672). Правительство Российской Федерации утверждает «Порядок определения момента смерти человека», «Порядок прекращения реанимационных мероприятий» и «Форму протокола установления смерти человека», но и в этом документе дается ссылка на приказы Министерства здравоохранения.

Появление Медицинского Кодекса позволит систематизировать и структурировать имеющиеся нормативно-правовые акты, избежать дублирования материала и противоречий между нормами различных правовых актов. Как справедливо полагает А.И. Долгова, если Конституция Российской Федерации

гарантирует каждому право на жизнь и здоровье, то соответственно сфера здравоохранения должна быть сферой федерального регулирования [17].

Непосредственно в законе целесообразно разработать и прописать правила проведения различных видов трансплантации, которые будут обязательными не только для государственных, но и для частных лечебных учреждений. Стандарты должны быть стабильными, базироваться на уже апробированных методах лечения, но в то же время предоставлять возможность использовать для лечения новые высокотехнологичные методы трансплантации.

Важное значение имеют организационные меры. Существенную роль играет централизация учета оборота донорских органов, гражданско-правовые сделки с которыми запрещены, установление контроля за их движением и применением, создание регистра лиц, прошедших трансплантацию и лиц, несогласных быть донором после смерти. Листы ожидания пересадки донорского органа формируют сами медицинские учреждения, они же наделены правом изменять и корректировать их, что нередко имеет место, иногда и небезвозмездно. Сами медики к листам ожидания относятся весьма философски, подчеркивая, что «это не догма», поэтому имеет смысл сосредоточить всю информацию о лицах, ожидающих пересадки в одном официальном органе, никак не связанном с медицинскими учреждениями.

Одной из эффективных мер профилактики совершения преступлений со стороны медицинских работников является улучшение ведения медицинской документации с учетом ее юридического, медицинского и научно-педагогического значения, в том числе повсеместное введение электронных историй болезни. При реформировании учетно-аналитической работы следует предусмотреть специальную графу по учету соответствующих статистических данных о преступлениях, совершаемых медицинскими работниками.

Особое место в системе предупреждения преступлений, совершаемых в сфере медицины, отводится учреждениям здравоохранения, поскольку именно там создаются условия для этих нарушений. Руководители указанных учреждений должны своевременно и адекватно

реагировать на жалобы, поступающие от пациентов в отношении медицинских работников, выяснять причины и стремиться устранить их, а не смотреть «сквозь пальцы» на происходящее. Это позволит предотвратить совершение преступных деяний.

В целях эффективности и результативности предложенных мер профилактики необходимо, чтобы указанные выше меры предупреждения преступлений, совершаемых в сфере здравоохранения, применялись взаимосвязано и носили системный характер.

Литература

- [1] Криминология. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — С. 156.
- [2] Каирджанов Е.И. Криминология. — Алматы: Республиканский издательский кабинет, 1995. — С. 148;
- [3] Алауханов Е.О. Криминологические проблемы предупреждения корыстно-насильственных преступлений / под науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. Е.И. Каирджанова. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. — С. 120
- [4] Бекариа Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В.С. Овчинского. — М.: ИНФРА-М, 2008. — С. 150.
- [5] Монтескье Ш. Избранные произведения. — М., 1955. — С. 231.
- [6] Сафиуллин Н.Х. Криминологическая характеристика грабежей и разбоев, совершаемых несовершеннолетними повторно: лекция / Н.Х. Сафиуллин, С.А. Солодовников. — М., 1996. — С. 30.
- [7] Алтухов С.А. Преступления сотрудников милиции (понятие, виды и особенности профилактики). — СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. — С. 194.
- [8] Щедрин Н.В. Основы общей теории предупреждения преступности: учеб. пособие. — Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 1999. — С. 54.
- [9] Алауханов Е.О. Профилактика преступлений: учебник / Е.О. Алауханов, З.С. Зарипов. — Алматы, 2008. — С. 267;
- [10] Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция» и «Правоохранительная деятельность» / под ред. В.Я. Кикотя, С.Я. Лебедева. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. — С. 210.
- [11] Криминология: учебник / под ред. В.Д. Малкова. — М., 2004. — С. 289.
- [12] Алексеев А.И. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы / А.И. Алексеев, С.И. Герасимов, А.Я. Сухарев. — М.: НОРМА, 2001. — С. 422.
- [13] Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. — М., 1980. — С. 398, 406.
- [14] Теоретические основы предупреждения преступности / под ред. В.К. Звирбуля, В.В. Клочкова, Г.М. Миньковского. — М., 1977. — С. 60–67.
- [15] Горшенков Г.Н. Криминологический словарь. — Н. Новгород, 2004. — С. 120.
- [16] Малеина М.Н. Человек и медицина в современном праве. — М., 1995. — С. 79.
- [17] Долгова А.И. Выступление на заседании Российской криминологической ассоциации от 20.04.2007 г. по теме «О криминологической ситуации в медицине».

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

УДК 347

АНАНИЧЕВА Наталья Андреевна,

преподаватель кафедры «Гражданского права и процесса»
Башкирского института социальных технологий (филиала) Образовательного
учреждения профсоюзов высшего профессионального образования
«Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа)
e-mail: bist-urist@mail.ru

ПРИВАТИЗАЦИЯ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ И МУНИЦИПАЛЬНОМ ЖИЛИЩНОМ ФОНДЕ

Предметом исследования является законодательная база в области приватизации жилья. Объект исследования — теоретические и практические вопросы гражданско-правового регулирования приватизационных отношений. Целью исследования является углубление научных знаний о правовой природе приватизации на основе теоретических и практических положений действующего гражданского и жилищного законодательства. При написании статьи были поставлены задачи — изучить и проанализировать современное законодательство, регулирующее процесс приватизации жилых помещений в Российской Федерации, исследовать порядок осуществления гражданами права на приватизацию занимаемого жилого помещения. По итогам проведенного исследования были сделаны выводы и разработаны рекомендации по совершенствованию правового регулирования жилищных отношений в области приватизации.

Ключевые слова: государство, жилищный фонд, приватизация, деприватизация, жилые помещения, право на приватизацию.

Государство использует нормативное регулирование для решения специфических задач в определенной сфере жизнедеятельности. Закрепляя норму права, государство придает ей общеобязательный, государственно-волевой характер. Жилищное законодательство — это правовой массив, нормами которого регулируются жилищные отношения.

Право собственности, по смыслу ст.ст. 8, 17 и 35 Конституции Российской Федерации, является одним из основных и неотчуждаемых прав человека. Право собственности определяет смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечивается правосудием.

Конституционный статус жилья законодательно обеспечивается и тем, что любое жилое помещение, в чьей бы собственности оно ни

находилось, является неотъемлемым элементом жилищного фонда (ст. 19 Жилищного кодекса Российской Федерации).

Право собственности на жилое помещение может возникнуть у граждан по разным основаниям в том числе и в порядке приватизации.

Правовой основой приватизации является Закон РФ от 04.07.1991 № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации». Приватизация жилых помещений — бесплатная передача в собственность граждан Российской Федерации на добровольной основе занимаемых ими жилых помещений в государственном и муниципальном жилищном фонде, а для граждан Российской Федерации, забронировавших занимаемые жилые помещения, — по месту бронирования жилых помещений (ст. 1 Закона РФ «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации»).

Субъектами приватизации могут выступать граждане — наниматели жилого помещения в домах государственного и муниципального жилищного фонда по договору социального найма, а также совместно проживающие с ними члены их семей. Другой стороной в процессе приватизации выступают органы местного самоуправления, а также организации, за которыми жилищный фонд закреплен в хозяйственном ведении, либо оперативном управлении — предприятия, учреждения.

Для более четкого закрепления прав отдельных категорий граждан, имеющих право на жилую площадь и не утративших фактической связи с жилым помещением, малолетних и недееспособных, следует внести соответствующие дополнения в ст. 2 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации»: «Граждане Российской Федерации, имеющие в установленном порядке право на жилое помещение в домах государственного и муниципального жилищного фонда, включая жилищный фонд, находящийся в хозяйственном ведении предприятий или оперативном управлении учреждений (ведомственный фонд), по договору социального найма, вправе с согласия всех лиц, имеющих право на жилую площадь и не утративших фактической связи с жилым помещением, приобрести это помещение в собственность на условиях, предусмотренных настоящим Законом, иными нормативными актами Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. При этом несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет самостоятельно дают согласие на приватизацию, от имени малолетних и недееспособных действуют их законные представители. Жилые помещения передаются в общую собственность либо в собственность одного из совместно проживающих лиц, в том числе несовершеннолетних» [1].

Приватизация проводится только на добровольной основе, до 1 марта 2015 г. — безвозмездно.

Огромное преимущество частной собственности состоит в том, что у граждан есть право не только владеть и пользоваться жилым помещением, но и распоряжаться им. В том числе передавать квартиру или ее долю другим лицам на основании договора купли-продажи,

передавать ее по наследству, в залог и так далее [2, с. 9–13]. С экономической точки зрения приватизация выгодна государству, поскольку бремя содержания и капитальный ремонт жилищного фонда ложится на плечи собственника — гражданина.

На наш взгляд, бесплатная приватизация должна быть продлена и в дальнейшем — до той поры, пока экономическая ситуация в стране и экономическое положение каждого ее гражданина значительно не улучшатся, не стабилизируются, пока у большинства граждан не появится возможность приобрести помещение за счет собственных или заемных средств. Если в дальнейшем государство не посчитает возможным сохранить бесплатную приватизацию жилья для всех граждан, то это право необходимо сохранить хотя бы для малоимущих.

Сейчас деприватизация — передача приватизированного жилья обратно в собственность государства или муниципального образования — возможна. На наш взгляд возможность деприватизировать жилое помещение необходимо сохранить навсегда. Деприватизация важна по тем основаниям, что, во-первых — фонд социального жилья будет пополняться — а именно необходимость наращивания этого фонда и является главной социальной задачей государства, во-вторых — деприватизация позволит гражданам решать жить в квартире находящейся в собственности, или по договору социального найма.

Владение и пользование деприватизированным жилым помещением осуществляется по договору социального найма. При этом очевидно, что наниматели и члены их семей не имеют право на повторную приватизацию деприватизированного жилого помещения. Несмотря на то, что по этому поводу в законодательстве нет особого указания, в литературе справедливо отмечается, что согласно принципу однократности бесплатной приватизации гражданин, передавший приватизированное им ранее жилое помещение в муниципальную собственность, права на последующую бесплатную приватизацию этого или другого жилого помещения не имеет, так как уже один раз воспользовался им. А передача принадлежащего ему жилого помещения в муниципальную собственность осуществляется добровольно

и является реализацией его правомочий собственника [3, 130].

Следует отметить, что готовность законодателя установить предельный срок деприватизации вызывает неприятие. Целесообразность сохранения деприватизации очевидна, и заметим, что в случае несогласия с данной позицией возражение (из числа возможных), обоснованное намерением вскоре отменить приватизацию, неубедительно. Прежде всего уясним, что одинаковый подход к вопросам приватизации и деприватизации лишен логики. Так, намерение отменить приватизацию объясняется сокращением фонда социального использования (основной аргумент сторонников отмены), тогда как деприватизация означает прямо противоположное — возврат жилья в государственную или муниципальную собственность (с заключением договора социального найма). Нельзя не согласиться, что наличие диаметрально противоположных целей подтверждает позицию: возможная отмена приватизации жилья не требует (с необходимостью) упразднения деприватизации [4, с. 7–15].

Представляется, что право на однократную бесплатную приватизацию жилого помещения после его деприватизации сохраняется только у несовершеннолетних, ставших собственниками занимаемого жилого помещения в порядке его приватизации, после достижения ими совершеннолетия, поскольку указанное право вытекает из того обстоятельства, что данные лица не имели право на свободное волеизъявление при приватизации жилого помещения [5, с. 42–44].

Расширение частного жилищного фонда в Российской Федерации в немалой степени

именно за счет бесплатной приватизации жилых помещений и соответственно существенное сокращение государственного и муниципального жилищных фондов являются, с одной стороны, свидетельством преобразования отношений собственности, формирования рынка недвижимости, а с другой — предпосылкой прекращения использования бесплатной приватизации в качестве основного способа развития института частной собственности в жилищной сфере. Таким образом, приватизация жилого помещения — один из наиболее сложных, но и один из наиболее распространенных способов приобретения в собственность жилого помещения.

Очевидно, что решение вопроса о том, должны ли быть после 1 марта 2015 года приватизация и деприватизация жилых помещений, а также какой должна быть приватизация, платной или бесплатной, остается на усмотрение законодателя.

Литература

[1] Закон Российской Федерации от 04.07.1991 № 1541-1 (ред. от 16.10.2012) «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» // Бюллетень нормативных актов. — 1992. — № 1.

[2] Дата окончания приватизации переносится уже в третий раз [интервью с А.А. Титовым] // Жилищное право. — 2010. — № 4. — С. 9–13.

[3] Сапронова И.А. Деприватизация жилья // Право и политика. — 2004. — № 8. — С. 130.

[4] Шешко Г. Жилищное законодательство. Проблемы и перспективы его совершенствования // Жилищное право. — 2012. — № 12. — С. 7–15.

[5] Макеев П.В. Последствия приватизации и деприватизации жилых помещений // Нотариус. — 2010. — № 2. — С. 42–44.

УДК 347.9

ГОРЕЛОВ Максим Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
Башкирского института социальных технологий (филиала) Образовательного
учреждения профсоюзов высшего профессионального образования
«Академии труда и социальных отношений» (г. Уфа)
e-mail: Gorelov-maxim@yandex.ru

ТРЕТЬИ ЛИЦА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматриваются вопросы соотношения понятий стороны и третьих лиц в гражданском судопроизводстве, о месте участников спора, разрешаемого судом. Дается определение понятия сторон различными учеными, отличительные признаки между третьим лицом и истцом.

Ключевые слова: судебное заседание, истец, ответчик, третье лицо, кассационная жалоба, Арбитражный суд, решение суда, иск.

В судебной практике встречаются случаи, когда между понятием стороны и третьего лица ставится знак равенства.

Например, Федеральный арбитражный суд Уральского округа рассмотрел в судебном заседании кассационные жалобы А.О.Н, К.С.А. на решение Арбитражного суда Свердловской области от 17.10.2008 по делу № А60-12926/2008-С4 [1] и постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.12.2008 по тому же делу. Лица, участвующие в деле, о времени и месте судебного разбирательства извещены надлежащим образом, в том числе публично, путем размещения информации о времени и месте судебного заседания на сайте Федерального арбитражного суда Уральского округа. В судебном заседании приняли участие: представитель открытого акционерного общества «Межрегиональная распределительная сетевая компания Урала» (далее — общество «МРСК Урала») — К.А.Г. (доверенность от 11.08.2008); А.О.Н., адвокат (регистрационный № 66/44); представитель А.О.Н. — Л.Л.П. (доверенность от 25.07.2008). Фонд «Развитие» обратился в Арбитражный суд Свердловской области с иском к обществу «МРСК Урала» о признании недействительным дополнительного соглашения от 10.12.2007 к агентскому договору от 07.02.2007 № 105, заключенному между открытым акционерным обществом «Челябэнерго» (далее — общество

«Челябэнерго») и А.О.Н. (с учетом уточнения истцом основания исковых требований в соответствии со ст. 49 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации). Определениями суда от 25.08.2008 и 15.09.2008 к участию в деле в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, привлечены А.О.Н., К.С.А., Б.И.В.

Решением суда от 17.10.2008 иск удовлетворен. Признано недействительным дополнительное соглашение от 10.12.2007 к агентскому договору от 07.02.2007 № 105, заключенному между обществом «Челябэнерго» и А.О.Н.

Постановлением Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.12.2008 (судьи П.Г.Л., К.М.С., Н. В.А.) решение суда оставлено без изменения. В жалобе, поданной в Федеральный арбитражный суд Уральского округа, А.О.Н. просит судебные акты отменить, в удовлетворении иска отказать, ссылаясь на неправильное применение судом ст. 183, 185 Гражданского кодекса Российской Федерации. Кроме того, заявитель считает, что истец должен доказать наличие у него правового интереса в оспаривании сделки. В жалобе, поданной в Федеральный арбитражный суд Уральского округа, К.С.А. просит решение суда и постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда отменить, ссылаясь на то, что судом первой инстанции незаконно

А.О.Н. привлечен к участию в деле в качестве третьего лица, а не стороны по делу. Заявитель полагает, что поскольку Фонд «Развитие» не являлся акционером общества «МРСК Урала» на момент совершения сделки, то его нельзя считать заинтересованным лицом и у него отсутствует материальное право на предъявление требований по поводу совершенной сделки. Кроме того, К.С.А. считает, что факт последнего прямого одобрения сделки представляемым лицом — обществом «Челябэнерго» полностью доказан. Как следует из материалов дела, Фонд «Развитие», являясь акционером общества «МРСК Урала», обратился с исковыми требованиями на основании ст. 168, 183 Гражданского кодекса Российской Федерации о признании недействительным дополнительного соглашения от 10.12.2007 к агентскому договору от 07.02.2007 N 105, заключенному между открытым акционерным обществом «Челябэнерго» и А.О.Н. Судами первой и апелляционной инстанций исковые требования удовлетворены, дополнительное соглашение от 10.12.2007 к агентскому договору от 07.02.2007 № 105 признано недействительным. Между тем судами не учтено, что дополнительное соглашение к агентскому договору № 105 от 07.02.2007 подписано обществом «Челябэнерго» и адвокатом А.О.Н.

А.О.Н. определением суда от 25.08.2008 привлечен к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора. Следовательно, судом разрешен спор о правах и обязанностях А.О.Н., который в качестве ответчика к участию в деле не привлекался, а участвовал в нем в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора. В силу ст. 44, 47 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации решение по исковым требованиям может быть принято лишь против ответчиков по делу. С учетом изложенного решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции нельзя признать законными, в связи с чем оспариваемые судебные акты подлежат отмене, дело — направлению на новое рассмотрение. При новом рассмотрении суду следует принять меры к устранению указанного нарушения закона

и рассмотреть спор в соответствии с нормами материального и процессуального права.

В этой связи хотелось бы остановиться сначала на вопросе о соотношении понятий стороны и третьих лиц в гражданском судопроизводстве, т. е. тождественны ли данные понятия?

В порядке гражданского судопроизводства рассматриваются споры о праве и охраняемом законом интересе. Участники спора, разрешаемого судом, занимают в процессе по гражданскому делу положение стороны. Исходя из этого, возможно дать следующее определение сторон: стороны в гражданском процессе — это лица, спор которых о субъективном праве или охраняемом законом личном интересе суд должен разрешить. В данном определении имеются в виду субъекты предполагаемого либо действительного спорного материального правоотношения или охраняемого законом интереса, являющегося предметом судебной защиты. Как известно сторонами в гражданском процессе являются истец и ответчик. Истец — это лицо, субъективное право или охраняемый законом, интерес которого подлежит судебной защите. Ответчик — это лицо, которое привлекается, к ответу по заявленному требованию.

Но то понятие сторон, которое было выше нами указано, воспринималось в науке и в практике гражданского процессуального права неоднозначно. Обратимся к судебной практике советского периода. Гражданской кассационной коллегией Верховного суда РСФСР в Инструктивном письме № 1 сказано, что вступление третьих лиц в процесс на сторону истца или ответчика не создает для третьих лиц положения стороны в процессе ибо ни в их пользу, ни с них в данном процессе не может последовать взыскание и сводится к пособничеству в процессе истцу или ответчику, смотря по тому, на чью сторону они вступают или привлекаются [2]. Определение сторон, предложенное еще в 1970 году М.С. Шакарян в работе «Субъекты советского гражданского процессуального права», было подвергнуто критике А.А. Мельниковым, полагающим, что оно не содержит ни одного признака, присущего только сторонам. «Спор о праве, — пишет А.А. Мельников, — таким признаком служить не может, так как он характеризует не

только стороны, но и третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора» [3]. Таким образом, А.А. Мельников отождествляет третье лицо по признаку наличия спора о праве с понятием стороны как субъектов гражданского процесса. Однако как указывала М.С. Шакарян в своей аргументации, А.А. Мельников не учитывает, что третье лицо, заявляющее самостоятельные требования на предмет спора, пользуется всеми правами и несет обязанности истца, и следовательно ему должны быть присущи основные признаки стороны [4]. Но если присущи основные признаки стороны, то не приведет ли данное положение к отождествлению, например, истца и третьего лица с самостоятельными требованиями? Ведь существовала позиция у М.А. Вилкут и А.А. Добровольского, что третье лицо с самостоятельным иском требованием следует называть истцом, исходя из его процессуального положения [5–6]. Более того, А.А. Добровольский приходил к выводу о том, что самостоятельного вида третьих лиц не существует и их следует именовать не третьими лицами, а сторонами [7]. В современной юридической литературе М.А. Рожкова считает, что третье лицо, заявляющее самостоятельные требования относительно предмета спора, — полноправная сторона арбитражного процесса, обладающая всей совокупностью прав и обязанностей истца. Свое мнение она подтверждает простым примером. Предположим, организация, установив, что принадлежащим ей имуществом завладело иное лицо, которое не имеет на то правовых оснований, предъявляет виндикационный иск (иск не владеющего вещью собственника или иного титульного владельца к незаконно владеющему ею несобственнику). В процессе разбирательства спора в дело вступает третье лицо, подтверждающее, что спорное имущество принадлежит ему, и также заявляющее иск об истребовании того же имущества из чужого незаконного владения (из владения ответчика). Таким образом, два лица, самостоятельно претендующие на один объект спора, предъявляют требования к одному ответчику. Оба эти требования арбитражный суд должен рассмотреть и по каждому из них вынести самостоятельное решение. Следовательно, статус третьего лица, заявляюще-

го самостоятельные требования относительно предмета спора, — статус третьей стороны в споре [8].

Такая же позиция складывается и в судебной практике «практически можно сказать, что третье лицо, заявляющее самостоятельные требования относительно предмета спора, — это опоздавший истец: подай такое третье лицо исковое заявление первым, оно бы и выступало истцом по делу» [2]. Только стороны вправе распоряжаться предметом спора: истец вправе до принятия судебного акта, которым заканчивается дело по существу, изменить основание или предмет иска, увеличить или уменьшить размер исковых требований, а также в любой судебной инстанции до принятия судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела в этой инстанции, отказаться от иска полностью или частично, стороны могут закончить дело мировым соглашением.

В этой связи чтобы ответить на ранее поставленный вопрос необходимо обратиться к отличительным признакам третьего лица с самостоятельными требованиями, которые не дают право отождествления его с истцом. Ведь не случайно в современной юридической литературе отмечается, что единственным различием между истцом и третьим лицом, заявляющим самостоятельные требования, является вступление в процесс [9].

Также по мнению Л. Грось «третьи лица, заявляющие самостоятельные требования на предмет спора, — лица, считающие себя, а не истца, субъектом права требования (в целом или в части) к ответчику. Ответчиками по иску третьего лица, как правило, являются первоначальный истец и ответчик. Если удовлетворяется требование третьего лица, то тем самым признается отсутствие (полностью или частично) права требования у первоначального истца» [10]. Отсюда возникает самостоятельный интерес третьих лиц, который по праву возможно считать вторым отличительным признаком третьего лица. Профессор Р.Е. Гукасян считал, что интересы первоначального истца и третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора, взаимно исключают друг друга, хотя по существу третье лицо занимает положение истца [11].

Как видно из вышеуказанных обстоятельств, третье лицо, заявляющее самостоятельные требования относительно предмета спора, обладает такими же процессуальными правами и обязанностями истца, но все признаки стороны как третьего лица с самостоятельными требованиями и истца не тождественны. Следовательно, определение истца и третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, также не равнозначно. Вышеуказанные отличительные признаки третьей стороны, заявляющей самостоятельные требования относительно такого предмета спора, как вступление в процесс и собственный интерес, тем самым предполагает, что статус третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора, — это статус третьего лица в споре, а не третьей стороны в споре. Именно понятие «статус третьего лица в споре» более определенно раскрывает специфику третьего лица с учетом его отличительных признаков.

Литература

- [1] Решение Арбитражного суда Свердловской области от 17.10.2008 по делу № А60-12926/2008-С4.
- [2] Сборник разъяснений Верховного Суда РСФСР. — 4-е изд. — М.: Сов. законодательство, 1937. — С. 183.
- [3] Мельников А.А. Субъективные процессуальные права сторон в гражданском процессе // Советское государство и право. — 1972. — № 3. — С. 20.
- [4] Шакарян М.С. Учение о сторонах в советском гражданском процессе. — М., 1983. — С. 4.
- [5] Викут М.А. Участие третьих лиц в советском гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1953. — С. 12.
- [6] Добровольский А.А. Участие органов государственного управления в советском гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1954. — С. 13–14.
- [7] Добровольский А.А. О третьих лицах с самостоятельными требованиями // Советская юстиция. — 1959. — № 5. — С. 40–42.
- [8] Рожкова М.А. К вопросу о сторонах арбитражного процесса // Арбитражная практика. — 2003. — № 1. — С. 55–58.
- [9] Рожкова М.А. Мировое соглашение в арбитражном суде: проблемы теории и практики. — М., 2004. — С. 202–203.
- [10] Грось Л. О третьих лицах в гражданском и арбитражном процессе // Хозяйство и право. — 1999. — № 12. — С. 113.
- [11] Гукасян Р. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. — Саратов, 1970. — С. 53.

УДК 347

МИФТАХОВА Айсылу Мансафовна,
профессор кафедры гражданского права и процесса
Нефтекамского филиала Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего профессионального образования
«Башкирский государственный университет»
e-mail: niipr@mail.ru

ИСКУЖИН Ильвир Рамилевич,
научный сотрудник Центра политико-правовых исследований
Евразийского НИИ проблем права
e-mail: niipr@mail.ru

КОРПОРАТИВНЫЕ ФОРМЫ АКЦИОНЕРНОГО КОНТРОЛЯ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

С правовой точки зрения корпоративный контроль за деятельностью предприятий должен осуществляться ее акционерами, при их наличии. Однако на практике встречаются случаи, когда фактические полномочия акционеров на контроль ограничены, и их осуществляют иные лица, не владеющие долями в капитале организации или чья доля незначительна. В данной статье рассматриваются различные формы корпоративного контроля за акционерными обществами.

Ключевые слова: акционер, гражданское право, корпоративный контроль, менеджериальный, финансовый, слияние, поглощение, присоединение,

По субъектному признаку следует выделять следующие виды корпоративного контроля: управленческий (менеджериальный), финансовый и акционерный [1]. Управленческий контроль возможен в случаях распыленности акционерного капитала, когда вследствие существования проблемы координации воли и действий акционеров полномочия на контроль текущей деятельности компании концентрированы в руках совета директоров. Правовой формой в данном случае выступает выполнение управленцами (менеджерами) своих полномочий по повседневному управлению деятельностью компании. При этом решения в рамках своих полномочий менеджеры принимают самостоятельно, так как они фактически не контролируются акционерами.

Таким образом, в основе менеджериального контроля лежит не превышение советом директоров своих полномочий за счет компетенции общего собрания акционеров, а осуществление этих полномочий без фактического контроля со стороны общего собрания акционеров. Более того, действующее в стра-

не законодательство может способствовать распространению менеджериального контроля. Например, это имеет место в странах, где диспозитивные нормы законов позволяют расширить компетенцию совета директоров за счет общего собрания акционеров. В странах англо-американской правовой системы отсутствие наблюдательного совета, выступающего в роли дополнительного механизма контроля акционеров за деятельностью менеджеров, также является важным фактором, способствующим распространению менеджериального контроля. Следовательно, по сравнению со многими зарубежными странами, существующая в России институциональная среда сдерживает распространение менеджериального контроля в стране.

Наконец, появление финансового контроля обусловлено ростом значения внешнего финансирования деятельности компаний. Характерным признаком послевоенного развития корпораций в Японии и Германии стало увеличение возможностей контролирования их деятельности финансовыми организациями, яв-

ляющимися их кредиторами. В целях контроля и наблюдения за процессом расходования предоставленных компаниям заемных денежных средств финансовые организации требовали включения их представителей в органы управления компаний (советы директоров и наблюдательные советы), получая тем самым правовые средства участия в управлении компаний. Развитию контроля финансовыми организациями способствовала также практика голосования финансовыми организациями по находящимся у них на хранении акциям. Однако вследствие развития фондовых рынков контроль финансовыми организациями в настоящее время теряет свое значение, уступая место двум другим формам.

Следует отметить, что А.С. Гутин, основываясь на субъектном составе корпоративных правоотношений, наряду с акционерным и управленческим формами контроля выделяет также государственный контроль. Очевидно, что при таком подходе не признается существование финансового контроля [2]. Отдельное выделение государственного контроля лишь на том основании, что государство является контролирующим акционером, представляется неоправданным, поскольку в таком случае речь идет, скорее, об акционерной форме контроля. Государственный контроль существует лишь постольку, поскольку у публичных органов или отдельных должностных лиц этих органов имеются неформальные способы осуществления фактического корпоративного контроля в определенных акционерных обществах, несмотря на незначительную долю принадлежащих государству акций этих акционерных обществ или вовсе при их отсутствии. Кстати, для нынешней российской действительности характерна тенденция усиления роли такого неформального государственного контроля.

Исследователь Т. Долгопятова в одной из своих работ отмечает: «Акционерный контроль характерен для стран, в которых преобладают компании с концентрированной моделью капитала, в том числе и для России, а менеджериальный контроль чаще встречается в странах, где превалируют корпорации с распыленной структурой акционерного капитала» [3].

Под установлением корпоративного контроля над корпорацией следует понимать при-

обретение лицом ее контрольного пакета акций. Определение контрольного пакета акций в некоторых случаях является трудным в связи с тем, что, во-первых, неформальные способы, с помощью которых достигается контроль, часто являются конфиденциальными (например, соглашения акционеров), а во-вторых, информация о доли лица в капитале компании в некоторых случаях может ввести в заблуждение и быть бесполезной в целях выяснения того, является ли лицо контролирующим акционером или нет.

В частности, в одном случае для фактического контроля необходимо владение больше 50% эмитированных голосующих акций, а в другом для этого достаточно владение гораздо меньшей долей прав на голосование. При этом помимо количества акционеров и размеров их пакетов акций причиной этого являются также другие факторы, в частности, определение суда, которым вводится запрет голосовать на общем собрании акционеров определенным пакетом акций, или проведение повторного общего собрания акционеров, если ранее при проведении годового или внеочередного общего собрания акционеров отсутствовал необходимый кворум, или неучастие части акционеров на общем собрании акционеров. Такая неопределенность обуславливает существование подхода, согласно которому в корпоративном праве различают контроль большинством акций, характерный в основном для корпораций с концентрированной структурой акционерного капитала, и контроль посредством владения небольшими пакетами акций, имеющий место в корпорациях с большим числом акционеров (поскольку, во-первых, часть акционеров с незначительными долями акций предпочитает не участвовать в общих собраниях акционеров, и, во-вторых, существует проблема согласования воли большого числа акционеров, что требует организационной работы и финансовых расходов) [4].

Следовательно, не существует твердо установленного размера пакета акций, который позволяет его владельцу контролировать деятельность корпорации. Размер такого пакета зависит от контекста, в частности, количества акционеров, размеров их пакетов акций, доли голосующих акций от их общего количе-

ства, участвующих на общем собрании акционеров.

Приобретение корпоративного контроля в практике зарубежных стран получило название «слияния и поглощения». Этот термин объединяет в себя совокупность основных способов приобретения корпоративного контроля. В последние годы термин «слияния и поглощения» стал активно использоваться и получил широкое распространение в России, в том числе и в российской научной литературе и публицистических статьях.

Однако юристы, в свою очередь, долгое время старались в научных работах не использовать термин «слияния и поглощения», мотивируя это тем, что в действующем российском законодательстве отсутствует термин «поглощение», и, следовательно, в строго юридическом смысле не совсем корректно его использование.

Термин «слияния и поглощения» носит «скорее экономический, чем правовой характер и подразумевает собой объединение на определенных условиях активов и управленческих функций нескольких компаний в рамках одного корпоративного объединения или под его эгидой» [5]. Более того, некоторые из них, по-видимому, стремясь оперировать терминологией, предложенной российским законодательством, неоправданно сужали границы термина, приравнивая слияния и поглощения к таким формам реорганизации, известным российскому праву, как слияние и присоединение [6].

С распространением в России разнообразных незаконных механизмов установления корпоративного контроля над коммерческими организациями ситуация еще больше запуталась, поскольку они также были включены в термин «слияния и поглощения». В результате этого, особенно в широких кругах, слияния и поглощения получили несколько иной смысл, чем тот, который вкладывается в них в западных классических работах, и приобрели негативную окраску.

Однако получившая в России распространенная практика перераспределения собственности, именуемая в профессиональных кругах корпоративным захватом, или рейдерством, обязательно сопровождается нарушениями

норм права. Она включает в себя противоправные элементы и, следовательно, не может рассматриваться в рамках законных способов приобретения корпоративного контроля. Термин «слияния и поглощения» должен использоваться именно в его классическом понимании, принятом зарубежными специалистами. При этом представляется, что его отсутствие в российском законодательстве никаким образом не должно отразиться на использовании термина в работах юридического характера. Это некий собирательный термин, который включает в себя разнообразные способы приобретения корпоративного контроля и ни в коем случае не сводится лишь к совершению отдельных сделок или юридически значимых действий: к купле-продаже, слиянию, присоединению и т. д.

По характеру слияния и поглощения делятся на дружественные и недружественные. Характер слияний и поглощений зависит от реакции (отношения) членов совета директоров компании-цели, а иногда и ее акционеров. Недружественными (враждебными) являются слияния и поглощения, когда приобретение акций компании-цели осуществляется против воли или минуя волю ее совета директоров (исполнительных органов) или акционеров (такое деление является весьма условным, поскольку многие дружественные слияния и поглощения осуществляются под явной или скрытой угрозой перехода в недружественное слияние и поглощение). В основе дружественных слияний и поглощений лежит соглашение между покупателем и компанией-целью в лице ее акционеров или органов управления о приобретении корпоративного контроля. С учетом этого представляется неправильным сравнение враждебных слияний и поглощений в их классическом понимании с явлениями, имеющими место в корпоративном секторе Российской Федерации, которые сопровождаются различными нарушениями закона. Для обозначения этих явлений правильнее использовать термин «корпоративные захваты», который наиболее полно и точно раскрывает их суть.

Необходимо отметить, что существование цивилизованного рынка корпоративного контроля предполагает наличие эффективных институтов защиты прав собственности. Иными

словами, переход права собственности на акции корпорации может произойти только с согласия законных владельцев этих акций и при выплате справедливой компенсации за отчуждение этих акций. В этом плане вполне можно согласиться с Д.И. Степановым в том, что любой перехват корпоративного контроля, осуществляемый с использованием недобросовестных методов либо без предоставления адекватной компенсации, должен искореняться правопорядком.

Теория и практика корпоративного права знают несколько механизмов установления контроля над акционерными обществами, которые не обязательно сопровождаются переходом права собственности на акции компании. Возможность существования ситуаций, когда контроль над компанией устанавливается без приобретения ее акций, обусловлена феноменом, который в научной литературе получил название «отделение собственности от контроля». В юридическом смысле это ситуации, когда контроль акционеров за деятельностью совета директоров компании является ослабленным. Такие ситуации наиболее вероятны в корпорациях, где акционерный капитал является распыленным и в результате этого менеджеры обладают широкими полномочиями по управлению корпорацией [7].

Четыре основных способа, направленных на приобретение корпоративного контроля, включают в себя:

- покупку голосов;
- прямое приобретение акций;
- реорганизацию в форме слияния или присоединения;
- приобретение активов [8].

Покупка голосов, или борьба за голоса — наиболее дорогой и наименее используемый механизм установления контроля над акционерным обществом, применяемый преимущественно в США. Суть покупки голосов состоит в противостоянии двух групп: действующих менеджеров и (или) контролирующих акционеров (инсайдеров) и владельцев небольшого пакета акций, желающих сменить членов совета директоров и установить контроль над советом директоров акционерной корпорации — за получение голосов других миноритарных акционеров, выразивших согласие на голосо-

вание за них по доверенности. Иными словами, это практика сбора или покупки прав на голосование миноритарных акционеров перед заседанием общего собрания акционеров, которые передают их права на голосование по конкретным вопросам повестки дня доверенному лицу, действующему по собственному усмотрению. Кроме покупки голосов могут быть использованы также соглашения акционеров, заключаемые с целью обеспечения согласованной позиции при голосовании на общем собрании акционеров. Целью покупки голосов является смена совета директоров корпорации-цели, а не ее акционеров. Состав акционеров вполне может остаться неизменным. Меняются лица, занимающие места в совете директоров корпорации-цели. Следовательно, этот способ эффективно действует только в контексте менеджериального контроля.

Таким образом, на первый взгляд, покупка голосов кажется недорогим механизмом приобретения корпоративного контроля, поскольку нет необходимости являться владельцем крупного пакета акций корпорации для его использования. Но в связи с двумя обстоятельствами это не так. Во-первых, сама процедура покупки голосов является достаточно дорогой (расходы на почтовые отправления, публикацию объявлений, встречи с крупными акционерами и др. [9]). Во-вторых, новые члены совета директоров получают выгоду преимущественно в форме оплаты труда, а не капитальных доходов в результате повышения рыночной стоимости акций корпорации. Поэтому покупка голосов не всегда является подходящим способом установления контроля над акционерным обществом. Конечно, процесс убеждения миноритарных акционеров может обойтись дешевле, чем приобретение акций, но для стороннего лица, желающего установить контроль над компанией, каждый голосующий представляет собой еще одно лицо, с кем оно должно делиться потенциальным доходом, получаемым в результате более эффективного управления с его стороны. Эти голосующие являются аналогами или заменами капитала или кредита, которыми стороннее лицо иначе приобрело бы контроль напрямую (путем приобретения акций). Кроме того, при неудачном исходе борьбы за голоса все осуществленные

сторонними лицами расходы не возмещаются, в то время как при использовании других способов лицо, желающее установить контроль, становится собственником реальных активов (акций, имущества).

В связи с тем, что покупка голосов использовалась для недружественного получения контроля над корпорацией, а помимо этого способа при недружественных попытках смены контроля может использоваться только прямое приобретение акций, указанные недостатки и ужесточение законодательных требований привели к смене данного способа прямым приобретением акций. Однако в последние годы в результате увеличения числа корпораций, которые принимают защитные меры, направленные против недружественных поглощений, интерес к борьбе за голоса как способу установления корпоративного контроля вырос.

Прямое приобретение акций, или поглощение, позволяет установить контроль над компанией в максимально сжатые сроки, но требует наличия значительных источников финансирования. При использовании данного способа покупатель приобретает все голосующие акции или необходимый для установления контроля пакет голосующих акций компании-цели, оплачивая приобретение либо собственными акциями, либо денежными средствами, либо долговыми обязательствами [8]. Возможны несколько вариантов прямого приобретения акций, однако, в отличие от США, где покупатели имеют возможность выбрать вариант поглощения, который наиболее подходит их потребностям и поставленной цели, в правопорядках, где действует правило обязательного предложения, покупатели ограничены в выборе техник поглощения: при приобретении определенной доли акций покупатель обязан сделать предложение о приобретении акций всем остальным владельцам голосующих акций [10].

В отличие от сделок на открытом рынке, которые осуществляются по общим правилам заключения договоров купли-продажи и приобретения акций на фондовых биржах, направление публичной оферты о покупке акций во многих правопорядках осуществляется в соответствии со специальными правилами.

В рамках публичной оферты о покупке акций приобретатель (оферент) устанавливает фиксированную цену, обычно несколько превышающую рыночную стоимость акций, но все еще выгодную для покупки, ограничивая тем самым возможности для чрезмерного роста стоимости акций [10].

На практике эти три варианта часто используются одновременно. В настоящей работе приобретение контроля посредством прямого приобретения акций открытых акционерных обществ или публичных компаний (которых с учетом некоторых особенностей можно считать западными аналогами российских открытых акционерных обществ) обозначается терминами «публичное поглощение» или «поглощение».

Для установления корпоративного контроля могут использоваться такие известные российскому законодательству способы реорганизации, как слияние и присоединение. Законодательство большинства стран мира, несмотря на разные названия, предусматривает аналогичные по содержанию формы реорганизации юридического лица. Институт реорганизации в данном случае рассматривается как «инструмент имущественного и, прежде всего, делового оборота» [11]. Более того, некоторые ученые предлагают рассматривать реорганизацию в форме слияния или присоединения как разновидность сделок с имущественными комплексами [12]. Другие считают, что реорганизация представляет собой не сделку, а юридический состав — совокупность юридических фактов, некоторые из которых действительно являются сделками. Ко второй точке зрения, несмотря на свою неоднородность, в последнее время склоняется также судебная практика [13].

В отличие от первых двух способов приобретения корпоративного контроля при реорганизации невозможны ситуации, когда контроль над акционерным обществом устанавливается вопреки воле его совета директоров и контролирующих акционеров, так как реорганизация требует согласия как акционеров, так и совета директоров реорганизуемых обществ. Следовательно, одной из особенностей приобретения корпоративного контроля путем реорганизации является их

добровольный, дружественный характер. Реорганизация имеет преимущества по отношению с предыдущими двумя способами установления контроля над акционерным обществом в плане финансирования: источником финансирования выступают преимущественно акции реорганизуемых обществ. Кроме того, у акционеров присоединяемого общества при обмене акций, в отличие от продажи акций, не возникает обязанности по уплате налога на прибыль или налога на доходы физических лиц. Однако при реорганизации совет директоров компании, имея возможность заблокировать процесс реорганизации, может требовать «компенсацию» за уступку контроля (это утверждение является более уместным для компаний с распыленной структурой акционерного капитала).

Г. Манн утверждает, что чем больше доля членов совета директоров в капитале акционерного общества, тем выше вероятность того, что они одобряют предложение о реорганизации за маленькую компенсацию или вообще без ее получения. А в большинстве случаев, когда менеджеры акционерного общества рекомендуют смену контроля, можно догадаться, что имеет место оплата стороннего платежа [14].

Часто реорганизация не выступает самостоятельным способом установления контроля над акционерным обществом: лицо устанавливает контроль над акционерным обществом посредством прямого приобретения акций, а после этого проводит реорганизацию. В этом случае механизмом установления контроля является приобретение акций, а не реорганизация. Реорганизация в данном случае выступает лишь последней стадией процесса, которая направлена на полную интеграцию компании-цели в структуры компании-покупателя с целью упорядочения структуры активов последнего, повышения эффективности ее корпоративного управления и инвестиционной привлекательности. Однако полная интеграция будет затруднена в случаях, когда после установления контроля над компанией остается большое число ее миноритарных акционеров. Для избежания такой ситуации покупатель вправе сделать публичную оферту о приобретении акций условной и ставить оферту в зависимость

от аккумулирования им определенной доли уставного капитала.

Эффективность использования конкретного механизма приобретения корпоративного контроля зависит от того, кто является фактическим контролирующим лицом в акционерной компании. Если это акционеры, то для приобретения контроля требуется переход крупного пакета акций в собственность покупателя. При менеджериальном контроле наряду с приобретением крупного пакета акций, в результате которого, по сути, происходит трансформация менеджериального контроля в акционерный, достаточно также получения основных руководящих должностей в совете директоров акционерной компании.

Расходы, практические трудности и правовые последствия разных способов приобретения корпоративного контроля значительно отличаются друг от друга, и выбор того или иного способа или некой комбинации способов является результатом трудного стратегического решения, принятого с учетом вида контроля, а также цели, финансовых и временных возможностей инициатора приобретения корпоративного контроля, особенностей законодательства и некоторых других факторов.

Литература

- [1] *Молотников А.Е.* Ответственность в акционерных обществах. — М., 2009. — С. 108–109.
- [2] *Гутин А.С.* Корпоративный контроль в акционерных обществах и его правовые формы: дис. ... канд. юрид. наук. — Пермь, 2005. — С. 63–65.
- [3] *Долгопятова Т.* Концентрация акционерной собственности и развитие российских компаний (эмпирические свидетельства) // Вопросы экономики. — 2007. — № 1. — С. 84–97.
- [4] *Поваров Ю.С.* Акционерное право России. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮРАЙТ, 2012. — 706 с.
- [5] *Могилевский А.С.* Слияние и присоединение акционерных обществ по российскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006. — С. 3.
- [6] *Калашников Г.* Слияние и поглощение акционерных обществ по праву ЕС и России: процедурные вопросы / Г. Калашников, Т. Шарипов // Слияние и поглощения. — 2007. — № 2. — С. 66.
- [7] *Fama E.F.* Agency Problems and the Theory of the Firm // 88 Journal of Political Economy. — 288 (1980). — At 288–307.

[8] Орлов А.А. Покупка и продажа бизнеса. Российская практика. — М., 2009. — С. 143–170.

[9] Радыгин А. Проблемы слияний и поглощений в корпоративном секторе / А. Радыгин, Р. Энтов, Н. Шмелева // Научные труды Института экономики переходного периода [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.iet.ru/papers/>

[10] Ventoruzzo M. Europe's Thirteenth Directive and U.S. Takeover Regulation: Regulatory Means and Political and Economic Ends // 41 Texas International Law Journal. — 171 (2006).

[11] Архипов Б.П. Гражданско-правовой механизм слияний и присоединений акционерных обществ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. — С. 11

[12] Наумов О.А. О защите прав кредиторов при реорганизации должников // Арбитражная практика. — 2001. — № 3.

[13] Корпоративное право / отв. ред. И.С. Шиткина. — Волтерс Клувер, 2008.

[14] Manne H.G. Mergers and the Market for Corporate Control // 73 Journal of Political Economy. — 110 (1965). — At. 118.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

УДК 340.12:39(470)

СУЛЕЙМАНОВ Артур Рамилевич,

*кандидат политических наук, заведующий кафедрой трудового права
и профсоюзного движения Башкирского института социальных технологий
(филиала) Образовательного учреждения профсоюзов высшего профессионального
образования «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа)
e-mail: suly-artur@rambler.ru*

ПРИМОРДИОЛИЗМ И КОНСТРУКТИВИЗМ В ТЕОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В данной статье исследуются «этнос» и «нация» как политологические категории. Определяется роль этносов и наций в укреплении национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: политология, этнос, нация, национальная безопасность, целостность, сепаратизм, конфликт.

Этнические и национальные аспекты занимают особое место в обеспечении целостности государств, в том числе в преодолении внутриполитических кризисов. Вместе с тем, именно отсутствие должного понимания «этноса» и «наций» становится камнем преткновения в обострении и разжигании сепаратистских настроений и межэтнических конфликтов. Так, основной угрозой обеспечения национальной безопасности в России являются конфликты на межэтнической (до 40%), политической (12%) и религиозной почве (около 4–5%) [1]. В связи с чем постараемся разобраться в терминологии понятий «этнос» и «нация», определим их сущностное содержание и роль в укреплении национальной безопасности федеративной России.

Современная система обеспечения национальной безопасности должна исходить из учета сущности и содержания категорий «этнос», «нация». А функционирование системы национальной безопасности России должно опираться на научно обоснованную комплексную программу, включающую в себя совершенствование института национально-этнических отношений и развитие национально-этнической толерантности в районах компактного проживания этнических групп. Игнорирование

даже небольших, на первый взгляд, национальных проблем способно при определенных обстоятельствах резко снизить уровень обеспечения национальной безопасности России [2, с. 101].

На сегодняшний момент отсутствует единое понимание понятий «этнос» и «нация». Общепринятые в науке примордиалистские и конструктивистские подходы лишь однобоко транслируют этносы и нации на общегосударственной материи. Если обобщить основные теории примордиализма то они сводятся к пониманию этноса — как некой объективно устоявшейся группы людей, связанной между собой общим историческим происхождением и длительным совместным существованием, и обладающей общностью языка и культуры. Конструктивисты вовсе игнорируют историческую и объективную обусловленность происхождения этнических общностей, понимая под ними не «кровную» (генетическую) или культурно-историческую общность, а некий субъективный процесс идентификации людей с другими существующими общностями, который изменчив и подвержен корректировке.

В связи с чем трудно не согласиться с мнением ученого Р. Вахитова о том, что «примор-

диализм и конструктивизм, имея свои положительные стороны, в то же время оказываются тупиковыми теориями: примордиализм разбивается о факты изменчивости этносов, а конструктивизм, доведенный до логического конца, вообще лишает этнологию ее предмета исследования» [3].

Однобокое восприятие и догматичная интерпретация примордиалистских или конструктивистских концепций являются угрозой национальной безопасности современных государств. И Российская Федерация в этом плане не исключение. Скажем, если взять за основу примордиализм, то согласно ему — любая этническая общность переживает несколько стадий: племена, этнос, нация. Т.е. примордиализм не исключает того, что со временем этническая общность способна эволюционировать в нацию и соответственно предъявить претензии на обретение самостоятельной государственности. Более того, если нация является конечной стадией развития этнической общности, то становится не ясной дальнейшая судьба развития наций.

Конструктивизм обедняет историческую и культурную сущность государства, обосновывая процесс этнического или национального становления — как некий субъективный, надуманный процесс, совершаемый политическими или иными силами для усиления контроля над общественным сознанием. И очевидно, что данный подход, к которому все больше отягощена современная российская общественность, едва ли будет признан и поддержан жителями полиэтнических субъектов Федерации. Поскольку ни одна этнонациональная общность в России не захочет отказаться от своей истории и культуры. А конструктивизм как раз подразумевает это.

Этим обстоятельством легко объяснить, что во многих полиэтнических государствах, в том числе и в России, нет однозначного понимания категорий «этнос» и «нация». Признать за отдельной общностью примордиалистское понимание, значит «заложить» бомбу замедленного действия, которая вскоре будет угрожать целостности государства. Например, по мнению ученого С.В. Степанова, этнос служит для воспроизводства своих членов в процессе деторождения, социализации и воспитания. Он заинтересован в увеличении своей численно-

сти с помощью увеличения рождаемости и сокращения смертей. Этнос стремится превратиться в социальный институт — национальное государство, в рамках человечества имеющий свою территориально-этническую организацию. В результате войн и природных катастроф этнос может быть разделен на разные части государственными границами, как это произошло сейчас с русскими [4, с. 166].

Или как отмечает исследователь В. Панченко, «в Российской Федерации в последнее время распространилась идея возможности существования нации вне собственной государственности, с признанием за любой национальностью стремления к ее обретению. Культивирование этой идеи может привести к развалу государства и, как следствие, — к исчезновению нации» [5, с. 33].

Конструктивизм предлагает и вовсе отказаться от исторической и культурной составляющей этнических общностей, игнорируя весь ход исторического становления российской государственности. Даже принятая в 2012 году Стратегия национальной политики Российской Федерации не способна в полной мере разрешить все сложившиеся противоречия. В связи с чем, персонализация понятий «этнос» и «нация» приобретает особое значение в укреплении национальной безопасности современной России.

Для нас очевидно, что в основе формирования этносов и наций лежат объективные и субъективные посылы. Более того, при всех противоречиях в данной области между примордиализмом и конструктивизмом немало общего. И понимание диалектической связи между примордиализмом и конструктивизмом позволяет более многосторонне взглянуть на саму природу этнического и национального. Но что же объединяет эти два подхода?

В целом теории этносов и наций противопоставляются модернистскому пониманию общества. Этносы и нации выглядят как возможности сохраниться и сосуществовать в условиях модерна и постоянного обновления укладов жизни. В случае с примордиализмом этнос позволяет консолидировать историко-родовые и историко-культурные основания общности, не позволяя им растворяться в глобализационных ценностях. Если коснуться конструктивизма, то модерну противопоставляется субъ-

ективное веление индивидуумов чувствовать свою причастность к коллективному «разуму», даже посредством надуманных групповых характеристик и наделением их общности этническим или национальным ярлыками.

Еще в XIX в. многие теоретики полагали, что этничность и национализмы утратят свое значение или даже исчезнут под влиянием модернизации, индустриализации и индивидуализации. На деле же, как показывает теория и практика обеспечения национальной безопасности России и других государств, сегодня наблюдается резкий рост этнической проблематики, особенно после распада системы социализма, повлекшего за собой и распад многих полиэтничных государств [2, с. 112].

В современных условиях превалирования конструктивистского понимания этноса и наций, сменившего советский примордиализм, угрозы обеспечения национальной безопасности так и не были в полной мере ликвидированы. Примером того служит «парад суверенитетов» в постсоветской России, усиливший в стране развитие центробежных тенденций и чуть ли не грозивший государственной дезинтеграцией.

Действительно, 90-е годы XX столетия были связаны с ростом этнического сознания и самосознания жителей полиэтнических субъектов Российской Федерации. Воспользовавшись Ельцинской свободой и необъятным стремлением к суверенитету, регионы стали строить собственные государственные образования внутри страны, угрожая целостности России. И кто знает, что стало бы с Российской Федерацией, если бы центробежные тенденции (если так можно выразиться) не были уравновешены Путинскими централистскими реформами. Для нас очевидно, что особый вклад в укреплении национальной безопасности России сыграла именно политика В.В. Путина по построению «вертикали власти»: укрупнение субъектов Федерации, создание федеральных округов и полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах, изменение порядка формирования Совета Федерации Федерального Собрания России. Тогда все эти меры были вполне оправданы и принесли позитивной результат в укреплении национальной безопасности страны.

На наш взгляд, сегодня не стоит противопоставлять друг другу конструктивистские и примордиалистские подходы к пониманию этносов и наций. Это тупиковый вариант. Как и не стоит заикливаться на понимании нации — как высшей стадии развития этносов. Пришло время развести данные понятия. Этнос — это, прежде всего, социокультурная и историко-культурная категория, которая не может эволюционировать в нацию — государственную категорию. Это тоже самое, что сравнивать между собой понятия «желтый» и «холодный».

Главное сегодня, считает профессор А. Прохожев, что в основе формирования нации лежит не этнический принцип. Истории практически не известно ни одной моноэтнической нации. Если ранее наиболее распространенным было определение нации как исторически устойчивой общности людей, возникшей на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры, то сейчас все большее признание приобретает определение нации как единства гражданского общества и государства. Гражданское общество как составная часть нации собственно и подчеркивает полиэтничность всякой нации. Стержнем нации является государство: без государства нации нет и быть не может. И понятие нация по своему содержанию в современном понимании близко к понятию страны [6, с. 201].

Вместе с тем, при построении системы обеспечения национальной безопасности необходимо исходить из следующих принципов, вытекающих из сущности и содержания категорий «этнос» и «нация»:

- уважение к истории, традициям, культуре, языку и национальному достоинству всех народов, населяющих территорию государства;
- ответственность за сохранение исторически сложившегося государственного единства народов одного государства, целостности составляющих его национально-территориальных единиц;
- достижение и укрепление межнационального, межрелигиозного и межкультурного согласия, доверия и взаимопонимания;
- приоритет прав и свобод человека и гражданина независимо от этнонациональной и религиозной принадлежности и терри-

тории проживания, а также право народов на самоопределение на основе конституции государства;

– право личности на свободное этническое и религиозное самоопределение, реализуемое как право на выбор собственной культурной идентичности и право на удовлетворение интересов и запросов, связанных с этнической и религиозной принадлежностью;

– суверенитет и территориальная целостность государства, недопустимость вмешательства в его внутренние дела со стороны иностранных государств;

– равенство народов вне зависимости от их численности, формы национально-государственного устройства и типа расселения [2, с. 102].

Однако даже подобное разграничение «этноса» и «наций» не позволяет решить всех проблем в государстве. Остается неясным восприятие таких понятий как «народ», «народность», «национальность» и т.д. Можно привести самый незамысловатый пример. Спросить у русского, татарина, башкира или чеченца — как бы Вы назвали Вашу общность, то поверьте будут самые разные интерпретации и объяс-

нения. Кто то скажет, что русские (татары, башкиры, чеченцы и т.д.) — это этническая общность, кто-то — народ, а кто-то посчитает свою общность и целой нацией.

Литература

[1] Доклад Российской Федерации о выполнении положений Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств в рамках третьего цикла мониторинга, 2010 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/minorities/3_FCNMdocs/PDF_3rd_SR_RussianFed_ru.pdf

[2] Зеленков М.Ю. Теоретико-методологические проблемы теории национальной безопасности Российской Федерации. — М.: Юридический ин-т МИИТа, 2013. — 196 с.

[3] Вахитов Р. Народы и нации (традиционалистский подход) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.gumilev-center.ru/narody-i-nacii-tradicionalistskijj-podkhod>

[4] Степанов С.В. Социальная конфликтология. — М.: ЮНИТИ, 2001. — 355 с.

[5] Панченко В. К вопросу о нации и национальной безопасности // Политика. — 2007. — № 86. — С. 33–35.

[6] Общая теория национальной безопасности: учеб. / под общ. ред. А.А. Прохожева. — М.: РАГС, 2005. — 385 с.

УДК 340.12:1

СУЛЕЙМАНОВ Тимур Фуатович,

заведующий кафедрой социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московская государственная академия водного транспорта», кандидат философских наук, доцент
e-mail: suleymanov1957@mail.ru

КАШАПОВ Урал Абубакирович,

кандидат исторических наук, старший преподаватель секции «Физическая культура и безопасность жизнедеятельности» «Уфимская государственная академия искусств им. Загира Исмагилова»
e-mail: Ural.Kashapov@mail.ru

КОГЕРЕНТНОСТЬ ПРАВА И НРАВСТВЕННОСТИ В ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ В.С. СОЛОВЬЕВА И Е.Н. ТРУБЕЦКОГО

В статье рассматривается взаимосвязь права и нравственности в философско-правовых системах В.С. Соловьева и Е.Н. Трубецкого.

Ключевые слова: право, нравственность, сознание, понятия, отношения, личная свобода, общее благо.

Взаимное отношение между нравственной областью и правовой есть один из коренных вопросов практической философии. Это есть в сущности вопрос о связи между идеальным нравственным сознанием и действительной жизнью; от положительного понимания этой связи зависит жизненность и плодотворность самого нравственного сознания.

В. Соловьев

Содержанием права является исключительно внешняя свобода лица. Содержанием нравственности является добро, или благо, причем требования добра могут касаться как сферы внутренних, так и внешних проявлений нашей свободы, как действий лица, так и его настроения. В область права входят все вообще требования, которые ее представляют и ограничивают, независимо от того, нравственны или безнравственны эти нормы, служат или не служат они целям добра. В область нравственности входят вообще все правила или нормы, предписывающие осуществлять добро, независимо от того, имеют или не имеют эти предписания правовое значение, касаются ли они внешней сферы действий или только внутренней сферы настроения лица.

Е. Трубецкой

Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) — русский религиозный, христианский философ, основоположник учения о всеединстве и цельном знании, публицист. Сын знаменитого историка С.М. Соловьева. Закончил Московский университет. Выдержал кандидатский экзамен в 1873 г., затем, в течении одно-

го учебного года, являлся вольнослушателем Московской духовной академии. В 1874 году в Петербургском университете защитил магистерскую диссертацию «Кризис западной философии». Был избран штатным доцентом философии в Московском университете, одновременно читал курс на Высших женских кур-

сах проф. В.И. Гернье. Совершил путешествие в Англию, Францию, Египет. В 1877 году оставил Московский университет, после чего был назначен членом ученого комитета Министерства народного просвещения. В 1880 году получил степень доктора философии за диссертацию «Критика отвлеченных начал». Читал лекции в Петербургском университете и на Высших женских курсах. В марте 1881 г. произнес в виде заключения к публичным лекциям о литературном движении XIX в. речь против смертной казни. Это выступление имело широкий общественный резонанс. В 1881 году оставил государственную службу, но продолжал читать лекции до 1882 года. Был редактором философского отдела Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. Философские воззрения В.С. Соловьева оказали большое влияние на правовую мысль России начала XX в. и прежде всего его учение о нравственности, нравственной трактовке права.

Свои философско-правовые взгляды он изложил в работе «Оправдание добра. Нравственная философия». Соотношению и взаимосвязи права и нравственности В.С. Соловьев посвятил отдельные главы вышеназванной работы, в частности «Уголовный вопрос с нравственной точки зрения» и «Нравственность и право».

В.С. Соловьев, рассматривая право и нравственность как две сферы деятельности и отношений, писал, что между ними существует противоположность, но это «противуположение только относительно, что и в той и в другой сфере нет чистой абсолютности и чистой относительности, а есть только особая связь того и другого, не тождественная в обеих по форме и степени, но одинаковая по существу и высшей цели, и что это отношение каждой к абсолютному образует положительную связь или солидарность обеих» [1, с. 323]. (Определяя цели как права, так и нравственности следует отметить, что они прежде всего состоят в совершенствовании человека и общества в целом). И далее он поясняет, что «действительное противоречие и несовместимость существуют не между правом и нравственностью, а между различными состояниями как правового, так и нравственного сознания» [1, с. 325].

В.С. Соловьев придает огромное значение отношению права и нравственности, в силу их значимости в системе общественных отношений, влияния как на отдельно взятого человека, так и общество в целом. Он пишет: «Взаимное отношение между нравственною областью и правовую есть один из коренных вопросов практической философии. Это есть в сущности вопрос о связи между идеальным нравственным сознанием и действительною жизнью; от положительного понимания этой связи зависит жизненность и плодотворность самого нравственного сознания» [1, с. 326].

Рассматривая отношения права и нравственности, В.С. Соловьев определяет общее между правом и нравственностью тем, что «нет такого нравственного отношения, которое не могло бы быть правильно и общепонятно выражено в терминах правовых» [1, с. 327]. И здесь же поясняет: «Ибо что такое право, как не выражение правды, а, с другой стороны, к той же правде, или справедливости, т. е. к тому, что должно или правильно в смысле этическом, сводятся и все добродетели. Тут дело идет не о случайной одинаковости терминов, а о существенной однородности и внутренней связи самих понятий» [1, с. 327].

Подчеркивая общее между правом и нравственностью и, в первую очередь, используемую общую терминологию, нельзя смешивать этические и правовые понятия. Как известно, право использует особую терминологию и категории и оценивает те или иные факты и события через призму законного или незаконного, правомерного или неправомерного. Нравственное сознание оперирует понятиями справедливого или несправедливого, оценивает все с точки зрения добра и зла. В.С. Соловьев, определяя природу и суть как правовых так и нравственных отношений, достаточно подробно рассматривает и особенное, характерное для каждого рода отношений. И на его взгляд, между правом и нравственностью есть существенная разница, которую он сводит к трем главным пунктам.

Во-первых, это обусловлено тем, что «чисто нравственное требование, как, например, любовь к врагам, есть по существу неограниченное или всеобъемлющее; оно предполагает нравственное совершенство или по крайней

мере неограниченное стремление к совершенству» [1, с. 327]. Право же выраженное в том или ином законе не исходит из этого. «Закон собственно-правовой, как ясно во всех случаях его применения, по существу ограничен; вместо совершенства он требует низшей, минимальной степени нравственного состояния, лишь фактической задержки известных проявлений безнравственной воли» [1, с. 328]. И далее в части, определяющей право в отношении нравственности, он пишет, что «право есть низший предел или определенный минимум нравственности» [1, с. 328].

Во-вторых, особенное и отличительное между правом и нравственностью состоит в том, что первое относится к человеку как нечто внешнее и является лишь частью его бытия, в то время как второе пронизывает все его бытие. Право, по его мнению, это, прежде всего, мир материальный, в то время как нравственность — мир духовный. «И нравственный, и юридический закон относятся собственно к внутреннему существу человека, к его воле, но первый берет эту волю в ее общности и всецелости, а второй — лишь в ее частной реализации по отношению к известным внешним фактам, составляющим собственный интерес права, каковы неприкосновенность жизни и имущества всякого человека и т. д.» [1, с. 328–329].

В-третьих, различие между правом и нравственностью состоит в отношении исполнения требований норм права и нравственности. Право, как известно, находя свое выражение в тех или иных нормативно-правовых актах (законы, указы, распоряжения, постановления и т. д.), исходит и устанавливается государством, и для обязательного его исполнения используется принуждение и насилие. Нравственность, и, в первую очередь, ее нормы и принципы каждый человек определяет для себя самостоятельно и их исполнение — это взятые на себя добровольно ограничения в отношении своего эго. В этой части, касающейся требований права и нравственности, В.С. Соловьев указывает на следующее: «Требование нравственного совершенства как внутреннего состояния предполагает свободное или добровольное исполнение, — всякое принуждение не только физическое, но и психологическое здесь по существу

дела и нежелательно, и невозможно; напротив, внешнее осуществление известного закономерного порядка допускает прямое или косвенное принуждение, и поскольку здесь прямою и ближайшею целью признается именно реализация, внешнее осуществление известного блага, — например, общественной безопасности, — постольку принудительный характер закона становится необходимостью; ибо никакой искренний человек не станет серьезно уверять, что одним словесным убеждением можно сразу прекратить все убийства, мошенничества и т. д.» [1, с. 329].

Исходя из трех вышерассмотренных особенностей права и нравственности (их соотношения) он приходит к следующему определению права «в его отношении к нравственности: право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла» [1, с. 329], «право есть исторически подвижное определение необходимого принудительного равновесия двух нравственных интересов — личной свободы и общего блага» [1, с. 331].

Подводя итог рассмотрения философско-правовых взглядов В.С. Соловьева, необходимо отметить, что право и нравственность — это неотъемлемые слагаемые общественной жизни, которая, по его мнению, может быть представлена тремя слагаемыми — сфера общественного союза, сфера знания и сфера творчества. Каждая из них соответствует трем способностям человеческого знания — воле, мышлению и чувству. К сфере общественного союза (В.С. Соловьев ее еще называет сферой практической деятельности) относятся экономическое общество, политическое общество и духовное. В сфере практической деятельности и происходит взаимодействие права и нравственности, каждое из которых создает полноту бытия и общего блага.

Развитие идей В.С. Соловьева в части, касающейся взаимосвязи и взаимодействия права и нравственности, продолжил Е.Н. Трубецкой, которого связывало с ним тесное научное сотрудничество и довольно длительная личная дружба.

Трубецкой Евгений Николаевич (1863–1920) — философ, правовед, религиозный

и общественный деятель. Современный исследователь его жизни и творчества таким образом представляет портрет этого видного деятеля: «Князь по рождению, юрист по образованию, объективный идеалист по мировоззрению и религиозный философ по духу, он вместе с братом, С.Н. Трубецким, достойно продолжил оригинальное философско-религиозное учение В.С. Соловьева и оказал заметное влияние на Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского и других русских философов XX в., находившихся в оппозиции к марксизму» [2, с. 372–373]. Трубецкой окончил юридический факультет Московского университета (1885). Получил степень магистра философии за исследование «Религиозно-общественный идеал западного христианства в V в. Мирозерцание Блаженного Августина». (М., 1892) и степень доктора философии за исследование «Религиозно-общественный идеал западного христианства в XI в. Мирозерцание папы Георгия XII и публицистов — его современников» (Киев, 1897). Преподавал в должности приват-доцента в Демидовском юридическом лицее в Ярославле (1886–1897), в должности профессора в Киевском (1897–1905) и Московском (1905–1917) университетах, заняв в последнем кафедру философии после смерти своего брата. Занимался также общественно-политической деятельностью: был одним из видных членов кадетской партии с момента ее основания в октябре 1905 г., членом Государственного совета (1916–1917) и участником церковного собора 1917–1918 гг. После революции занял активные антибольшевистские позиции, в период гражданской войны находился при Добровольческой армии.

Плодовитый писатель и одаренный стилист, Е.Н. Трубецкой написал более 20 книг и брошюр и большое число статей на темы религии, философии, юриспруденции, политики.

Системное изложение правовых взглядов Е.Н. Трубецкого дано в двух учебных пособиях: «Энциклопедия права» и «История правовых учений» (1907). Они являются единственными работами, в которых наиболее полно и последовательно отражены правовые воззрения Е.Н. Трубецкого, его оригинальная трактовка кардинальных вопросов философии права, сущности и назначения права в обществе [2,

с. 372–388; 3, с. 232–241; 4, с. 513–518; 5, с. 105–113].

Е.Н. Трубецкой начинает излагать свои правовые взгляды с обоснования методологических принципов, которые, по его мнению, позволяют ему обстоятельно аргументировать свою позицию. Прежде всего, он предлагает общее понятие права, что было обусловлено придерживаемым им принципом — идти от ясных и разделяемых всеми положений к дискутируемым, но необходимым для поиска истины. Трубецкой определяет право как внешнюю свободу, предоставленную и ограниченную нормой права. В самом общем и полном смысле это определение излагается следующим образом: «Право есть совокупность норм, с одной стороны, предоставляющих, а с другой стороны, ограничивающих внешнюю свободу лиц в их взаимных отношениях» [6, с. 257].

Е.Н. Трубецкой также полагал необходимым относить к признакам, свойствам, характеризующим сущность права, те из них, без которых право утрачивает свою специфику, превращается в нечто иное, не правовое. Одни определения права считают существенными признаками его то, что оно является созданием государства или пользуется его признанием (но мы видели, указывает Трубецкой, что право может существовать и помимо государства, что оно предшествует государству и обуславливает его собою); другие признают авторитет (но и он несущественен, ибо право обуславливает всякий авторитет). Другие определения считают существенными признаками понятия права принуждение, силу, интерес, осуществление мира, нравственное содержание правовых норм и т. д. Но и эти признаки не являются определяющими, считает Е.Н. Трубецкой.

Существенными признаками каждого данного понятия могут признаваться только те, с уничтожением которых уничтожается само понятие, считает религиозный философ. Поэтому Е.Н. Трубецкой настаивает на своем определении права, существенным признаком которого является внешняя свобода — «отсутствие внешней свободы есть синоним бесправия; лицо, лишенное внешней свободы есть лицо вполне бесправное; стало быть, внешняя свобода является необходимым, существенным признаком права» [7, с. 389].

В своих действиях человек полностью свободен: он может сознательно выбирать тот или иной вариант поведения (внутренняя свобода) и действовать во вне, преследовать и осуществлять какие-либо цели (внешняя свобода). Однако внешняя свобода не может быть безграничной. В противном случае в обществе возникает угроза анархии и беспорядка. Е.Н. Трубецкой пишет: «В самом деле, уважение к внешней свободе ближнего требуется не только правом, но и нравственностью: есть множество нравственных норм, которые ограничивают произвол одних лиц во имя внешней свободы других; так нравственные нормы воспрепятствуют красть, убивать, наносить ближним побои, следовательно, они, подобно нормам правовым, ограждают внешнюю свободу лица против насилий и всяких вообще проявлений чужого произвола. Отсюда, по-видимому, можно заключить, что данное нами определение права не включает в себе тех признаков, на которых можно было бы отличить нормы правовые от норм нравственных [7, с. 390].»

Для того, чтобы во взаимоотношениях людей не происходили эксцессы, общество и создает правила поведения, которые, с одной стороны, ограждают свободу человека, а с другой — предоставляют ему права. Поэтому право в понимании Е.Н. Трубецкого представляет собой совокупность норм, с одной стороны, предоставляющих, а с другой стороны, ограничивающих внешнюю свободу лиц в их взаимных отношениях. Праву имманентно присущи два элемента: личный и общественный, следовательно, право есть: 1) объективный порядок, регулирующий отношения людей в обществе; 2) субъективный порядок, заключающий в себе индивидуальные права, признаваемые и предоставляемые юридическими нормами, при отсутствии которых также не может быть права — «норма, кладущая предел произволу, или ограничивающая внешнюю свободу одних лиц во имя внешней свободы других лиц, также является существенным признаком права» [7, с. 390].

Названные и некоторые другие позитивные положения, сформулированные Е.Н. Трубецким, позволили дать обстоятельную критику основным определениям права, разработанным виднейшими представителями зарубеж-

ной и российской правовой мысли XVIII — начала XX вв.: Иерингом, Савиньи, Гроцием, Руссо, Шопенгауэром, Л.И. Петражицким, Н.М. Коркуновым. Гуго Гроций и последователи его идей, в частности, не считались ни с окружавшей их исторической действительностью, ни вообще с историей: законы права коренятся в самой природе разума, а потому имеют такое же вечное, неизменяемое значение, как и сам разум, а действительность имела право на существование лишь постольку, поскольку она вытекала из требований разума. «Между тем, как теоретики, вроде Руссо, рассматривали все современное им и предшествовавшее законодательство как проявление человеческого неразумия, эгоизма и произвола, — продолжает Е.Н. Трубецкой, — ... Савиньи восстанет против всяких попыток вывести *a priori* из человеческого разума такой кодекс права, который был бы годен для всех времен и для всех народов» [7, с. 413]. На критике Е.Н. Трубецким взглядов Шопенгауэра и Соловьева мы остановимся несколько позже. Сейчас же отметим следующее.

Рассмотренные Е.Н. Трубецким трактовки понимания права можно разбить на три больших направления: 1) определения, в которых право сводится к государству, «общему убеждению» или «общей воле»; 2) определение права, рассматривающее его как часть нравственности; 3) определение, данное представителями исторической и естественной школами права. Отсутствует лишь оценка гегелевской концепции права и близкое по духу марксистское понимание права, что можно считать существенным пробелом обзора «Истории правовых учений».

Обоснованно и справедливо Е.Н. Трубецкой критиковал определения права, в которых существенные и необходимые признаки данного явления связывались с государством, государственным принуждением либо пониманием права как «общего убеждения» или «общей воли». «Никакое «государство» и никакая власть, — утверждал Е.Н. Трубецкой как представитель естественного-правового направления, — не есть первоначальный источник права, ибо всякое государство точно так же, как и всякая власть, обусловлены правом». Симптоматично, что все подобные определения

долгое время признавались господствующими в советской юридической литературе и не утратили своего значения по настоящее время, оставаясь под надежной защитой представителей так называемого «узкого» понимания права. Именно для них право — это совокупность правил поведения, выражающих волю народа, той или иной его части, установленных государством и охраняемых им от нарушения. В частности, это отмечает А.В. Корнев, указывая на позицию С.С. Алексеева, который был многие годы явным сторонником нормативно-позитивного истолкования права и внезапно решил принять сторону ранее критиковавшихся им адептов естественно-правовой либеральной школы (В.А. Туманова, В.С. Нерсесянца, Л.С. Мамута, В.Д. Зорькина), когда это стало выгодным с политико-идеологической точки зрения [8, с. 97].

Определения права через «общие убеждения», «общую волю», «принуждения» или «силу», по мнению Е.Н. Трубецкого, лишь по форме отличаются от определений права через государство, его правотворческую деятельность. Ибо все такие признаки при их обстоятельном анализе неизбежно приводят к начальному базовому понятию, где право равно праву. Соответственно было бы наивным пытаться искать среди этих определений признаки подлинного права.

Аналогичный вывод сделал Е.Н. Трубецкой, критически рассмотрев попытки А. Шопенгауэра и В.С. Соловьева определить право в качестве низшей ступени, части нравственности.

Согласно взглядам А. Шопенгауэра, право представляет собой низший предел нравственности и выражается в обязанности каждого не вредить другому («Никому не вреди, но всем насколько можешь помогай»). В формуле содержится две части: первая, несущая негативно-категорический оттенок, относится к области права; вторая, несущая положительный элемент, составляет высшее требование нравственности, выходит за пределы права и составляет внутренний закон, который должен господствовать в человеческом сердце. Разделяя подобный взгляд, В.С. Соловьев понимал право как низший обязательный для всех минимум нравственности — требование не

причинять никому вреда, не нарушать внешнего порядка общежития [9, с. 31–32].

Е.Н. Трубецкой прямо пишет об этом: «Во множестве исследований и учебников, трактующих о существовании права, одно из существенных отличий права и нравственности выражается в следующей формуле: нравственность есть закон внутренний, право — закон внешний; нравственность регулирует не только внешнее поведение, но и внутреннее настроение; напротив, право регулирует исключительно внешнее поведение, только внешнюю сферу человеческих действий — для него безразлично, из какого настроения происходят эти действия» [7, с. 392].

Е.Н. Трубецкой приводит следующие возражения против таких утверждений. Различие между правом и нравственностью, отмечает он, выражено здесь не совсем точно: поскольку внешнее поведение обуславливается внутренним настроением, последнее далеко не безразлично для права. В частности, в уголовном праве, продолжает Трубецкой, прямо принимаются во внимание внутренние побуждения, мотивы, вызвавшие то или иное преступное деяние. Для права далеко не безразлично, совершено ли преступление с заранее обдуманной целью или под влиянием внезапного раздражения, действовал ли преступник в полном сознании или же он вследствие психического расстройства или умственной незрелости не сознавал значения своих поступков; уголовное право принимает во внимание не только внешнее поведение преступника, но и степень злой воли, обусловившей это поведение [7, с. 392].

Из этого Е.Н. Трубецкой делает вывод, что внутреннее настроение, мотивы, вызывающие, те или иные действия, не составляют содержания права. Содержание права сводится к определенной сфере внешней свободы, которая может быть ограничена или пресечена определенными действиями.

В самом деле, человек, только замысливший преступление, но ничего не сделавший для осуществления своего замысла, осуждается нравственностью, но он вовсе не является нарушителем права. Злой умысел, не выражавшийся в конкретных злых действиях, не карается уголовным кодексом.

Из всего вышеуказанного Е.Н. Трубецкой выводит свое видение различия права и нравственности: «Содержанием права является исключительно внешняя свобода лица. Содержанием нравственности является добро, или благо, причем требования добра могут касаться как сферы внутренних, так и внешних проявлений нашей свободы, как действий лица, так и его настроения. В область права входят все вообще требования, которые ее представляют и ограничивают, независимо от того, нравственны или безнравственны эти нормы, служат или не служат они целям добра. В область нравственности входят вообще все правила или нормы, предписывающие осуществлять добро, независимо от того, имеют или не имеют эти предписания правовое значение, касаются ли они внешней сферы действий или только внутренней сферы настроения лица» [7, с. 393–394].

Е.Н. Трубецкой в своей критике понимания права А. Шопенгауэром и В.С. Соловьевым как минимума нравственности приводит следующие аргументы:

– существуют правовые нормы, которые не только не представляют минимума нравственности, но вообще являются безнравственными, например, феодальное право первой ночи, крепостное право, законодательство, устанавливающее смертную казнь, пытки и т. д.

– существует множество таких нравственных требований, которые не имеют правового значения, например, некоторые христианские заповеди, «принцип воздающей справедливости» («око за око», «зуб за зуб») и т. д.

В итоге Е.Н. Трубецкой пришел к выводу, что право не может определяться как минимум, часть нравственности: «Нравственность и право в их взаимных отношениях могут быть сравнены с двумя пересекающимися окружностями: у них есть, с одной стороны, общая сфера — сфера пересечения, в которой их предписания совпадают, и вместе с тем — две отдельные области, в коих их требования частью не сходятся между собою, частью даже прямо противоречат друг другу» [7, с. 393–394].

«Е.Н. Трубецкой, бесспорно, прав в своей критике подхода к праву как части нравственности. Однако его критика является неполной и неглубокой. Дело вовсе не в том, что реаль-

ное право может быть и безнравственным. В конце концов оно может быть таким по своему внешнему проявлению и совсем иным по своей сути, которое в силу тех или иных причин не может проявлять себя в полной мере в реальной жизни. Главный же вопрос видится в том, почему право является таковым» [2, с. 383].

Недостаточно конструктивной, хотя и во многом справедливой оказалась оценка Е.Н. Трубецким естественной и исторической школы права. Рассмотрев взгляды представителей этих школ на сущность права, Е.Н. Трубецкой дает свое понимание этого явления. Он задается вопросом — «существует ли естественное право или нет другого права, кроме права положительного, и, если естественное право существует, то каково его отношение к эволюции права?» Е.Н. Трубецкой критически относится к такому пониманию права, которое опирается на утверждение, что право обуславливается тем или другим внешним авторитетом. «Мы видели, — утверждает он, — что право вообще не может быть сведено к внешнему авторитету, потому что, в свою очередь, всякий авторитет покоится на праве, следовательно, представляется не более как видом права» [7, с. 413].

В русле воззрений Л.И. Петражицкого на право Е.Н. Трубецкой утверждает, что право, прежде всего, — явление психическое. Первоначальным источником права всегда и везде является наше сознание, поэтому сила и действительность всякого позитивного права обуславливаются теми неписанными правовыми нормами, которые обитают в глубине нашего сознания, его внутренними явлениями. Всякий внешний авторитет может иметь силу лишь до тех пор, пока люди убеждены в необходимости ему подчиняться. Веление государственной власти, равно как и веления обычая могут иметь значение и силу права только до тех пор, пока в обществе есть убеждение в необходимости подчиняться власти, пока обычай служит выражением убеждения.

Право для Е.Н. Трубецкого ценно постольку, поскольку оно через законодателя ценит человеческую личность, ее достоинство: «Человеческая личность для нас и есть та безусловная ценность, которая сообщает обязательное

значение и силу всем внутренним правовым велениям нашего сознания. Все те права, которые мы признаем, в конце концов покоятся на первоначальном, безусловном праве человеческой личности, которое для нас само по себе ценно, само по себе обязательно» [7, с. 414]. Позитивное право для личности действует постольку, поскольку люди убеждены в необходимости ему подчиняться. Доказательством этому служат революции, которые с сокрушительной силой разрушают все прежде действовавшее право: «Во всех революциях сказывается один и тот же факт: положительное право теряет значение права, когда оно перестает быть предметом убеждения той или другой общественной среды» [7, с. 414].

Таким образом, полагает Е.Н. Трубецкой, последнее основание обязательности позитивного права есть такое право, которое составляет вместе с тем и внутренний закон нашего разума, или естественное право. Последнее Е.Н. Трубецкой отождествляет с нравственностью, а точнее с такой этической категорией, как правда. «Нетрудно убедиться в том, — утверждает он, — что предписания естественного права по содержанию своему суть вместе с тем и предписания нравственные. Естественное право — то же, что правда: оно обнимает в себе всю совокупность тех нравственных требований, в силу которых мы подчиняемся или не подчиняемся тому или другому внешнему правовому авторитету: оно заключает в себе всю совокупность тех нравственных норм, в коих всякий авторитет, всякая человеческая власть и всякое позитивное право вообще находят в себе оправдание или осуждение. Лежащая в основе всякого правопорядка обязанность личности подчинять свои цели целям общественным есть, несомненно, обязанность нравственная; и соответствующее этой обязанности право общества господствовать над личностью есть, без всякого сомнения, право нравственное по существу» [7, с. 415].

Считая, что естественное право не является совокупностью каких-то вечных и неизменных правил, которые следует неукоснительно проводить в системе действующего позитивного права, Е.Н. Трубецкой все же неизменным и вечным в естественном праве считает лишь закон добра. «Естественное право ... предпи-

сывает, чтобы каждое отдельное лицо пользовалось внешней свободой в тех пределах, в каких это требуется добром» [7, с. 417].

В качестве солидарности с Е.Н. Трубецким можно высказать следующее. Добро само по себе не однозначно. Если оно посягает на более высокое — свободу, то оно таит в себе зло.

Там, где добро становится самодовлеющим, оно перерастает в гипердобро, оно уничтожает свободу, уничтожает творчество. Как только добрый человек водружается на пьедестал, он сразу же из «добрых побуждений» уничтожает в себе свободного человека. Добро, увлекаясь с самим собой, пытается подчинить себе свободу. В этом случае оно превращается в форму идеологии, в декларированные, но не действующие принципы, оно становится насилием над человеком, переходит в его самонасилие. Н.А. Бердяев писал: «Рабство добра есть зло, и свобода зла может быть большим добром, чем добро принудительное» [3, с. 67].

Наличие отдельных гениальных предвосхищений сущности права позволяет отнести Е.Н. Трубецкого к оригинальным мыслителям середины XIX — начала XX вв. Поэтому есть смысл полностью воспроизвести те положения современного исследователя жизни и творчества Е.Н. Трубецкого, в которых высоко оценивается оригинальная трактовка права философа и правоведа: «Во-первых, обращает внимание попытка определить право через свободу поведения личности. Именно такой поход в настоящее время признается наиболее перспективным при разрешении кризиса, в котором пребывает российское, да и зарубежное правоведение, так и не сумевшее до конца определиться с кардинальным вопросом о том, что же такое право, каковы его сущностные признаки. Понятно, что понимание права, предложенное Е.Н. Трубецким, не может быть воспринято современным правоведением, но, тем не менее, оно не может не учитываться в процессе дальнейшего поиска сущности и закономерностей развития права.

Во-вторых, подход к пониманию права, предложенный Е.Н. Трубецким, импонирует своей ориентированностью на права личности, на такой максимум ее внешней свободы, который обеспечивал бы активную деятель-

ность личности и в то же время не позволял бы ей причинять вред другим людям. Права личности, ее свобода для Е.Н. Трубецкого суть самого права, и как только оно закрепляет иные ценности, чем личность, то неизбежно терпит крушение.

В-третьих, понимание права, даваемое Е.Н. Трубецким, выделяется последовательным гуманизмом, своей направленностью творить благо для других. Дело не только в том, что у Е.Н. Трубецкого право имеет своим законом всеобщий закон добра. Главное же видится в том, что добро является единственным разумным началом, которое вносит в жизнь какой-то смысл, приобщает ее к вечному и неизменному.

В-четвертых, следует отметить последовательное и аргументированное обоснование Е.Н. Трубецким исторического подхода к праву, его зависимости от конкретных условий места и времени. Конечно, автор в силу ограниченности философских позиций не смог провести и раскрыть этот принцип в своей работе, но теоретическое обоснование историзма в праве заслуживает самого пристального взгляда» [2, с. 379–380].

В заключение данной работы необходимо сказать о том, что философско-правовые идеи и взгляды В.С. Соловьева и Е.Н. Трубецкого актуальны и в настоящее время в силу того, что рассматриваемые ими проблемы соотношения права и нравственности находят свое от-

ражение в законотворческой деятельности органов государственной власти, в правоохранительной и правоприменительной деятельности соответствующих институтов государства.

Литература:

- [1] Соловьев В.С. Оправдание добра: Нравственная философия / вступ. ст. А.Н. Голубева и Л.В. Коноваловой. — М.: Республика, 1996. — С. 323.
- [2] Сырых В.М. Евгений Николаевич Трубецкой // История русской правовой мысли. Биографии, документы, публикации. — М., 1998. — С. 372–373.
- [3] Филонова Л.Г. Князь Евгений Николаевич Трубецкой // В кн.: Русские философы (конец XIX — середина XX веков): Антология. Вып. 2. / сост. С.Б. Неволин, Л. Г. Филонова. — М., 1994. — С. 232–241.
- [4] Русская философия. Малый энциклопедический словарь. — М., 1995. — С. 513–518;
- [5] Зеньковский В.В. История русской философии. — Т. 2. — Ч.2. — Л., 1991. — С. 105–113.
- [6] Хрестоматия по истории политических и правовых учений России (XIX — начало XX вв.). — Уфа, 1993. — С. 257.
- [7] Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. — М., 2012. — С. 389.
- [8] Корнев А.В. К вопросу о правопонимании в дореволюционной России // Государство и право. — 1998. — № 5. — С. 97.
- [9] Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX — начала XX веков // Вопросы философии. — 1991. — № 8. — С. 31–32.

ЛИЧНОСТЬ. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 32:008(470)

РАХМАТУЛЛИНА Зугура Ягануровна,
доктор философских наук, профессор,
заместитель председателя комитета по культуре Государственной
Думы Федерального Собрания Российской Федерации
e-mail: faia7@yandex.ru

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ ДУХОВНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Формирование духовного человека с высоким уровнем культуры — сложный процесс, требующий совместных усилий и деятельности не только органов исполнительной власти, организаций и институтов (семьи, системы образования, искусства, религии, СМИ, молодежных движений и др.), но и законодателей. В статье говорится о деятельности отечественных парламентариев, иницилирующих и принимающих законы, стоящие на защите отечественной духовности.

Ключевые слова: Государственная Дума, законопроект, духовность, духовное возрождение, духовное и физическое здоровье, патриотизм, антикультура, обценная лексика.

Одной из первостепенных задач в сфере молодежной и образовательной политики в настоящее время является защита подрастающего поколения от наступающей антикультуры, от явлений, негативно влияющих на его нравственное и духовное самочувствие, чему в немаловажной степени должна способствовать и законодательная политика охраны и сбережения здоровой национальной духовности (единства добра, истины и красоты) в Российской Федерации. Как известно, современная Россия столкнулась с удивительными явлениями в ее новейшей истории: «иррационализацией» многих сфер личной и общественно-национальной жизни, наступлением на мир красоты эстетического безобразия и художественного примитивизма, выдаваемых за «новую эстетику», распространением различных модификаций паранауки, колдовства и мистики. Все громче заявляют о себе «новые религиозные движения» и многочисленные секты, охотящиеся, прежде всего, за «детскими душами» и угрожающие их духовному и физическому здоровью. Современное состояние отечественной духовности стало своеобразным «количественным выражением» эпохи постмодерна, где качественное стоит по

ту сторону добра и зла, красоты и безобразия, истины и заблуждений. Обесценивание таких глубинных жизненных ценностей и добродетелей, как патриотизм, гражданственность, уважение к семье, взрослому поколению, женскому началу и детству, родному языку как основе собственной национальной культуры и истории и др., которые на протяжении веков были незыблемым фундаментом духовного мира наших соотечественников, есть симптом духовного неблагополучия, обусловленного издержками цивилизационных новаций в нашем обществе. Гипертрофированное и порой неправильное осмысление определенной частью населения понятий «демократия», «терпимость», «свобода» обернулось на практике безграничной и безнаказанной возможностью делать то, что диктуют низменные страсти и сиюминутные потребности, деградацией института традиционной семьи и рождением порой невысказанных форм организации семейных союзов, культивированием и защитой нетрадиционных отношений между индивидами и активным их навязыванием общественному сознанию как нормы. Свобода слова зачастую подменяется свободой клеветы и оскорблений, а свобода самовыражения — свободой нецензурной

брани и ненормативных выражений даже в присутствии женщин и детей, в публичных местах и культурно-досуговых учреждениях. Растабуирование ненормативной лексики, как известно, стало естественным фоном процессов демократизации российского общества и в сознании определенной части населения превратилось в один из ложных символов этой демократизации. Социокультурная практика последних десятилетий наглядно демонстрирует легитимизацию ненормативной лексики в жизни российского общества: речи с высоких политических трибун, художественные выступления и интервью кумиров современной молодежи — представителей поп-культуры, СМИ, многочисленные молодежные передачи изобилуют такими «перлами» обценной (в переводе с англ. — «непристойной», «грязной», «бесстыдной») лексики, которые бы повергли в шок даже Эллочку-людоедку. Обценная лексика зачастую объявляется «социокультурной отечественной традицией», издаются многочисленные справочники и энциклопедии, популяризирующие в массовом сознании ненормативную лексику. В частности, издан крупнейший «Толковый словарь ненормативной лексики русского языка» (автор Д.И. Квеселевич) в твердом переплете, содержащий около 16 тыс. слов и 4 тыс. фразеологизмов, которые, как утверждает в аннотации издателя, «обогащают отечественную лексикографию». Сколько труда, времени, средств вложено в издание этого «опуса», но «результат» есть: в книжных магазинах именно и только рядом с полкой, где находится этот словарь, можно увидеть любопытную молодежь и удивленных взрослых, которые с недоумением смотрят на восторженных молодых людей, держащих в руках и показывающих друг другу «железное» доказательство легитимности и естественности их современной речи! Ненормативная лексика — это неуважение к языку и моральное зло по отношению к тем, к кому она направлена. Как известно, патриотизм — это не только любовь к земле, где ты родился и вырос, знание культуры своего народа, но и преданность и уважение к родному языку. Духовный человек всегда бережно и с благоговением относится к своему языку, которой открыл перед ним двери в мир знаний, в многомерное про-

странство межличностного общения. Употребление же жаргонных и бранных слов, этого убогого «словесного мусора» в речи есть не что иное, как отражение бедной мысли, низкого интеллекта и культуры, неуважения к родному языку и прежде всего к себе как к носителю этого языка.

Безусловно, экология духовности и языка, духовное возрождение, формирование духовного человека с высоким уровнем культуры: правовой, нравственной, языковой и др. — это многогранный и сложный процесс, включающий в себя целый комплекс организационных, социальных, экономических, просветительских, педагогических и др. мер на общегосударственном уровне, объединяющий совместные усилия и деятельность не только органов исполнительной власти, организаций и институтов (семьи, системы образования, искусства, религии, СМИ, молодежных движений и др.), заинтересованных в позитивных переменках в личной и общественно-национальной жизни, но и законодателей, иницирующих и принимающих законы, стоящие на защите отечественной духовности. Заметим, что законотворческая деятельность отечественных парламентариев шестого созыва в этом направлении в последнее время заметно активизировалась. За время работы Госдумы шестого созыва были рассмотрены многочисленные законопроекты, направленные на поддержку современной молодежи, на защиту детской духовности, и многие из них уже стали законами: это закон о защите детей от противоправной информации в Интернете, которая развращающее и разрушающе действует на ум, души, психику, здоровье подрастающего поколения. Ведь до чего дошло: сайты «охотники» за душами безнаказанно распространяли детскую порнографию, учили молодежь рецептам изготовления наркотиков, как легко и красиво уходить из жизни, чтобы потом вся страна говорила. Всему этому законодатели поставили конец. Были приняты законы по профилактике подростковой наркомании, по тестированию молодых людей на употребление наркотиков и психотропных веществ, об установлении административной ответственности за пропаганду нетрадиционной ориентации среди несовершеннолетних, «антитабач-

ный закон», который защищает, прежде всего, молодое поколение, которое в первую очередь страдает от вредной привычки взрослых. Следует отметить закон об административной ответственности за изготовление и распространение продукции СМИ, содержащей нецензурную брань. В частности, идею о введении административной ответственности и штрафов за популяризацию и использование в средствах массовой информации нецензурной лексики поддержали более 80% россиян, опрошенных фондом «Общественное мнение». Как известно, СМИ — это не только средства массовой информации, но и средства массового воспитания (прежде всего, подрастающего поколения) и механизм формирования духовности и антидуховности, культуры и бескультурия. Ненормативная лексика стала сегодня привычным фоном общения взрослых, ее активно перенимает молодежь. В последнее время в СМИ появляется множество публикаций о неправомерном и недопустимом использовании не только в СМИ, но и в печатной продукции, кинофильмах и телепрограммах нецензурной брани, а в Государственную Думу поступает огромное количество писем от организаций и граждан, выражающих обеспокоенность таким положением вещей. Комитет по культуре Государственной Думы в связи с этим внес законопроект (он уже прошел 1-е чтение), который устанавливает административную ответственность за употребление нецензурной брани в книжной продукции, на телевидении, в кинематографии, при проведении зрелищных и культурно-досуговых мероприятий на государственном русском языке. Законопроект направлен, прежде всего, на культивирование и защиту здоровой духовности и нравственности, на формирование культуры речи и обще-

ния в современном обществе. Следует заметить, что данная законодательная инициатива выросла из многочисленных обращений граждан, в том числе и из Республики Башкортостан, обеспокоенных падением уровня национальной духовности и языковой культуры, к депутатам Государственной Думы. Данный законопроект — это один из серьезных шагов к защите русского как государственного языка страны, который, безусловно, актуализирует проблему ограничения нецензурной брани и табуированной лексики также применительно к регионам России, когда литературно-книжная продукция и культурно-зрелищные мероприятия выпускаются и проводятся на языках народов Российской Федерации. Как известно, засорение ненормативной лексикой — проблема языков всех народов, живущих в едином социокультурном и информационном пространстве современной России, и в этом плане региональных законодателей ждет активная законотворческая деятельность.

Госдума не только иницирует и принимает законы, защищающие детство, учительство, семью, но, более того, становится активным идеологом многих социальных проектов, в центре внимания которых — дети, молодежь, их духовное и физическое здоровье, усиливая тем самым парламентское влияние на решение внутренних социальных проблем. Стратегические позиции государственной молодежной политики — это, прежде всего, внимание к подрастающему поколению, к его здоровому духовному формированию, гармоничному развитию, к ценностям полноценной семьи, и Государственная Дума Российской Федерации прилагает серьезные усилия в этом направлении.

УДК 32:008

ГАЛИЕВ Фарит Хатипович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории
государства и права Института права Федерального бюджетного
государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Башкирский государственный университет»
e-mail: galievfarkhat@mail.ru

СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

В статье говорится о том, что особенности специфики того или иного периода в развитии государства и общества отражаются во всем, включая правовую культуру. Сегодняшняя специфика государства и общества тоже не может не отражаться на общем состоянии правовой культуры, что, с одной стороны, является показателем уровня ее развития, а с другой — служит трамплином для ее дальнейшего совершенствования. В статье использованы данные социологического опроса.

Ключевые слова: современная молодежь, правовая культура, общественное мнение, общественное сознание, модель поведения, правомерная форма поведения, общественный и правовой порядок, правовое сознание, правовой нигилизм, правовой инфантилизм, правовые знания, правовое воспитание.

Когда речь заходит о современной молодежи, некоторые представители более взрослой части населения непременно начинают ворчать по поводу того, что нынче молодежь пошла не та. При этом, с одной стороны, нельзя сказать, что для этого ворчания нет оснований. С другой стороны, проблема отцов и детей существовала всегда. Хотим мы этого или нет, один из старых законов философии, который называется отрицанием отрицания, срабатывает всегда. Видимо, здесь есть какие-то другие, более современные, нюансы.

В этом году мы отмечаем 20-летие Конституции Российской Федерации. Современная молодежь является ровесником Основного закона нашего государства. Тогда, в начале 90-х годов, распад Советского Союза стал историческим событием, страна управлялась одними представлениями о том, как должно быть при обыкновенном, нормальном состоянии функционирования государства и его системы права. Исчезновение государства происходило в очень странных обстоятельствах: оставалась та же территория, те же материальные ценности, те же люди, и даже руководители государства были, в принципе, те же самые, в основном представители партии. В то же время как

будто что-то сорвалось с цепи: право исчезло, начались разгул преступности, рэкет, грабежи, заказные и случайные убийства и т. д.

Один из исследователей тех событий, В.М. Соколов, пишет, что ситуацию, которая сложилась после августа 1991 года, можно определять как посткоммунистическую, постсоветскую, переходную, переломную, а также как катастрофическую, во многом на основе учета трансформации ценностной иерархии жизненных целей и идеалов [1]. Он выделяет три периода в процессе этих изменений, характеристика которых имеет прямое отношение и к специфике правовой культуры того времени. Прежде всего, это 1992–1994 гг., характеризующиеся устойчивостью ведущих жизненных ценностей россиян, несмотря на огромные материальные трудности, резкое, одномоментное крушение прежних идеалов и стандартов жизни. Тогда описанная выше иерархия ценностных ориентаций советских людей оставалась практически неизменной.

В качестве второго периода В.М. Соколов выделяет 1995–1999 гг., когда ценности духовно-нравственного содержания, ранее преобладавшие в российском менталитете, начали вытесняться ценностями сугубо матери-

ального, прагматического характера. Начиная с 1996 года уже более половины населения страны ставили материальное благосостояние значительно выше ценностей своего духовного развития, свободы, служения Отечеству. Аналогичным образом, отмечает В.М. Соколов, поменялись местами ценность интересной, творческой работы и ценность величины ее оплаты, в количественном отношении смена этих ценностей охватила почти треть населения страны.

По мнению В.М. Соколова, примерно с 1999 года заметно проявляется тенденция восстановления в сознании россиян приоритета духовных ценностей. Вместе с тем, «деформация духовно-нравственных качеств россиян, хотя и разными темпами, шла на всем протяжении постсоветского развития российского общества и столь же „успешно“ идет сегодня» [1].

В.М. Соколов обращает внимание на то, что в современном российском обществе существенно изменяются и степень распространности, и качество нравственных характеристик норм, традиций, которые определяют климат общения людей между собой. Достаточно интенсивно идет процесс «размывания» в сознании людей таких простых норм морали, как доброта, милосердие, порядочность, честность, ответственность, вежливость и др. [1]

В целях наиболее полного исследования круга проблем, связанных с современным состоянием правовой культуры, нами был проведен опрос жителей нескольких субъектов Российской Федерации [2]. В соответствии с проведенным исследованием, 70,5% участников опроса знакомы с понятием «правовая культура». Это представляется отрадным явлением уже потому, что для большинства участников опроса понятие «правовая культура» оказывается не чуждым, и позволяет допустить мысль о том, что они понимают и воспринимают исследуемый нами круг вопросов, непосредственно связанный с правовой культурой. Однако то, что при этом у каждого пятого опрошенного ответ на этот вопрос вызвал затруднения, заставляет задумываться о необходимости проведения соответствующей работы в этом направлении. Ситуация осложняется еще и тем, что не знакомы с понятием «право-

вая культура», прежде всего, участники опроса различных профессий в возрасте до 25 лет, не имеющие высшего образования, т.е. представители молодого поколения. Отрицательно ответили на данный вопрос лишь 0,9% респондентов, имеющих высшее образование.

На наш взгляд, важность наличия представлений о правовой культуре среди широких слоев населения заключается не только в том, что каждый современный человек должен быть знаком с данным понятием. Прежде всего, это связано с тем, что проблемы становления и совершенствования гражданского общества и правового государства, кроме знакомства с понятием «правовая культура» и знания содержания данного понятия, требуют наличия соответствующего уровня правовой культуры. При этом предполагается наличие не только уважительного отношения к праву и закону, но и выбор правомерных форм поведения, желательно всеми гражданами, независимо от уровня образования, возраста, профессии и т.д.

Одной из основных задач исследования было выяснение специфики имеющихся в общественном мнении представлений о правовой культуре, поэтому варианты ответов включали в себя наиболее распространенные определения понятия «правовая культура» с представлением возможности участникам опроса выбора готового варианта ответа. Из предложенных вариантов 41,2% опрошенных выбрали тот, который предполагает, что правовая культура — это знание основных требований и принципов действующего законодательства и умение пользоваться ими в реальных жизненных ситуациях.

26,3% опрошенных граждан выбрали тот вариант ответа, который утверждает, что правовая культура — это совокупность правовых ценностей, накопленных человечеством за все время его существования, что говорит о соответствующей оценке и характеристике опрашиваемыми правовой культуры. 17,6% опрашиваемых воспринимает правовую культуру как специфическое состояние общественного сознания, когда большинство людей старается соблюдать требования нормы права. 10,0% опрошенных характеризуют правовую культуру как способность пользоваться законами с пользой для себя и без ущерба для других.

Довольно равномерное расположение ответов и отсутствие резко отличающихся цифровых показателей позволяет говорить о том, что преобладающее большинство участников опроса воспринимает право, правовые нормы, правомерное поведение, правовую культуру в целом как необходимое и полезное явление в своей жизни.

При всем этом, 19,3% опрошенных считает, что вопрос изучения правовой культуры является одним из самых злободневных вопросов. 30,0% опрошенных граждан при ответе на данный вопрос выбрали тот вариант, в котором злободневность вопроса об изучении правовой культуры мотивируется тем, что многое начинает регулироваться на основе норм права и закона.

16,3% опрошенных при ответе на вопрос о злободневности изучения правовой культуры выбрали тот вариант ответа, основной мотивацией для которого является то, что мы живем в условиях формирования правового государства. 20,8% опрошенных мотивировали это тем, что мы живем в условиях становления гражданского общества.

Особенность данной ситуации заключается в том, что в предшествующих вопросах внимание опрашиваемых не было концентрировано на наличии у них знаний или же представлений о гражданском обществе и правовом государстве. Тем не менее, результаты опроса доказывают владение опрашиваемыми этими понятиями. Думается, это говорит о том, что понятия «гражданское общество» и «правовое государство» постепенно входят в основной состав понятийного аппарата и правосознания наших современников и не вызывают особого удивления в общественном мнении.

Немаловажным моментом является и то, что 65,0% участников опроса оценивает свое поведение как соответствующее основным параметрам современной правовой культуры. 38,2% опрошенных считает свое поведение образцовым. Эта ситуация представляет определенный научный интерес, потому что поведение, соответствующее основным параметрам правовой культуры, и поведение образцовое отличаются.

Одновременно с этим, 59,1% опрошенных считает, что развитие правовой культуры на-

шего общества оставляет желать лучшего. Данная ситуация может быть оценена с двух позиций. С одной стороны, налицо критическое отношение участников опроса к вопросам, связанным с правовой культурой при всем позитивном восприятии своего собственного поведения. С другой стороны, данная ситуация говорит о наличии в общественном мнении довольно высоких требований в отношении правовой культуры. На наш взгляд, это доказательство того, что современное общественное мнение неравнодушно относится к вопросам правовой организации общественной жизни, правовому поведению и правовой культуре соотечественников.

В соответствии с этим, как заслуживающее внимания явление, может быть отмечено и то, что 18,1% опрошенных считает, что если бы это зависело от них, они бы добились повышения общего уровня правовой культуры наших сограждан и всего общества в целом. По нашему мнению, это говорит о позитивной и оптимистической настроенности участников опроса в отношении возможности развития и совершенствования правовой культуры, о наличии конструктивного взгляда на эти вопросы, несмотря на всю сложность и неоднозначность общественно-политической жизни страны.

48,7% опрошенных правовую культуру общества и правовую культуру личности воспринимает как разные, но взаимосвязанные понятия. При этом 37,8% опрошенных мотивирует это тем, что без правовой культуры общества не может быть правовой культуры личности. 72,9% опрошенных считает, что повышение общего уровня правовой культуры зависит от государства. Вне всякого сомнения, данную ситуацию можно оценивать как наличие в общественном мнении уважительного отношения к современному государству и правильного понимания роли и значения государства в общественной жизни.

Тем не менее, 10,7% опрошенных считает, что все зависит от самого человека. Как нам представляется, это доказывает то, что человеческий фактор все же срабатывает при всей суровости современной действительности. Однако 6,5% участников опроса отметили роль тех установок, которые выработаны обществом, и всего лишь 2,6% опрошенных гражд-

дан отметили роль семьи и школы в решении данной проблемы. На наш взгляд, данная ситуация говорит о необходимости обращения внимания и на эти вопросы.

Анализ ответов и на другие вопросы, косвенно связанные с данной проблемой, позволяет говорить о том, что многие участники опроса повышение общего уровня правовой культуры преимущественно связывают с деятельностью государства, хотя, по их мнению, многое зависит и от тех установок и ориентиров, которые формируются и функционируют в обществе.

В связи с этим, привлекает к себе внимание ситуация, которая сложилась при ответе на вопрос об отношении к человеку, который игнорирует требования действующего законодательства. 36,0% опрошенных выбрали ответ «Я не осуждаю такого человека, это его личное дело». Однако 41,3% опрошенных осуждают такое поведение. Как показывают цифровые данные, число опрошенных, равнодушных к поступкам других людей, намного больше количества тех, кто равнодушен ко всему этому. Безразличными к данной проблеме оказались 7,3% опрошенных.

В этом плане также привлекают внимание ответы на вопрос об отношении к человеку, который доводит до сведения правоохранительных органов информацию о готовящемся или уже совершенном преступном деянии. Несмотря на наличие в обществе открыто негативного отношения к доносам, 58,6% опрошенных относятся к человеку, который доводит до сведения правоохранительных органов информацию о готовящемся или уже совершенном преступном деянии, с уважением, считая, что у него высокая гражданская позиция. Тем не менее, 13,4% опрошенных осуждают такого человека, считая, что это является доносом. А то, что 19,3% опрошенных затруднились при ответе на данный вопрос, говорит о том, что данный вопрос оказался довольно сложным.

При всем том, что преобладающее количество принявших участие в опросе граждан не имеет юридического образования*, 57,0% респондентов наиболее реальным на сегодняшний день

принципом правовой организации жизнедеятельности общества считает «разрешено все, что не запрещено законом». Однако, 3,5% опрошенных граждан не ответили на этот вопрос.

При этом представляет интерес и та ситуация, что 20,6% опрошенных затруднились с ответом. Трудно допустить, что у преобладающего количества участников опроса при отсутствии юридического образования есть представление о типах правового регулирования общественных отношений. Тем не менее, то, что больше половины опрошенных граждан выбрали соответствующий общедозволительному типу правового регулирования общественных отношений правовой принцип «разрешено все, кроме того, что запрещено» говорит о наличии в обществе соответствующего интереса к этим вопросам и определенных представлений об этих правовых принципах. Это подтверждается тем, что 18,9% опрошенных не исключают возможность реальности принципа «запрещено все, кроме того, что разрешено».

Поэтому вполне объяснимо то, что 87,8% респондентов предпочли бы для себя регистрацию брака в ЗАГСе. Для своих детей официальное оформление брачных отношений в ЗАГСе предпочитает 87,3% опрошенных.

Такую форму брачных отношений, как никакие или венчание, для себя предпочли бы 21,0% опрошенных, при этом для своих детей предпочли бы то же самое только 14,4% участвовавших в опросе. Это говорит об утвердившемся в общественном сознании понимании необходимости правового закрепления семейно-брачных отношений. При этом на момент проведения опроса не имели ни одного ребенка 49,8% опрошенных.

В то же время не менее интересная ситуация складывается в отношении брачных контрактов. 76,8% опрошенных знакомы с понятием «брачный контракт» и только 9,3% опрошенных не знакомы. 27,3% опрошенных имеет намерение заключить брачный контракт, при всем том, что 33,8% опрошенных не желает этого. Видимо, это можно объяснить с тем, что для участников опроса такие моменты в брачно-семейных отношениях, как раздел имуще-

* Наличие юридического образования отметили всего 3% опрошенных.

ства при разводах или же вопросы наследования и т. д., не являются новостью, но само понятие «брачный контракт» пока не вписывается в систему традиционных представлений, связанных с браком и созданием семьи.

Определенное количество вопросов, специфика ответов на которые особо интересовала авторов данного исследования, были связаны с проблемой влияния на современную правовую культуру функционирующих в обществе социальных норм, а именно, морали, религии, традиций и т. д.

При ответе на вопрос, что больше всего влияет на выбор определенной модели поведения современным человеком, ответы сложились в следующем порядке*. 45,0% опрошенных пальму первенства отдали знанию правовых норм. В данном вопросе этот вариант ответа стал лидирующим.

Влияние знания традиций и обычаев на выбор определенной модели поведения отметили 38,6% опрошенных. Предпочтение жизненному опыту родителей (родственников) дали 38,3% опрошенных.

По мнению 19,5% опрошенных на выбор модели поведения современным человеком влияет знание религиозных норм. 17,4% опрошенных считает важным при выборе модели поведения желание быть похожим на кого-либо. 10,4% опрошенных считает важным жизненный опыт друзей (соседей, коллег). Образы героев кино привлекают внимание 6,0% опрошенных. Литературные герои являются примером для 3,0% опрошенных.

Отдельный вопрос был посвящен выбору правомерной формы поведения. 57,7% участников опроса считает, что на выбор правомерной формы поведения преимущественно влияет собственная убежденность в необходимости поступать в соответствии с требованиями действующего законодательства. Возможность быть наказанным может стать причиной выбора правомерной формы поведения с точки зрения 23,2% опрошенных. Допустимость выбора правомерной формы поведения с целью остаться незамеченным представителями правоохранительных органов отметили 6,7% опрошенных.

Не остались незамеченными и меркантильные моменты, связанные с выбором правомерной формы поведения. 6,4% опрошенных основной причиной выбора правомерной формы поведения считают возможность получить благодарность. 8,4% опрошенных считают основным поводом для выбора правомерной формы поведения возможность остаться на свободе.

Интересными оказались и ответы на вопрос о влиянии традиций и обычаев на общий уровень правовой культуры. 72,4% опрошенных граждан считают, что знание традиций и обычаев влияет на общий уровень правовой культуры. При этом 35,3% опрошенных считает, что без знания традиций и обычаев невозможно добиться высокого уровня правовой культуры. 32,9% опрошенных считают, что знание традиций и обычаев способствует восприятию требований действующего законодательства.

Этот вывод подтверждается и тем, что 44,6% опрошенных граждан отметили, что правовая культура личности зависит от общей культуры, воспитанности и образованности человека. Тем не менее, 15,9% опрошенных считает, что соблюдение традиций и обычаев осложняет освоение требований действующего законодательства.

Наличие и таких вариантов ответов говорит о том, что в общественном сознании довольно высоко оцениваются роль и значение права как системы общеобязательных правил поведения людей, при этом большое внимание уделяется знанию правовых норм, требований действующего законодательства и правовых принципов.

Такая установка участников опроса населения подтверждается тем, что 82,2% опрошенных считает, что каждому человеку необходимо знать основные требования действующего законодательства. При этом сравнительно небольшое количество респондентов (7,1% опрошенных) ответили, что для достижения соответствующего современным требованиям уровня правовой культуры нужны только специальные правовые знания.

То, что данный вопрос не оставили без внимания почти 100% опрошенных, и при ответе

* По условиям опроса допускалась возможность выбора нескольких вариантов ответа.

на данный вопрос не смогли ответить всего 2,4% респондентов и затруднились ответить 4,6% опрошенных граждан, говорит об обдуманности выбора варианта ответа на данный вопрос.

Учитывая все эти моменты, можно сделать вывод о том, что при всей неоднозначности отношения опрошенных к другим социальным нормам, эти социальные нормы не остаются вне поля зрения общественного мнения и играют соответствующую роль при выборе определенной модели поведения.

Всего лишь 4,7% опрошенных отрицают необходимость культивировать в обществе нормы морали, этики, эстетики, религии для того, чтобы люди регулировали свое поведение в соответствии с требованиями этих социальных норм. 3,4% опрошенных считают, что эти нормы уже невозможно культивировать. По нашему мнению, при такой ситуации напрашивается необходимость соответствующего изучения этих вопросов.

При ответе на вопрос, связанный с возможностью решить проблему повышения общего уровня правовой культуры путем ужесточения наказания за наиболее распространенные правонарушения, мнение опрошенных разделилось почти поровну. 39,2% опрошенных считает, что повышение общего уровня правовой культуры общества возможно с помощью ужесточения наказания за наиболее распространенные правонарушения. 41,5% опрошенных считает, что этим нельзя добиться повышения общего уровня правовой культуры. При этом затруднились ответить 16,9% респондентов.

При этом, почти треть респондентов, 28,2% опрошенных граждан считают, что повысить уровень правовой культуры можно путем увеличения количества телепередач на правовые темы; 38,3% принявших участие в опросе граждан открыли бы курсы правовых знаний для широких слоев населения, 32,9% опрошенных во всех без исключения вузах ввели бы преподавание основ Российского права. 20,1% опрошенных граждан ответили, что, если бы это от них зависело, в целях повышения общего уровня правовой культуры они ужесточили бы наказания за правонарушения.

Неоднозначно распределились ответы на вопрос, связанный с использованием в по-

вседневной жизни ненормативной лексики. Отрадно, что 28% опрошенных не пользуются ненормативной лексикой. Тем не менее, 23,7% принявших участие в опросе граждан признались в том, что используют в повседневной жизни ненормативную лексику, 2,4% ответили, что применяют ненормативную лексику довольно часто, 43,4% — не всегда.

57,4% опрошенных считает, что СМИ недостаточно полно информируют о законах и высказывает пожелания увеличить количество публикаций на правовые темы, создать специальный информационно-правовой канал на телевидении, расширить возможности Интернета и правовых консультационных систем, сформировать профессионально-юридические порталы.

Как показал опрос, правовая информация необходима для того, чтобы отстаивать свои права и свободы. 23,0% опрошенных считает, что правовая информация им нужна для того, чтобы защитить себя от произвола. 48,2% опрошенных граждан с правовой информацией связывают возможность отстаивать свои интересы, права. 22,4% опрошенных необходимость правовой информации объяснили тем, что они современные люди и без правовой информации им не обойтись.

На большинство открытых вопросов анкеты респонденты отвечали неохотно. Так, например, относительно того, какие мысли и чувства вызывают слова «закон» и «право», свою точку зрения высказали менее 3% опрошенных. Можно предположить, что это связано с той ситуацией, когда в реальной жизни с правом и законом сталкиваются далеко не все люди, ибо у них преимущественно правомерное поведение, и это отражается на общественном сознании, ибо к помощи закона и права обращаются по мере появления необходимости в них. Тем не менее, участие опрашиваемых при ответе на все остальные вопросы анкеты говорит о том, что их интересует возможность воспользоваться правом и законом при решении жизненно важных проблем. Это подтверждается и тем, что 33,4% опрошенных отмечает нехватку правовых знаний, 55,4% опрошенных подчеркивают, что в связи с динамичностью современной жизни им хотелось бы больше знать о законодательстве.

И только 1,6% опрошенных не интересует знание законов.

Примерно такое число опрашиваемых граждан обозначилось и при ответе на вопрос, связанный с оценкой уровня современной правовой культуры. Важность данного момента, по нашему мнению, заключается и в том, что всего только для 1,9% опрошенных эта тема не представляет интереса. То, что только 3,6% опрошенных считает, что мы живем в обществе с высоким уровнем правовой культуры, и то, что всего 9,4% респондентов довольны общим уровнем правовой культуры соотечественников, является доказательством необходимости уделения серьезного внимания этим вопросам.

На основе анализа специфики ответов участников опроса, мы считаем, что для совершенствования и повышения уровня правовой культуры наиболее целесообразны организация учебно-консультационных пунктов, краткосрочных курсов для изучения основ действующего законодательства, открытие специализированных компьютерных залов правовой направленности в расчете на представителей молодого поколения. Это позволит существенно расширить возможности приобретения и использования правовых знаний в процессе своей жизнедеятельности, а также будет спо-

собствовать выбору молодым поколением на основе знания требований законодательства и современных принципов права преимущественно правомерных форм и моделей поведения, что, в свою очередь, приведет к уменьшению правонарушений и формированию общественного и правового порядка, окажет существенную помощь в борьбе с правовым нигилизмом и инфантилизмом молодежи.

При всем том, что для решения серьезных конфликтных ситуаций, несомненно, требуется вмешательство профессионалов-юристов, необходимо поощрять стремление людей к правовым знаниям, к приобретению навыков правового решения жизненно важных вопросов, шире применять возможности правового образования и правового просветительства в целях повышения общего уровня правовой культуры современного общества, прежде всего, у современной молодежи, формирования соответствующего современным условиям правового сознания у подрастающего поколения.

Литература

[1] Соколов В.М. Российская ментальность и исторические пути Отечества: Записки социолога. — М.: РАГС, 2007.

[2] Галиев Ф.Х. Правовая культура и общественное мнение / Ф.Х. Галиев, С.А. Ларцева, Р.Р. Яппарова. — Уфа: ДизайнПолиграфсервис, 2011.

УДК 343.1(470)

СОЛОДКАЯ Ирина Николаевна,
старший преподаватель кафедры права
Института управления и безопасности предпринимательства БашГУ
e-mail: anticollector1@yandex.ru

БАСКАКОВ Алексей Тихонович,
кандидат философских наук, доцент кафедры права
Института управления и безопасности предпринимательства БашГУ
e-mail: alexei.baskakov@yandex.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ СЛУЖБЫ ПРОБАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье обсуждается вопрос создания в Российской Федерации службы пробации, в компетенции которой будет находиться надзор за исполнением наказаний, не связанных с лишением свободы и постпенитенциарная ресоциализация и социальная адаптация осужденных. Предстоящая реформа имеет как своих сторонников, так и противников. Авторы обосновывают точку зрения, согласно которой предстоящая реформа довольно преждевременна, и для ее проведения необходимо накопление опыта экспериментальных проектов на различных площадках в субъектах Российской Федерации, а также комплексный анализ зарубежного законодательства и практики деятельности служб пробации в иностранных государствах.

Ключевые слова: пробация, уголовно-исполнительная инспекция, социальное сопровождение, закон, реформа, центр социальной адаптации, наказание.

Россия является довольно консервативным и традиционным государством и удерживает лидирующие позиции в мире по количеству лиц, находящихся в местах лишения свободы. Создание действенной системы ресоциализации и адаптации осужденных является критерием эффективности исправительных учреждений. В России, начиная с 2008 года, создаются предпосылки для введения в правовую систему Федеральной службы пробации. Данная инициатива была поддержана Президентом Российской Федерации В. Путиным, министром юстиции А. Коноваловым, уполномоченным по правам человека В. Лукиным, что выразилось в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 31.05.2012) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» и Распоряжении Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 08.08.2009) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года».

Службы пробации действуют в Великобритании, США, Канаде, ряде стран Евросоюза, странах постсоветского пространства (Латвии, Эстонии). Функции этих служб сводятся к сбору информации и правонарушителя и представлению независимых докладов о совершенном правонарушении и личности правонарушителя суду и прокурорам, организации процедуры примирения между потерпевшим и правонарушителем, координации исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, разработке и осуществлению программ по коррекции поведения поднадзорных.

Создание службы пробации, конечно, преследует благие цели: это и реализации принципа гуманизма, выражающегося в исполнении наказаний, не связанных с изоляцией от общества, и дальнейшей ресоциализации и социальной адаптации осужденных, и более тонкий расчет выражающийся в предупреждении преступлений и снижению рецидивной преступности.

Служба пробации, как предполагается [1, с. 43], будет решать следующие задачи:

– исполнение наказаний в виде исправительных работ, обязательных работ, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничения свободы;

– социально-реабилитационная и контролирующая деятельность в отношении условно осужденных, условно-досрочно освобожденных и осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, которым судом отсрочено отбывание наказания;

– независимый от следственных органов доклад суду о социальной опасности гражданина в процессе судебного следствия; досудебным докладом может быть информация, которая характеризует клиента пробации, готовится работниками службы пробации по запросу суда или прокуратуры;

– организация процедур примирения и восстановления (медиации);

– организация разработки программ коррекции социального поведения;

– оказание лицам, освобожденным из исправительных учреждений, постпенитенциарной помощи.

Но в состоянии ли российская правовая система перестроится на международный уровень, заимствовав рекомендации и практический опыт по деятельности служб пробации?

Реализация закона потребует разрушение уголовно-исполнительных инспекций и создание на их базе служб пробаций. Непонятным остается вопрос подчинения будущей службы, будет ли она полностью самостоятельной либо все-таки перейдет в подчинение Министерства юстиции или ФСИНа. Предположительно, что это будет самостоятельный орган, но насколько целесообразно оставлять новую, «не обкатанную» службу в таком статусе. Все эти вопросы вызывают тревогу и неуверенность у действующих сотрудников уголовно-исполнительных инспекций и наиболее квалифицированные кадры переходят на службу в другие ведомства, уходят на пенсию и т. д.

Создание служб пробации потребует значительных материальных затрат. Базой службы пробации будут уголовно-исполнительные инспекции, что потребует увеличение их штата, по крайней мере, вдвое. К тому же будет необходимо дальнейшее переобучение со-

трудников. А раз будущая служба является кардинально новой, то неясным становится, кто и где будет проводить переобучение. Возможно, создание службы пробации есть ни что иное, как ребрендинг уголовно-исполнительных инспекций, весьма дорогостоящая косметическая реформа, как и в случае реформы полиции?

Остается непонятным, как одна и та же служба будет «наказывать», исполняя наказания, не связанные с изоляцией от общества, и «жалеть», адаптируя поднадзорного к реальной действительности.

Недостаточно понятным является и вопрос предоставления досудебного социального доклада или же «системы оценки правонарушителя». Для составления такого доклада необходима высокая квалификация их составителей, в противном случае это может привести к их формализации и бюрократизации. К тому же содержание данного доклада будет влиять на назначение наказания, что означает, что доклад будет иметь уголовно-процессуальное значение. Для этого необходимо будет вносить изменения в процессуальное законодательство.

В Российской Федерации нельзя рассчитывать на быстрое и позитивное проведение реформы. Поскольку аналогичные реформы в зарубежных странах привели к положительным результатам лет через 40–50 с момента начала преобразований.

Законопроект «О пробации и системе органов ее осуществляющих» является довольно аморфным и абстрактным, остаются неясным практическое осмысление выражений «досудебная пробация», «социальная адаптация и реабилитация». Так же абстрактно описаны меры постпенитенциарной адаптации и реабилитации, к ним относятся помощь в трудоустройстве, получении паспорта, получении образования. По замыслу авторов законопроекта государственные стандарты пробации должны устанавливаться не законом, а последующими подзаконными актами. Полагая, что между принятием этого закона и разъясняющих его подзаконных актов пройдет какой-то период времени, непонятно, как будет исполняться уже вступивший в юридическую силу закон. Необходимо либо макси-

мально конкретизировать законопроект либо вести параллельную работу над ним и проектом подзаконного акта, содержащего стандарты пробации.

По мнению авторов, вносить серьезные изменения с систему исполнения наказаний является преждевременным, необходимо решать поставленные проблемы с помощью уголовно-исполнительных инспекций и специализированных центров социальной адаптации, подчиненных Министерству юстиции, являющихся конечным этапом исполнения наказания.

Поэтому перспективы создания службы пробации являются довольно неоднозначными, и намерение создать службу пробации с января 2014 г. преждевременно. Лишь опытным путем и проведением экспериментальных

проектов в различных субъектах Российской Федерации, а так же анализом зарубежного законодательства возможно разработать современные методы по совершенствованию существующей системы исполнения наказаний.

Литература

[1] Реорганизация системы учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы // Реформирование уголовно-исполнительной системы: теоретический проект / под общ. ред. А.А. Реймера. — М.: Рязань: Академия ФСИН России, 2009. — 72 с.

[2] Уткин В.А. Европейские правила о пробации и проблемы их реализации // Вестник Томского университета. — 2012. — № 1(3).

[3] Воронова Е.Л. Создание службы пробации в России // Вопросы ювенальной юстиции. — 2009. — №3 (23).

УДК 32:008

СУЛЕЙМАНОВ Тимур Фуатович,

заведующий кафедрой социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московская государственная академия водного транспорта», кандидат философских наук, доцент
e-mail: suleymanov1957@mail.ru

КАШАПОВ Урал Абубакирович,

кандидат исторических наук, старший преподаватель секции «Физическая культура и безопасность жизнедеятельности» «Уфимская государственная академия искусств им. Загира Исмагилова»
e-mail: UralKashapov@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ДУХОВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается политическая культура как один из основных элементов духовного потенциала общества, основные концепции определения ее сущности как в зарубежной, так и в отечественной политической науке.

Ключевые слова: политика, культура, политическая культура, политическая система, нормы, ценности, политические ориентации.

Если демократический процесс не имеет твердого основания в политической культуре народа, то всякая система продолжит эволюцию в сторону квазипопечительства. Если политическая культура будет препятствовать этой тенденции, то данное сползание прекратится.

Р. Даль

Политическая культура проливает свет на формы власти и порождаемые ими последствия...

Роналд П. Формизано

Интерес к изучению политической культуры обусловлен тем, что именно она (ее состояние) отражает интенсивность политической жизни, уровень ее демократизации, эффективность функционирования политической системы в целом, а также характеризует уровень политической активности, степень компетентности граждан, участвующих в политической деятельности. Политическая культура является одним из базовых элементов духовного потенциала общества, и именно она является определяющей для изучения процессов политического развития.

Общество проявляет и осознает себя в культуре. От состояния и развития духовной культу-

ры, от качества культурных ценностей зависит и интеллектуальный потенциал общества, и степень осознания им своих проблем, уровень их решений, в том числе и политических. Политическая культура выступает неотъемлемой частью культуры в целом. В понятии политической культуры органически выражается единство политики и ее общественного сознания. Определяя характер и содержание политического взаимодействия субъектов политики, политическая культура является фундаментом, на котором строится здание реальной политики. И на это обстоятельство указывает известный американский политолог Г. Алмонд — автор многих исследований, посвященных политиче-

ской культуре и сравнительному анализу политических систем. Он первым сформулировал в книге «Гражданская культура» (написанной совместно с С. Верба и опубликованной впервые в 1963 году и давно уже признанной классической) тезис об определяющей роли политической культуры в становлении демократии. «Государственные деятели, стремящиеся создать политическую демократию, — писали они, — часто концентрируют свои усилия на учреждении формального набора демократических правилительственных институтов и написании конституции. Они также могут сосредоточить усилия на формировании политической партии с тем, чтобы стимулировать участие масс. Но для развития стабильного и эффективного демократического правления требуется нечто большее, нежели определенные политические и управленческие структуры. Это развитие зависит от ... политической культуры. Если она не способна поддержать политическую систему, шансы последней на успех не велики» [1].

Для рассмотрения заявленной проблемы, прежде всего, необходимо достаточно четко определиться с понятиями «политика» и «культура». В этой связи нельзя не привести мысль известного отечественного философа И.В. Ильенкова, который в своей фундаментальной работе «Философия и культура» писал: «Важны ведь не слова, а понятия» [2].

Исходя из этого, необходимо определиться с сущностью вышеназванных понятий. Сам термин «культура» от латинского «*culture*», первоначально означал возделывание, обработку почвы [3]. Первое научное определение понятия «культура» дал Э.Б. Тайлор в 1871 году в своей работе «Первобытная культура». В главе I данной работы («Наука о культуре») он писал: «Культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле слагается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества» [4].

В настоящее время, согласно данным, которые приводит французский культуролог Р. Робин, речь идет о том, что данное понятие имеет по меньшей мере 500 значений [5]. Хотя еще в 1952 году в книге американских культурологов А. Кребера и К. Клакхона «Культура. Крити-

ческий обзор концепций и определений» было приведено более 150 определений культуры [6, с. 34]. Они затрагивают этнологию, социологию, историю, изучение явлений культуры, то есть, весь набор социально-гуманитарных наук. Исходя из анализа существующих дефиниций, они предлагают следующее определение: «Культура заключается в явных и скрытых моделях (*patterns*) поведения, приобретенных или переданных при помощи символов, которые представляют собой достижения человеческих групп, включая их реальное воплощение и приемы мастерства; главный центр культуры определяется традиционными идеями (т.е. идеями исторически сложившимися и отобранными) и — особенно — связанными с ними ценностями; культурные системы могут рассматриваться, с одной стороны, как результаты деятельности, с другой стороны, как элементы, обуславливающие будущую деятельность» [7].

Мы же в данной работе не берем на себя задачу полного анализа и классификации вышеназванных значений понятия «культура». Мы ограничимся лишь тем, что считаем наиболее точным определение, данное Вильгельмом Виндельбандом в его работе «Философия культуры и трансцендентальный идеализм», где он пишет, что под культурой понимается «не что иное, как совокупность всего того, что человеческое сознание, в силу присущей ему разумности, вырабатывает из данного ему материала» [8].

Далее, мы также должны отметить и атрибутивные составляющие культуры, т.е. всего того, что она в себя вбирает и чем она представлена.

В самом общем виде культура может быть представлена как:

«1. Особая сфера и форма деятельности, связанная с мышлением, занятиями художественной культурой, принятыми нормами поведения и т. д.

2. Общий уровень развития общества, его просвещенности и рациональности на пути «от дикости к цивилизованности».

3. Сумма общественных достижений (включая технологии, отношения и представления), благодаря которым человек выделяется из природы и выходит за рамки биологической детерминации.

4. Специфическая система норм, ценностей и смыслов, отличающая одно общество от другого (или различные части общества социально-статусные или профессиональные), способствующая его интеграции и придающая ему самобытность.

5. Духовное измерение всякой деятельности, в котором формируются мотивы, принципы, правила, цели и смыслы деятельности. В этом понимании культура предстает как духовный компонент совокупного производства, обеспечивающий поддержание и изменение этого производства и общественных отношений в целом» [6, с. 34–35].

В.С. Поликарпов, характеризуя культуру, выделяет еще одну важную составляющую культуры, которая неразрывно связана с предметной деятельностью человека. По его мнению, «культура — способ деятельности человека, технология этой деятельности» [9].

Итак, культура как форма бытия человека и общества вбирает в себя: во-первых, саму деятельность человека и общества, во-вторых, способ деятельности и, в-третьих, результат этой деятельности. Содержательными элементами (или компонентами) культуры являются обычаи, нормы, ценности, смыслы и знания [6, с. 98–155].

В.М. Артемов и А.Н. Роша к вышеназванным компонентам добавляют «идеалы, социальные образцы и язык» [10]. Как мы понимаем, вышперечисленные компоненты культуры представлены в политической культуре, и имеют особый (политический) окрас.

Рассмотрев сущность понятия «культура», нам необходимо также обратиться к сущности понятия «политика». В отношении данного понятия в настоящее время, как пишут авторы коллективной работы «Политика и право современной России», «царит большая неопределенность, почти все предпринимаемые политологами попытки сказать, что это такое, выливаются в субъективистское доктринерство, сводя к односторонним суждениям, умолчаниям или преувеличенным оценкам» [11].

Так, например, еще сравнительно недавно термин «политика» трактовался как деятельность в сфере отношений между большими социальными группами, прежде всего классами, а также нациями и государствами.

Несколько иные трактовки политики даются в настоящее время. Так, например, Е.В. Макаренков и В.И. Сушков не дают точного определения, а выделяют все то, что относится на их взгляд к политике, а именно:

– «участие в делах государства, определение форм, задач, содержание его деятельности»;

– деятельность в сфере отношений между большими социальными группами, связанная с регулированием интересов путем использования политической власти»;

– совокупность вопросов или событий государственной, общественной жизни»;

– характеристика образа действий, направленных на достижение определенных целей в отношении людей между собой» [12, с. 66].

Д.П. Зеркин понятие «политика» характеризует как комплекс взаимосвязанных явлений и процессов. Это:

«а) организованная деятельность социальных групп и представляющих их учреждений власти по управлению общественной жизнью в интересах этих групп и общества в целом»;

б) общественные отношения между социальными группами и сообществами людей по поводу государственной власти, ее завоевание, удержание и использование»;

в) политическое сознание и культура, составляющая неотъемлемую сторону политической деятельности и отношений»;

г) совокупность политических организаций и норм, с помощью которых реализуются политические взгляды, цели и интересы и осуществляется политическая власть» [13].

Несколько иной позиции придерживается И.М. Кривогуз, который понимает под политикой высшую форму правления, суть которой сводится к «формированию, поддержанию и изменению власти и законов, а также самого административно-правового управления. Лишь в ней решения принимаются не по основе законов, а по средствам соотношения общественных сил» [14].

Попытку дать наиболее точное и полное определение термина «политика» предпринял и известный политолог К.С. Гаджиев. По его мнению, под «политическим» понимается «все то, что имеет отношение к явлениям, институ-

там, организационным формам и отношениям в обществе, за которыми стоят власть и авторитет, существующие в обществе для утверждения и сохранения порядка и реализации других жизненно важных целей» [15, с. 94; 16].

Исходя из вышеприведенных точек зрения на политику как социальное явление, мы видим, насколько оно многопланово и многозначно. В силу этого даются различные дефиниции политики как сферы человеческой жизнедеятельности.

Подводя итог рассмотрения понятия «политика» отечественными политологами и исследователями данного социального явления, мы обращаемся к энциклопедическому словарю по политологии, где, на наш взгляд, дается наиболее точное и полное определение. В нем термин «политика» определяется «(от греч. *polis* — город — государство и прилагательного от него — *politicos*: все, что связано с городом, — государство, гражданин и пр.) как организационная и регулятивно-контрольная сфера общества, основанная в системе других таких же сфер: экономической, идеологической, правовой, культурной, религиозной» [17].

Для полноты характеристики считаем должным обратиться также и к определениям «политики», которые даются зарубежными авторами.

Так, В. Консидеран, талантливый последователь творчества Ш. Фурье, понимал политику, как «совокупность воюющих между собой мнений и теорий, относящихся к основным принципам правительства или различным административным системам, которые оспаривают одна у другой портфели ради наибольшего блага нации» [18].

Немецкий политолог, философ, социолог М. Вебер, во многом заложивший основы современной политической науки, писал: «Политика, судя по всему, означает стремление к участию во власти или оказанию влияния распределения власти, будь то между государствами, будь то внутри государства, между группами людей, которые оно в себе заключает» [19].

Современный американский политолог Х. Моргентау определяет политику как сознание интереса, выраженного в терминах силы.

Итак, рассмотрев различные точки зрения как отечественных, так и зарубежных исследо-

вателей, нам необходимо перейти к общепринятому пониманию данного термина. И это, как нам представляется, в полной мере отражено в энциклопедическом словаре по политологии, которое уже приводилось выше и предполагает особую сферу социальной действительности, связанную «с деятельностью в сфере отношений между большими социальными группами (классами, нациями, государствами) по поводу установления и функционирования политической власти в интересах реализации их общественнозначимых запросов и потребностей» [12, с. 67], «вид человеческой практики, посредством которой люди воздействуют на социальную среду, перерешают свою судьбу, меняют свой статус в обществе» [20].

Исследуемое нами социальное явление — политическая культура, по сути, является человеческим измерением политики и, конечно же, определяет степень культуры, эффективности политической системы государства и вовлеченности личности в политические отношения. В настоящее время существует достаточно много различных подходов к трактовке категории «политическая культура», а также ее структурных компонентов и функций. Достаточно сказать, что «по подсчетам канадского исследователя Г. Патрика, к 1976 году существовало более сорока определений политической культуры» [15, с. 334], а к 1990 году уже насчитывалось более 182 дефиниций понятия «политическая культура» [21]. Но впервые данное понятие было использовано зарубежными политологами.

Термин «политическая культура» ввел в научный обиход немецкий философ просветитель И.Г. Гердер. Он описывал национальный характер египтян, финикийцев, иудеев и других народов, учитывая особенности их исторического развития. Например, он отмечает, что в Древней Греции только «от аристократии и могла исходить политическая культура, действительно влиявшая на низший люд» [22]. Начало же концептуального исследования было положено американскими политологами Г. Алмондом и С. Верба.

В своей работе «Гражданская культура» они учитывают «культурно-личностные», или «психо-культурные» факторы политических феноменов. Они пишут: «Мы используем термин „политическая культура“ по двум причинам:

Во-первых, если мы хотим проследить взаимосвязь между политическими и неполитическими установками и моделями развития, мы должны отделить первые от вторых, пусть даже граница между ними является не настолько резкой, как это следует из нашей терминологии. Таким образом, термин „политическая культура” отсылает к сугубо политическим ориентациям-установкам по отношению к политической системе и различным ее частям, представлениям о роли личности в системе. Мы говорим о политической культуре с тем же основанием, с каким мы можем говорить об экономической культуре или культуре религиозной. Это набор ориентаций на некую совокупность социальных объектов или процессов. Но мы предпочли понятие политической культуры всем прочим еще и потому, что оно позволяет нам воспользоваться концептуальными рамками антропологии, социологии и психологии».

Далее они пишут: «Мы можем здесь лишь подчеркнуть, что используем концепт культуру только в одном из его многочисленных значений, а именно в значении психологической ориентации на социальные объекты. Говоря о политической культуре общества, мы имеем в виду политическую систему, как она интернализуется в знаниях, ощущениях и оценках ее членов. Люди включены в эту культуру так же, как они социализированы в неполитические роли и социальные систем [23, с. 131–132].

Указывая на то, что определяющим в политической культуре являются политические ориентации, Г. Алмонд и С. Верба считают, что таковые охватывают собой: «(1) „когнитивную ориентацию”, то есть знание или представление о политической системе, ее ролях и тех, кто играет эти роли, о том, что у нее на „входе” и на „выходе”; (2) „эмоциональную ориентацию”, или восприятие политической системы, ее ролей, кадров и действий; и (3) „оценочную ориентацию” — суждения и мнения о политических объектах, обычно основанные как на ценностных установках и критериях, так и на информации и эмоциях» [23, с. 133].

Рассматривая личностные ориентации как стержневой компонент политической культуры, они предлагают достаточно конкретные их критерии, а именно «достаточно выяснить:

1. Что он в самом общем плане знает о своем государстве и его политической системе, о его истории, размерах, географическом положении, силе, „конституционных” характеристиках и т. п.? Как он воспринимает эти системные характеристики на эмоциональном уровне? Каковы его более или менее осознанные мнения и суждения на этот счет?

2. Что он знает о структурах и ролях, о различных политических элитах, о политических предложениях, включенных в „восходящий поток” выработки политического курса? Как он воспринимает эти структуры, этих лидеров и эти политические предложения на эмоциональном и оценочном уровне?

3. Что он знает о „нисходящем потоке” воплощения в жизнь политического курса, о его структурах, акторах, принимаемых здесь решениях? Как он воспринимает их на эмоциональном и оценочном уровне?

4. Каково его восприятие в качестве члена политической системы? Что он знает о своих правах, возможностях, обязанностях и стратегиях обретения влияния? Как он относится к своим потенциальным возможностям? Какие формы участия или поведения он признает и использует при формировании политических оценок или выработке мнений» [23, с. 134–135].

Аналогичную позицию в определении политической культуры занимает польский политолог Е. Вятр. Он дает следующую характеристику политической культуры: «Мы относим к политической культуре:

а) знание о политике, знакомство с фактами, интерес к ним;

б) оценку политических явлений, оценочные мнения о том, как должна существовать власть;

в) эмоциональную сторону политических позиций, как например, любовь к родине, ненависть к врагам;

г) признанные в данном обществе образцы политического поведения, которые определяют, как можно и следует поступать в политической жизни» [24].

Английский политолог А. Браун, считая политическую культуру неотъемлемой частью культуры в целом, подчеркивает, что она вбирает в себя обязательный компонент — исторический опыт. Он дает следующее определе-

ние: «Политическая культура — субъективное восприятие истории и политики, фундаментальные верования и ценности, фокус идентификации и лояльности, сумма политических знаний, чаяний, которые являются продуктом специфического исторического опыта наций или групп» [25].

Б. Ротстайн пишет, что политическая культура является ничем иным, как политическим институтом, и является «формальным соглашением, достигнутым группами людей, поведение которых регулируется применением четко определенных правил и процессов принятия решений и подкрепленным полномочиями одного лица или группы лиц, формально обладающих властью. Очевидно, что „культура“, „нормы поведения“ и т. п. не являются ни четко определенными, ни формализованными» [26].

Несколько иной подход, отличающийся от теории «гражданской культуры» Г. Алмонда и С. Вербы, представлен в теории Г. Экстайна «О власти и культуре», которая особенно значима для понимания сегодняшних проблем, ибо ее автор один из немногих теоретиков, обратившихся к динамичному аспекту культуры и вопросу о роли культуры в процессе политических изменений». Он исходил из того, что «политическую культуру следует рассматривать как продолжение других форм социальных отношений и общей включенности в гражданское общество» [27, с. 333].

Интересна, на наш взгляд, также точка зрения Р. Инглхарта на политическую культуру. По его мнению, сердцевиной политической культуры является ни что иное, как ценностные ориентации граждан (политические), которые, по сути, и определяют политическую культуру.

Он полагает, что политические «приоритеты в обществе формируются в соответствии с ориентацией на „нехватку“ чего-либо: люди предадут большую ценность тому, чего в обществе относительно мало» [27, с. 335]. А также он исходит из того, что «личные ценностные ориентации и приоритеты человека отражают те условия, в которых проходила его социализация» [27, с. 335]. Индийский ученый П. Шаран трактует политическую культуру как «субъективную реакцию людей на политическую систему» [28]. Осуществляя рассмотрение основных точек зрения на политическую культуру,

нельзя не сказать о том, что в международной энциклопедии социальных наук приводится определение политической культуры американского ученого Л. Пая. Согласно его точке зрения «политическая культура есть совокупность ориентаций, мнений и убеждений, которые придают логику и смысл политическому процессу, обеспечивают основополагающие представления и нормы, управляющие поведением человека в политической сфере. Тем самым политическая культура... это обобщенное выражение психологического и субъективного измерения политики» [29].

Итак, проведенный анализ работ зарубежных исследователей категории «политическая культура» позволяет прийти к тому, что независимо от той или иной точки зрения на данное социальное явление они склонны к тому, что политическая культура устанавливает нормы поведения, доминирующие ценности, которые определяют политическое поведение и оказывают влияние на систему политических отношений. Политическая культура выступает как самостоятельный политический институт.

Интерес отечественных исследователей к данному явлению возник сравнительно недавно, а именно в 60-х годах XX века. Одним из первых на данное социальное явление обратили внимание Ф.М. Бурлацкий и А.А. Галкин, которые отмечают, что «под политической культурой понимается институционализированный исторический и социальный опыт национальной и наднациональной общности, оказывающей большее или меньшее воздействие на формирование политических ориентаций и, в конечном счете, политическое поведение индивидов, малых и больших социальных групп» [30].

Значительный вклад в исследование политической культуры внесли Э.Б. Баталов, Ю.С. Пивоваров, К.С. Гаджиев [31–34] и другие [35–37].

Э.Б. Баталов считает, что «политическую культуру можно в самой общей форме охарактеризовать как систему исторически сложившихся, относительно устойчивых репрезентативных („образцовых“) убеждений, представлений, установок сознания и моделей („образцов“) поведения индивидов и групп, а также моделей функционирования политических институтов и образуемой ими системы, проявив-

шихся в непосредственной деятельности субъектов политического процесса, определяющих ее основные направления и формы и тем самым обеспечивающих воспроизводство и дальнейшую эволюцию политической жизни на основе преемственности» [38].

По мнению Ю.С. Пивоварова, сам термин «политическая культура» в «структуре политической науки... занимает место где-то между понятиями „культура как таковая” и „политическая система”. С его помощью описываются типы поведения, целепологания, системы ценностей индивидов и социальных групп, формы и процедуры, в рамках которых происходит принятие и реализация политических решений» [39].

Л. Бляхер считает, что политическая культура является одним из каналов коммуникации, обеспечивающих взаимодействие всех элементов политической системы. И, исходя из этого, он дает такое определение: «Политическая культура — это коммуникативная сеть, по которой циркулируют культурные образцы, детерминирующие наше восприятие предъявленного сознанию артефакта как политического явления и определяющие репертуар возможных действий по отношению к данному явлению» [40].

В настоящее время интерес к категории «политическая культура» возрастает, и споры о ее содержании и подходах к ней продолжаются. На наш взгляд, можно выделить условно называемый психологический подход. Так, авторы коллективной работы «Политическая психология» отождествляют понятия политическая культура и политическое сознание, последнее же предстает, «как высшая форма развития психики и характеризует его способность системно воспринимать, понимать и оценивать ту часть, которая связана с политикой, с вопросами власти и подчинения государства и его институтов» [41]. Иначе говоря, здесь делается акцент на, безусловно, одну из важнейших составляющих политической культуры — эмоционально-аффективную.

К.С. Гаджиев считает, что сведение политической культуры только к политическому сознанию будет не совсем верным и с этим нельзя не согласиться. По его мнению, политическую культуру «это комплекс представ-

лений той или иной национальной или социально-политической общности о мире политики, политического, законах и правилах их функционирования. Она включает в себя сформировавшиеся в течение многих поколений политические традиции, действующие политические практики, идеи, концепции и убеждения о взаимоотношениях между различными общественно-политическими институтами, ориентации и установки людей в отношении существующей системы в целом, составляющих ее институтов и важнейших правил политической игры» [42].

Другие авторы считают, что, «если политическая культура выступает как единство культуры политического сознания и поведения, то на уровне социентальном она должна быть дополнена культурой функционирования политической системы и образующих ее институциональных структур» [43].

Не безынтересна точка зрения авторов, которые полагают, что политическую культуру можно определить как «совокупность типичных для конкретной страны образцов поведения людей в публичной сфере, воплощающих их ценностные представления о смысле и целях развития мира политики и поддерживающих устоявшиеся нормы и традиции взаимоотношений государства и общества» [29, с. 433].

В.Д. Виноградов и Н.А. Головин полагают, что главным и определяющим элементом политической культуры является социально-исторический опыт, традиции и соответственно они определяют ее так: «Понятие политической культуры включает характерную для данного общества совокупность норм политического поведения и политических оценок, степень усвоения и реализации основных прав и свобод гражданами, историко-политический опыт общества и традиции политической жизни, которые определяют политическое поведение и действия граждан, политическое воспитание, политическую социализацию и политический процесс в целом» [44].

И, наконец, политическая культура в современной справочной литературе определяется как «исторический опыт, память социальных общностей и отдельных людей в сфере политики, их ориентации, навыки, влияющие на политическое поведение» [45].

Рассмотрев все вышеназванные точки зрения, мы приходим к тому, что характерные черты политической культуры следующие:

1) является продуктом естественно-исторического развития общества, результатом коллективного политического творчества;

2) фиксирует устойчивые, повторяющиеся связи между элементами политического процесса, закрепляет стабильные стороны политического опыта;

3) имеет всеобъемлющий характер, пронизывая собой политическую жизнь конкретной страны;

4) обеспечивает целостность и интегрированность политической сферы;

5) координирует политическими методами жизнедеятельность общества в целом, сочетает интересы различных социальных групп, классов, государства и личности;

6) предлагает определенные образцы поведения, нормы взаимоотношений власти и граждан;

7) характеризует политическое сознание и политическое поведение основной массы населения.

Политическая культура включает в себя те элементы и феномены общественного сознания и в более широком плане — духовной культуры той или иной страны, которые связаны с общественно-политическими институтами и политическими процессами и оказывают значительное влияние на формы, формирование, функционирование и развитие государственных и политических институтов, придают значимость и направление политическому процессу в целом и политическому поведению широких масс населения в частности.

Политическая культура — составная часть общей культуры человечества, включающая в себя те элементы духовной культуры, которые связаны с уровнем и общезначимых политических знаний, оценок и действий граждан, обусловленных политическим опытом предшествующих поколений и воспроизводством их в ходе текущей политической жизни. Вот почему на основании политической культуры общества можно судить об уровне его политической зрелости.

Подводя итог рассмотрению политической культуры как зарубежными, так и отече-

ственными исследователями, мы приходим к следующему выводу: политическая культура — это не только один из важнейших институтов, составляющих общественное сознание, но одновременно и система ценностей, формирующих идентичность нации, единство российского государства, это социальный феномен, который оказывает влияние на все сферы государственного и гражданского бытия.

Анализ политической культуры как одного из определяющих факторов политического развития позволяет найти ответы на ряд вопросов, имеющих значение для объективной оценки хода преобразований во всех сферах общественной жизни.

Литература

[1] Цит по: *Баталов Э.Я.* Проблема демократии в американской политической мысли XX века (из истории политической философии современности). — М., 2010. — С. 192.

[2] *Ильенков Э.В.* Философия и культура. — М., 1991. — С. 171.

[3] *Арнольдов А.И.* Человек и мир культуры: Введение в культурологию. — М., 1992. — С. 6.

[4] *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура / пер. с англ. — М., 1989. — С. 18.

[5] 50/50: Опыт словаря нового мышления / под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. — М., 1989. — С. 232.

[6] *Ерасов Б.С.* Социальная культурология: пособие для студентов вузов. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1997.

[7] Цит по: *Кола Доминик.* Политическая социология / пер. с фр.: предисл. А.Б. Гофмана. — М., 2001. — С. 17.

[8] *Вильгельм Виндельбанд.* Философия культуры и трансцендентальный идеализм / пер. С.И. Гессена // Культурология. XX век: Антология. — М., 1995. — С. 62.

[9] *Поликарпов В.С.* Лекции по культурологии. — М., 1993. — С. 8.

[10] *Артемов В.М.* Социология культуры / В.М. Артемов, А.Н. Роша. — М.: Академия МВД РФ, 1989. — С. 9.

[11] *Мальцев Г.Ф.* Право и политика современной России / Г.Ф. Мальцев, Е.А. Лукашева, В.С. Нерсисянц. — М., 1996. — С. 5.

[12] Политология: Альбом схем / сост.: Е.В. Макаренков, В.И. Сушков. — М., 1998.

[13] *Зеркин Д.П.* Основы политологии: курс лекций. — Ростов н/Д., 1996. — С. 64.

[14] *Кривогуз И.М.* Политология. — М., 1999. — С. 20.

- [15] Гаджиев К.С. Политическая наука: учеб. пособие. — 2-е изд. — М., 1995.
- [16] Гаджиев К.С. Учебник для высших учебных заведений. — М., 2002. — С. 43–44.
- [17] Политология: Энциклопедический словарь / общ. сост. Ю.И. Аверьянов. — М., 1993. — С. 251.
- [18] Белов Г.А. Политология: учеб. пособие. — М., 1997. — С. 5.
- [19] Вебер М. Политика как призвание и профессия // Антология мировой политической мысли: В 5 т. — Т. 2. Зарубежная политическая мысль XX века. — М., 1997. — С. 12.
- [20] Панарин А.С. Философия политики: учеб. пособие для политологических факультетов и гуманитарных вузов. — М., 1996. — С. 19.
- [21] Сулейманов Т.Ф. Политическая культура в системе политических отношений: учеб. пособие / Т.Ф. Сулейманов, Ш.Р. Халиков. — Уфа, 2003. — С. 9.
- [22] Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. — М., 1977. — С. 333.
- [23] Алмонд Г.А. Гражданская культура Подход к изучению политической культуры (I) / Г.А. Алмонд, С. Верба // Полития. — 2010. — № 2 (57).
- [24] Вятр Е. Социология политических отношений / пер. с польск.; под ред. Ф.М. Бурлацкого. — М., 1979. — С. 259–260.
- [25] Цит. по: Кара-мурза С.Г. Потерянный разум. — М., 2008. — С. 242.
- [26] Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы // Политическая наука: новые направления / пер. с англ. М.М. Гурвида, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой. — М., 1999. — С. 161.
- [27] Цит. по: Далтон Р.Дж. Сравнительная политология: микроповеденческий аспект / Политическая наука: новые направления / пер. с англ. М.М. Гурвида, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой. — М., 1999.
- [28] Шаран П. Сравнительная политология: В 2 ч. / пер. с англ. — Ч. 1. — М., 1992. — С. 46.
- [29] Цит. по: Политология: учебник / А.Ю. Мельвиль [и др.]. — М., Московский государственный ин-т международных отношений (Университет) МИД России. — 2011. — С. 433.
- [30] Бурлацкий Ф. М. Современный Левиофан: очерки политической социологии и капитализма / Ф.М. Бурлацкий, А.А. Галкин. — М., 1985. — С. 197–198.
- [31] Баталов Э. Я. Политическая культура современного американского общества. — М., 1990.
- [32] Баталов Э. Я. Политическая культура как социальный феномен // Вестник МГУ. — Сер. 12. — 1991. — № 5;
- [33] Пивоваров Ю.С. Политическая культура: методологический очерк. — М., 1996.
- [34] Гаджиев К.С. Политическая культура: концептуальный аспект // Политические исследования. — 1991. — № 6. — С. 69–84.
- [35] Назаров М.М. Политическая культура российского общества 1991–1995 гг.: Опыт социологического исследования. — М., 1998.
- [36] Войтенко В.П. Политическая культура россиян: особенности современной трансформации (социологический анализ). — М., 2004.
- [37] Руденкин В.Н. Эволюция политической культуры России в начале XXI века: соотношение традиций и новации / В.Н. Руденкин, Д.В. Руденкин. — Нижний Тагил, 2010.
- [38] Баталов Э. Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et Contra лето. — 2002. — Т. 7. — № 3. — С. 10.
- [39] Пивоваров Ю.С. Политическая культура пореформенной России. — М., 1994. — С. 7.
- [40] Бляхер Л. «Презумпция виновности». Метаморфозы политических институтов в России // Pro et Contra лето. — 2002. — Т. 7. — № 3. — С. 77.
- [41] Политическая психология: учеб. пособие для вузов / под общ. ред. А.А. Деркача, В.И. Жукова, Л.Г. Лаптева. — М., 2001. — С. 175.
- [42] Гаджиев К.С. Политическая философия. — М., 1999. — С. 188.
- [43] Общая и прикладная политология: учеб. пособие / под общ. ред. В.И. Жукова, Б.И. Краснова. — М., 1997. — С. 692.
- [44] Виноградов В.Д. Политическая социология / В.Д. Виноградов, Н.А. Головин. — СПб., 1997. — С. 154.
- [45] Политология: энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. — М., 1993. — С. 264.

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ

УДК 347.157(470)

КУДРЯВЦЕВА Ольга Геннадьевна,
заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Уфимского юридического института МВД России
e-mail: lelik190680@yandex.ru

КУДРЯВЦЕВ Александр Владимирович,
начальник кафедры предварительного расследования
Уфимского юридического института МВД России
e-mail: lelik190680@yandex.ru

ЮВЕНАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются проблемы в сфере законодательства, регламентирующего права несовершеннолетних и их родителей, предлагаются направления внедрения ювенальных технологий.

Ключевые слова: ювенальные технологии, психическое развитие, ювенальный психолог, служба доверия.

Мобильность современного законодательства свидетельствует об интенсивном развитии общественных отношений в Российском государстве. Это закономерный процесс развития правового государства — своевременное изменение нормативно-правовых положений, отвечающих требованиям ускоренного развития новых общественных отношений.

Вместе с тем подобная весьма позитивная картина имеет место не во всех сферах общественных отношений, примером тому законодательство, регламентирующее права несовершеннолетних и их родителей. Несмотря на наличие различных разработок, в том числе и проекта концепции ювенальной юстиции, на сегодняшний день в России ювенальная юстиция как самостоятельная система, имеющая собственные цели, задачи, специфические процедуры и организационное устройство, существует лишь как «модель», выработанная научными работниками. Это действительно так, несмотря на наличие «пилотных» регионов, где в порядке эксперимента успешно действуют ювенальные суды [1].

На наш взгляд, требуется активное подключение к формированию современного по-

ления ювенальных технологий и ювенальной юстиции. В целом, ювенальные технологии, по своей сути, мало отличаются от процесса воспитания. Рассматриваемый термин сегодня не пользуется популярностью [2–4].

Представленные в СМИ и Интернете многочисленные материалы представляют собой прежде всего так называемые агитационные сообщения, призывающие всеми средствами бороться против внедрения в России ювенальных технологий в каком бы то ни было виде. Подобное, по нашему мнению, является абсолютно неоправданным и вытекает прежде всего из того, что в России на сегодняшний день отсутствует законодательно закрепленные понятия как ювенальных технологий в целом, так и ювенальной юстиции в частности.

Нами предлагается следующие направления внедрения ювенальных технологий:

1) Подготовка и реализация образовательных программ для всех уровней образования, целью которых являются всестороннее развитие личности, использование потенциала несовершеннолетних в науке, творчестве, спорте, и т. п. Подобное позволит, во-первых, положительно влиять на несовершеннолетних,

и сможет выступать в качестве профилактики вовлечения их в противоправную деятельность.

2) введение в перечень специальностей — профиль подготовки «ювенальный психолог». Подобное направление подготовки будет весьма востребованным — специалисты в рассматриваемой области будут необходимы и в образовательных учреждениях (для индивидуальной и групповой работы с обучаемыми), и как частно-практикующие психологи, и как специалисты, для участия в судопроизводстве, в том числе и для участия в процессуальных действиях, и для дачи заключений. Остановимся подробнее на последнем аспекте использования специалиста в области ювенальной психологии, введение которого в систему уголовного судопроизводства является не данью модным течениям, а объективной необходимостью. Известно, что при допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, в соответствии с ч. 3 ст. 425 УПК РФ, участие педагога или психолога обязательно. Так, Е.В. Евсюкова и Р.Е. Лобусев полагают, что участие педагога в допросе несовершеннолетнего позволяет выяснить психологические свойства и уровень развития допрашиваемого, его способность правильно воспринимать и воспроизводить наблюдаемые явления, помочь следователю в формировании контакта с допрашиваемым и в оценке его показаний. Позволим себе не согласиться с необходимостью участия именно педагога в допросе несовершеннолетнего [5]. Согласно имеющимся определениям, под педагогикой понимается «наука о воспитании и обучении; воспитательные приемы, воздействие», а психология трактуется как «наука, изучающая процессы и закономерности психической деятельности; совокупность психических процессов, обуславливающих какой-нибудь род деятельности» [6].

В этой связи требование законодателя об участии в допросе несовершеннолетнего специалиста в области воспитания и обучения (педагога) представляется нам не совсем оправданным, поскольку целями допроса яв-

ляется не воспитание несовершеннолетнего, а получение сведений об обстоятельствах, имеющих значение для расследования. Более правильным, на наш взгляд, представляется предусмотреть участие психолога. И этим психологом должен выступать именно специалист, обладающий специальными знаниями в области ювенальной психологии. Ни для кого не секрет, что имеются существенные отличия в мировосприятии лицами разного возраста. То что в понимании ребенка — хорошо и допустимо, в понимании взрослого человека может выглядеть совершенно иначе. Возможности использования указанного субъекта в процессе расследования весьма многоаспектны. Так, при назначении и производстве судебной экспертизы именно ювенальный психолог помог бы сделать наиболее грамотные и полновесные выводы об особенностях отношений в семье несовершеннолетнего, характере отношений со сверстниками, об отношении к семье, друзьям, к самому себе, о поведении, об особенностях реагирования в экстремальных ситуациях. При этом, следователю (дознавателю) целесообразно было бы на экспертизу предоставлять не какой-то типично собираемый материал, а к примеру, так называемые продукты творчества несовершеннолетнего — рисунки, сочинения, письма, дневники, фотографии, хоум-видео и т. п. Также, учитывая активное проникновение в повседневную жизнь научно-технического прогресса, представляется необходимым предоставить психологу доступ к сведениям размещенных несовершеннолетним на личной страничке в социальных сетях (Одноклассники, Вконтакте, Мой Мир.МайлРу, и т. п.), в «аське», в памяти мобильного телефона, и т. п. Особое внимание следовало бы уделить тому, какой статус установлен несовершеннолетним на странице, какой «ник» им выбран, кого из окружения он добавил в друзья, и т. п. Предоставление ювенальному психологу указанных материалов, безусловно, позволят обогатить само содержание заключения, так как оно будет содержать уникальный психологический анализ материалов и описание набора примененных экспериментальных методов [7]. Более того, подобные материалы следует представить при подготовке и про-

ведении допросов несовершеннолетних, что позволит следователю (дознавателю), предварительно проконсультировавшись с ювенальным психологом провести полновесный информативный допрос, получить необходимые сведения, а также будет способствовать достижению психологического контакта.

Особо отметим, что действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит нормы, позволяющей привлечь психолога в допросе несовершеннолетних свидетелей (потерпевших) — статья 191 УПК РФ содержит указание на обязательное участие педагога при допросе свидетеля (потерпевшего) в возрасте до четырнадцати лет, а также по усмотрению следователя педагог может быть привлечен и при допросе указанных субъектов в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет. Тогда как именно свидетели и потерпевшие нуждаются в психологической поддержке.

Изменение указанной правовой нормы, введение ювенального психолога (нами выше обосновывалась нецелесообразность привлечения педагога к участию в производстве следственных действий) — все это позволит повысить эффективность проведения расследования по уголовным делам с участием несовершеннолетних.

3) Совершенствование системы поиска «потерявшихся» детей. По данным МВД, в России ежегодно в розыске находятся свыше 120 тыс. без вести пропавших [8], среди них 15 тыс. составляют дети [9]. Создание специализированных служб, координирующих волонтерские движения, работающие в направлении розыска потерявшихся детей, а также отслеживающих как поиск в социальных сетях, так и официально организованный поиск позволит повысить эффективность рассматриваемого процесса.

4) Работа «службы доверия». В соотношении с предложениями высказанными ранее, создание специализированной системы служб доверия, объединяющей в себе специалистов в области ювенальной психологии, юристов, педагогов, может явиться одним из факторов гармоничного формирования личности несовершеннолетнего. Анонимность обращения в подобную службу поможет предотвратить

совершения указанными субъектами необдуманных поступков.

5) Дети-сироты [10]. Так на 1 января 2012 г. в России насчитывалось 654 355 детей, оставшихся без попечения родителей [11]. Действующая система работы с несовершеннолетними данной категории не раз подвергалась критике. Ее реформирование должно стать одним из приоритетных в системе ювенальных технологий.

В завершении отметим, что основным препятствием на пути развития ювенальных технологий в России является грамотно организованная анти-пиар-компания в сети Интернет. Создание роликов социальной рекламы, доказывающих эффективность отдельных ювенальных технологий, создание полноценной законодательной базы в данном направлении, поможет изменить сложившуюся ситуацию.

Литература

[1] Кудрявцев А.В. Ювенальная юстиция современной модели российского уголовного процесса / А.В. Кудрявцев, О.Г. Кудрявцева // Пробелы в Российском законодательстве. — 2011. — № 3. — С. 223–226.

[2] Ювенальные технологии как угроза этнической идентичности народа России [Электронный ресурс]. — URL: http://ruskline.ru/analitika/2011/04/08/yuvenalnye_tehnologii_kak_ugroza_etnicheskoj_identichnosti_naroda_rossii/

[3] Семью ставят в угол. Что такое ювенальная юстиция и почему с ней борются родители [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rg.ru/2013/02/12/juvenalnaia.html>

[4] Материалы против ювенальной юстиции [Электронный ресурс]. — URL: <http://newvesti.info/tag/yuvenalnaya-yusticiya/>

[5] Евсюкова Е.В. Подготовка к допросу как предпосылка получения правильных показаний несовершеннолетних и малолетних / Е.В. Евсюкова, Р.Е. Лобусев // Закон и право. — 2008. — № 2. — С. 104–105.

[6] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; РАН. Ин-т русского яз. им. В.В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1999. — С. 497, 630.

[7] Кудрявцев А.В. Использование специальных знаний в области ювенальной психологии в современной модели российского уголовного процесса / А.В. Кудрявцев, О.Г. Кудрявцева // «Черные

дыры» в Российском законодательстве. — 2010. — № 3. — С. 95–98.

[8] Черное на сером [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rg.ru/2012/09/26/poisk.html>

[9] Ежегодно в России исчезают 15 000 детей [Электронный ресурс]. — URL: <http://newsland.com/news/detail/id/788522/>

[10] Почему в России так много сирот [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.mk.ru/politics/interview/2013/02/26/818367-pochemu-v-rossii-tak-mnogo-sirot.html>

[11] О проблеме сирот в России [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0547/gazeta025.php>

CONTENTS

LABOR LAW AND SOCIAL SECURITY LAW

SAMIRKHANOV Amirkhan Mirkadamovich,
*Chairman of Trade Unions Federation
of the Republic of Bashkortostan*

MERITED CONDITIONS TO WORKING WOMEN

The problems of employment creation for women with children and for people with family commitments are considered in the article. Russian maternity, childhood and family protection legislation, achievements of the Republic of Bashkortostan in the sphere of regional family policy and also the offers on the improvement of measures of social protection of working women with kids under 14.

Key words: *professional employment, demographic policy, professional training and re-training, social support, labor conditions.*

POLSTOVALOV Oleg Vladimirovich,
*Doctor of Laws, associate professor,
the head of the Penal Law, Process and Criminalistics
Chair of Bashkir Presidential Academy
of Government Service and Administration*

DEFEAT IN THE RIGHT OF MINORS SEEKING EMPLOYMENT IN CONNECTION WITH CONVICTIONS OF THEIR RELATIVES

The article is devoted to the problem of rights protection of the minors whose close relatives were made criminally liable and they defeat in the right seeking the employment in the public or civil services and in the law-enforcement authorities.

Key words: *right to work, employment, convictions, minors' rights protection, criminal liability.*

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna,
*Director of Bashkir Institute of Social Technologies
(branch) of the Academy of Labor and Social Relations,
applicant for the Doctor's degree of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Candidate of Historical Sciences*

EMPLOYMENT OF RUSSIAN VOLUNTEERS AS PRIORITY GUIDELINES OF PUBLIC YOUTH POLICY

The article is devoted to the questions of assistance in the development of practice of the charity citizens and organizations, and to the dissemination of voluntary activity in Russia. The explanation of the fact that this involvement of additional human resources will allow to pass on to new qualitative level of the solution of social problems, implementation of national projects and by turn it will provide considerable economic effect and will bear influence on the further development of the society is presented in the article.

Key words: *volunteering, voluntary activity, unpaid employment, international cooperation, recruiting centers.*

MINNIGULOVA Dinara Borisovna,
*Candidate of Laws,
associate professor, the head of the Business
and Finance Law Chair of Bashkir Presidential Academy
of Government Service and Administration (Ufa)*

THE LIMITS OF APPLICATION OF NORMS OF LABOR LAW IN THE REGULATION OF PUBLIC CIVIL SERVICE

The article is devoted to the questions of competition between the norms of labor and administrative (public service) law in the regulation of the status of public civil employees. The author suggests her own view to the definition of the limits of application of the mentioned branches of law in the regulation of public civil service of the Russian Federation.

Key words: *public civil service, legal status of public civil employees, application of labor legislation to the relations emerging in public civil service.*

CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW

AFANASYEV Alexander Alexandrovich,

Candidate of Law, associate professor of Dostoyevsky Omsk State University

WAYS AND DIRECTIONS OF IMPROVEMENT OF MUNICIPAL AND LEGAL REGIME OF RURAL LIFE: LEGAL SUPPORT OF STABLE COMPLEX SOCIAL AND ECONOMICAL DEVELOPMENT OF THE RURAL AREA

Public relations connected with implementation of the local self-government of the rural areas are the most important constituent part of the rural life as the subject of the legal regulation. On the base of the analysis of the legislation of the Russian Federation and scientific resources the ways of improvement of the legal regulation of rural life realizing the priority direction of the state social and economical policy of stable complex development of rural areas are suggested in the article.

Key words: *public relations, legislation, the Russian Federation, scientific literature, legal regulation, rural area, rural life, local self-government, economical base, stable development.*

BUCHINSKY Vladimir Vladimirovich,

*Candidate of Law, associate professor of Civil Right and Process Chair
of Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa)*

PECULIARITIES OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION OF DIFFERENTIATION OF FEDERAL AND REGIONAL LEGISLATION IN THE REGULATION OF THE QUESTIONS OF ORGANIZATION OF THE LOCAL SELF-GOVERNMENT

The questions of organization of the local self-government in the Russian Federation are considered in the article. The special attention is paid to the necessity to give general principles of organization of the local self-government set by the federal legislation according to international and legal norms.

Key words: *constitutional law, subject of the Russian Federation, federal legislation, regional legislation, constitutional norms, local self-government.*

NASYROV Radmir Rimovich,

*Junior research worker of the Center of political and legal researches
of Eurasian Scientific Research Institute of Law*

LEGITIMATION OF GOVERNMENT IN THE FEDERATIVE RUSSIA

Political mechanisms of legitimation of the government in the Russian Federation are considered in the article. Political and legal designs of legitimacy of the power and the essence of the terms «legitimacy» and «legitimation» are revealed.

Key words: *power, political power, government, legitimation, legitimacy, legality, justice, political mechanisms, public authorities.*

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

KURMANOV Albert Safuatovich,

*Doctor of Law, the Head of the Civil Law
and Process Chair of Bashkir Institute*

of Social Technologies (branch)

of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa)

TO THE QUESTION ABOUT THE TITLE OF CHAPTER 19 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION «CRIMES AGAINST THE CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN»

The controversial aspects of the registration of changes in the title of Chapter 19 of the Criminal Code of the Russian Federation are examined in the article. The basis of the author's version of «Crimes against personal, political, social and intellectual rights and freedoms» is based on the review of the species object, specified crimes and identification on its basis of the group of social relationships that are the subject to real protection of the standards of Chapter 19 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: *criminal and legal protection of constitutional rights and freedoms of the man and citizen, personal, political, social, intellectual rights and freedoms.*

KHACHATRYAN Artak Simakovich,

Junior research worker

*of the Center of political and legal researches
of Eurasian Scientific Research Institute of Law*

PROBLEMS OF CRIME PREVENTION IN THE SPHERE OF HEALTH PROTECTION

Consideration of the problem of the crime prevention committed in the sphere of medicine is closely connected with peculiarities of subjects and essential specifics of acts made by them. The achievement of effective results in elimination of the reasons of commission of encroachments of the medical workers is possible in case the measures of general and special prevention are combined.

Key words: *forensic and medical crime; commercialization of transplantation activity; illegal turnover of organs and tissues; criminal and legal protection of embryos.*

CIVIL LAW AND PROCESS

ANANICHEVA Nataliya Andreevna,

lecturer of the Civil Law and Process

Chair of Bashkir Institute of Social Technologies (branch)

of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa)

PRIVATIZATION OF THE LIVING QUARTERS BELONGING TO STATE AND MUNICIPAL HOUSING RESOURCES

The subject of the research is the legal framework in the sphere of housing privatization. The objects of the research are theoretical and practical issues of legal regulation of privatization relations. The aim of the research is advancing scientific knowledge about the legal nature of privatization on the basis of theoretical and practical regulations of the current civil and housing legislation. When writing the article the following tasks were posed: to study and analyze the current legislation, which regulates the process of privatization of living quarters in the Russian Federation, to study the order of realization of the right to privatization of the occupied living quarters. According to the results of the research certain conclusions were made and the recommendations on improvement of the legal regulation of housing relations in the sphere of privatization were worked out.

Key words: *state, housing resources, privatization, de-privatization, living quarters, right to privatization.*

GORELOV Maxim Vladimirovich,

Candidate of Laws,

associate professor of the Civil Law and Process

Chair of Bashkir Institute of Social Technologies (branch)

of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa)

THIRD PARTY IN THE CIVIL LEGAL PROCEDURE

The questions of correlation of such terms as parties and third party in the civil legal procedure and of the role of the parties are examined in the article. The definition of the term parties given by various scientists and differences between the third party and the plaintiff are considered.

Key words: *judicial sitting, plaintiff, defendant, third party, appeal, arbitration court, court decision, suit.*

MIFTAKHOVA Aisylu Mansafovna,
*Professor of the Civil Law and Process Chair
of Neftekamsk branch of Bashkir State University*

ISKUZHIN Ilvir Ramilevich,
*research worker of the Center of Political and Legal Researches
of Eurasian Scientific Research Institute of Law*

CORPORATE FORMS OF JOINT-STOCK CONTROL: FOREIGN EXPERIENCE

From the legal point of view the corporate control of the activity of the enterprises should be conducted by their shareholders if there are any. But on practice the following happens: shareholders' real permissions to control are limited and realized by other people who don't own the shares of the enterprise or whose interest in the company is small. Various forms of corporate control of the joint-stock company are considered in the article.

Key words: *shareholder, civil law, corporate control, manager control, financial, merger, takeover, joining.*

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

SULEYMANOV Artur Ramilevich,

*Candidate of Political Sciences,
the Head of Labor Law and Trade Union Movement Chair
of Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa)*

PRIMORDIOLISM AND CONSTRUCTIVISM IN THE THEORY OF NATIONAL SECURITY

«Ethnos» and «nation» as political categories are examined in the article. The role of ethnic groups and nations in the consolidation of the national security of the Russian Federation is determined.

Key words: *political science, ethnos, nation, national security, integrity, separatism, conflict.*

SULEYMANOV Timur Fuatovich,

*the Head of the Social, Humanitarian and Economic Disciplines Chair
of Ufa Branch of Moscow State Academy of Water Transport,
Candidate of Philosophy, associate professor*

KASHAPOV Ural Abubakirovich,

*Candidate of Historical Sciences, senior lecturer
of the Physical Training and Life Safety Section
of Zagir Ismagilov Ufa State Academy of Art*

COHERENCE OF LAW AND MORALITY IN PHILOSOPHICAL AND LEGAL SYSTEMS DEVELOPED BY SOLOVYOV V.S. AND TRUBETSKOY Y.N.

The interrelation of law and moral in philosophical and legal systems developed by Solovyov V. S. and Trubetskoy Y.N. is considered in the article.

Key words: *law, morality, consciousness, concepts, relations, personal liberty, general welfare.*

PERSON. CULTURE. SOCIETY

RAKHMATULLINA Zugura Yaganurovna,

*Doctor of Philosophy, Professor,
Deputy Chairman of the Committee of Culture of State Duma
of Federal Assembly of the Russian Federation*

LEGISLATIVE SPACE OF MODERN RUSSIA: ACTUALIZATION OF THE ENVIRONMENTAL PROBLEM OF SPIRITUALITY OF YOUTH

Formation of the spiritual person with high level of culture is a difficult process demanding joint efforts and activity of not only executive authorities, organizations and institutions (family, education system, art, religion, mass media, youth movements, etc.), but also of legislators. The activity of the domestic parliamentarians initiating and adopting laws, protecting the domestic spirituality is considered in the article.

Key words: State Duma, draft, spirituality, spiritual revival, spiritual and physical health, patriotism, anti-culture, obscenities.

GALIEV Farit Khatipovich,

*Candidate of Historical Sciences,
associate professor of the Theory and History of State
and Law Chair of Institute of Law of Bashkir State University*

MODERN YOUTH AND LEGAL CULTURE

It is said in the article that specific features of this or that period in the development of the state and society are reflected in everything, including legal culture. Today's specifics of the state and society are also reflected in the general condition of legal culture, on the one hand, it is an indicator of the level of its development, and on the other hand, it serves as a jumping-off place for its further improvement. Data of sociological poll are used in the article.

Key words: modern youth, legal culture, public opinion, public consciousness, behavior model, lawful form of behavior, public and legal order, legal consciousness, legal nihilism, legal infantilism, legal knowledge, legal education.

SOLODKAYA Irina Nikolayevna,
senior lecturer of Bashkir Academy
of Comprehensive Business Safety and Security
of Bashkir State University

BASKAKOV Alexey Tikhonovich
Candidate of Philosophy,
associate professor of Bashkir Academy of Comprehensive
Business Safety and Security of Bashkir State University

PROSPECTS OF CREATION OF PROBATION SERVICE IN THE RUSSIAN FEDERATION

The question of creation of the probation service in the Russian Federation is considered in the article. The competence of the service will include control under the execution of punishments which are not connected with imprisonment, post-penitentiary re-socialization and social adaptation of the condemned. The forthcoming reform has both the supporters and opponents. The authors prove the point of view according to which the forthcoming reform is quite premature, and its carrying out requires accumulation of experience of pilot projects on various platforms in the subjects of the Russian Federation, and also the complex analysis of the foreign legislation and practice of activity of probation services in the foreign states.

Key words: *probation, criminal and executive inspection, social support, law, reform, center of social adaptation, punishment.*

SULEYMANOV Timur Fuatovich,
the Head of the Social, Humanitarian and Economic Disciplines
Chair of Ufa Branch of Moscow State Academy of Water Transport,
Candidate of Philosophy, associate professor

KASHAPOV Ural Abubakirovich,
Candidate of Historical Sciences,
senior lecturer of the Physical Training and Life Safety Section
of Zagir Ismagilov Ufa State Academy of Art

POLITICAL CULTURE AS ONE OF THE BASIC ELEMENTS OF SPIRITUAL POTENTIAL OF THE SOCIETY

Political culture as one of the basic elements of spiritual potential of the society, the main concepts of definition of its essence both in foreign and in local political science are considered in the article.

Key words: *politics, culture, political culture, political system, norms, values, political orientations.*

JUVENILE JUSTICE

KUDRYAVTSEVA Olga Gennadyevna,
*Deputy Chief of the Criminal Process Chair
of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

KUDRYAVTSEV Alexander Vladimirovich,
*Chief of the Preliminary Investigation Chair
of Ufa Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russia*

JUVENILE TECHNOLOGIES IN MODERN RUSSIA

Problems in the sphere of legislation which regulates the rights of minors and their parents are considered in the article. The directions of implementation of juvenile technologies are suggested.

Key words: *juvenile technologies, psychic development, juvenile psychologist, confidence service.*

АВТОРАМ

Уважаемые коллеги!

Редакция научного журнала «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» приглашает к сотрудничеству на страницах журнала ведущих ученых, молодых исследователей, аспирантов, соискателей и всех заинтересованных лиц в качестве авторов статей, участников круглых столов, рецензентов и т. п.

Наш журнал новый в мире научной периодики Республики Башкортостан. Основную миссию журнала мы видим в консолидации усилий ученых России и Республики Башкортостан по формированию единого научного информационного пространства.

Целью издания является широкое распространение информации о научной деятельности преподавателей и студентов БИСТ; публикация научных трудов, дискуссионных, аналитических и прогнозных статей ученых и практиков по наиболее актуальным проблемам развития современного общества.

В «Вестнике БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» публикуются научные исследования по следующим направлениям:

- экономика;
- юриспруденция;
- регионалистика и этнополитика;
- информационные технологии.

Журнал издается раз в квартал. Срок предоставления материалов: до 1 марта, до 1 июня, до 1 сентября, до 1 декабря.

Мы заинтересованы в эффективном сотрудничестве с высококвалифицированными специалистами и будем благодарны всем, кто поможет нам сделать журнал ярким и интересным.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)»

1. Материалы представляются в редакцию журнала в электронном виде и на бумажном носителе (1 экз.), которые должны быть идентичны. Бумажный вариант не должен содержать рукописных вставок и подписывается на последнем листе всеми авторами. Для тех, кто направляет статью по e-mail: **vestnikBIST@mail.ru**, подпись (авторучкой) сканируется в черно-белом режиме и вставляется в конец документа.

2. Работы аспирантов и соискателей должны сопровождаться отзывом научного руководителя и выпиской с заседания кафедры с рекомендацией.

3. Максимальный объем статьи 15 полных страниц, минимальный — 5 страниц, набранных в соответствии с указанными ниже требованиями:

- текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пт, междустрочный интервал 1,5;
- параметры страницы: левое поле — 3 см, верхнее, нижнее поля — 2 см, правое — 1,5 см;
- абзацный отступ 1,25 см устанавливается автоматически. **Внимание!** Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел»;
- ориентация книжная;
- выравнивание по ширине;
- сноски концевые;
- нумерация страниц производится внизу справа, начиная с 1-й страницы. **Внимание!** Не используйте колонтитулы для нумерации страниц.

4. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения раскрываются при первом упоминании их в тексте.

5. Таблицы в тексте рекомендуется выполнить в редакторе Microsoft Word **Внимание!** Не принимаются в работу отсканированные таблицы и в виде рисунка.

6. Графики, схемы, рисунки, диаграммы, фотографии и другие графические объекты должны быть пронумерованы и дополнительно представлены отдельными файлами в формате *.jpg или *.tif в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi. Подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект. Изображения должны располагаться в пределах рабочего поля, допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Линии графиков и рисунков в файле должны быть сгруппированы.

7. Формулы должны быть набраны в стандартном редакторе формул.

8. Файл именуется по фамилии автора (например, «Иванов.doc»); графические файлы именуется по номеру рисунка, таблицы и т. п. (например, «рисунок 1.jpg», «таблица 3.doc»).

9. Литература оформляется в конце статьи в виде общего списка в порядке цитирования. Кегль 12 пт, выравнивание по ширине страницы. Фамилия и инициалы автора/авторов выделяются курсивом, далее указываются название и выходные данные, включающие место издания, название издательства, год издания. Например, [1] *Иваненко С.П.* Проблемы социализации современной молодежи. СПб.: Архей, 2008.

10. Библиографические ссылки на литературу и источники в тексте оформляются в квадратных скобках [номер источника по списку, номер страницы].

11. К материалу прилагается следующая информация **на русском и английском языках:**

- Заголовок статьи.
- Сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, почетные степени и звания, место работы и занимаемая должность, электронный адрес.
- Аннотация текста публикуемого материала (не более четырех предложений). В аннотации указываются предмет, объект исследования; цель и задачи исследования; краткие выводы.
- Ключевые слова (не более семи речевых единиц).

12. Материалы публикуются на безгонорарной основе.

13. Плата за публикацию с авторов не взимается.

14. Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

15. Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания.

16. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются, рукописи не возвращаются.

17. Для своевременной подготовки журнала необходимо заполнить и предоставить в редакцию на отдельном бумажном носителе и в электронном виде **регистрационную карту** по следующей форме:

Фамилия, имя, отчество	
Место работы, занимаемая должность (с указанием кафедры, отдела, лаборатории)	
Ученая степень, ученое звание (при наличии)	
Полное название статьи	
Отрасль научной статьи	
Эл. почта (обязательно)	
Контактный телефон (обязательно)	
Адрес (с указанием почтового индекса; обязательно)	

К сведениям об авторе обязательно прилагается в электронном виде цветная фотография размером не менее 5x6 см, отсканированная с разрешением 300 dpi и сохраненная в формате *.jpg или *.tif.

Вестник БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Серия «Юриспруденция». 2013. № 2 (18)

Компьютерная верстка А.Г. Бурмистровой
Техническое редактирование: Т.Е. Бочарова

Сдано в набор 06.06.2013. Подписано в печать 24.06.2013.
Формат 60 x 84/8. Усл. печ. л. 13,95. Уч.-изд. л. 14,48.
Гарнитура «FranklinGothicBookC». Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Тираж 1500 экз. Заказ 63

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-34653 от 2 декабря 2008 г.

Адрес редакции:
450054, г. Уфа, проспект Октября, 74/2;
БИСТ (ф-л) ОУП ВПО «АТиСО»;
тел. +7 (347) 237-24-82;
www.bist.ru;
e-mail: vestnikbist@mail.ru

Отпечатано в ИП Абдуллина
450059, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 27, корп. 2, оф. 21

